

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

Вып. 4 (17), 2017

История

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-60993 от 5 марта 2015 г.

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

В. Н. Егоров, д-р экон. наук
(председатель)
С. А. Сырбу, д-р хим. наук
(зам. председателя)
В. И. Назаров, д-р психол. наук
(зам. председателя)
К. Я. Авербух, д-р филол. наук (Москва)
Ю. М. Воронов, д-р полит. наук
Н. В. Усольцева, д-р хим. наук
Ю. М. Резник, д-р филос. наук (Москва)
О. А. Хасбулатова, д-р ист. наук
Л. В. Михеева
(ответственный секретарь)

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»:

А. А. Григорян, д-р филол. наук
(главный редактор серии)
О. М. Карпова, д-р филол. наук
А. Н. Таганов, д-р филол. наук
О. А. Павловская, канд. филол. наук
А. А. Корников, д-р ист. наук
Д. И. Польшвинный, д-р ист. наук
К. Е. Балдин, д-р ист. наук
В. М. Тюленев, д-р ист. наук
Г. С. Смирнов, д-р филос. наук
Д. Г. Смирнов, д-р филос. наук

Адрес редакции (издательства):

153025 Иваново, ул. Ермака, 39, к. 462
тел./факс: (4932) 93-43-41
e-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Подписной индекс в каталоге
«Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series «The Humanities»

Issue 4 (17), 2017

History

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Federal Agency for the Oversight in the Sphere of Communication, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)
Registration certificate III № ФС77-60993 of March 5, 2015

Founded by Ivanovo State University

EDITORIAL COUNCIL:

V. N. Egorov, Doctor of Economics
(Chairman)

S. A. Syrbu, Doctor of Chemistry
(Vice-Chairman)

V. I. Nazarov, Doctor of Psychology
(Vice-Chairman)

K. Ya. Averbukh, Doctor of Philology
(Moscow)

Yu. M. Voronov, Doctor of Politics

N. V. Usoltseva, Doctor of Chemistry

Yu. M. Reznik, Doctor of Philosophy
(Moscow)

O. A. Khasbulatova, Doctor of History

L. V. Mikheeva (Secretary-in-Chief)

EDITORIAL BOARD OF THE SERIES «THE HUMANITIES»:

A. A. Grigoryan, Doctor of Philology
(Chief Editor of the Series)

O. M. Karpova, Doctor of Philology

A. N. Taganov, Doctor of Philology

O. A. Pavlovskaya, Candidate
of Science, Philology

A. A. Kornikov, Doctor of History

D. I. Polyvyanny, Doctor of History

K. E. Baldin, Doctor of History

V. M. Tyulenev, Doctor of History

G. S. Smirnov, Doctor of Philosophy

D. G. Smirnov, Doctor of Philosophy

Address of the editorial office:

153025, Ivanovo, Ermak str., 39, office 462
tel./fax: (4932) 93-43-41
e-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Index of subscription
in the catalogue «Russian Press» 41512
Electronic copy of the journal can be found
on the web-sites www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Артемьева П. А., Черноперов В. Л. Россотрудничество в продвижении русского языка и российской культуры на постсоветском пространстве в 2014—2016 гг.: результаты, проблемы, перспективы	5
Евсеев В. А. Карьеры питомцев Оксфорда и Кембриджа до и после Реформации	15
Юдин К. А. Х. Рюманн и Г. Фрёбе — классики немецкого кинематографа XX в.	25

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Балдин К. Е. Формирование агрономической организации земства во Владимирской губернии в начале XX в.	38
Ильин Ю. А. Крестьянская демократия против чрезвычайщины (июль — начало августа 1918 г.)	44
Кирюхин Д. В. Владимир Михайлович Андронников во фронтовых воспоминаниях его боевых товарищей	53
Масленникова М. Н., Точенов С. В. Целинная кампания на территории Ивановской области (середина 1950-х — начало 1960-х гг. XX в.)	58
Сельская В. А. Источники финансирования объектов индустриализации СССР в 1926—1935 гг. (На примере строительства Ярославского резино-асбестового комбината)	66
Тюрин А. С. Некоторые аспекты деятельности Нижегородской палаты государственных имуществ по обеспечению доходов бюджета в середине XIX в.	73
Уткин А. В., Костылёва Е. Л. Ранненеолитические глиняные диски в Центральной России	85

ПАМЯТИ КОЛЛЕГИ

Н. Р. Коровин — ученый, педагог, человек (<i>А. А. Корников</i>)	89
--	----

<i>Сведения об авторах</i>	93
----------------------------------	----

<i>Информация для авторов</i> <i>«Вестника Ивановского государственного университета»</i>	95
--	----

CONTENTS

GENERAL HISTORY

- Artemyeva P. A., Chernoperov V. L.** Rossotrudnichestvo in promoting Russian language and Russian culture in the Post-Soviet area in 2014—2016: results, challenges, perspectives 5
- Evseev V. A.** The careers of Oxford and Cambridge graduates to and after Reformation 15
- Yudin K. A.** H. Rühmann and G. Fröbe — classics of German cinema of the XX c.: triumph on the screen and the greatness in life 25

RUSSIAN HISTORY

- Baldin K. E.** Formation of zemstvo agronomic organization in Vladimir province in the early twentieth century 38
- Ilyin Y. A.** Peasant democracy against the state of emergency (July — beginning of August 1918) 44
- Kiryukhin D. V.** Vladimir Mikhailovich Andronnikov in the front-line memories of his comrades-in-arms 53
- Maslennikova M. N., Tochenov S. V.** Virgin land campaign on the territory of Ivanovo region (the middle of 1950-s — the beginning of 1960-s) 58
- Selskaya W. A.** Sources of financing the objects of the industrialization of the USSR 1926—1935 (On the example of Yaroslavl rubber-asbestos industrial complex) 66
- Tyurin A. S.** Some aspects of Nizhny Novgorod Chamber of the State Property activities to ensure the income of the budget in the middle of the XIX c. 73
- Utkin A. V., Kostyleva E. L.** Early neolithic clay disks in Central Russia 85

TO THE MEMORY OF A COLLEAGUE

- N. R. Korovin — a scholar, a teacher, a person (*A. A. Kornikov*) 89
- Information about the authors* 93
- Information for the authors of «Ivanovo State University Bulletin»* 95

ББК 63.3.(2)64

П. А. Артемьева, В. Л. Черноперов

РОССОТРУДНИЧЕСТВО В ПРОДВИЖЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА И РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В 2014—2016 гг.: РЕЗУЛЬТАТЫ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Рассматривается роль Россотрудничества в проведении российской политики soft power на постсоветском пространстве, выявлены факторы, снижающие результативность работы этого федерального агентства, и намечены пути повышения эффективности его деятельности.

Ключевые слова: Россотрудничество, soft power, постсоветское пространство, русский язык, русская культура.

This article is devoted to the role of Rossotrudnichestvo in pursuing Russian soft power policy in the Post-Soviet area. The authors identify the factors mitigating the effect of the federal agency work. The authors make some recommendations that can help to improve the situation.

Key words: Rossotrudnichestvo, soft power, the Post-Soviet area, Russian language, Russian culture.

Минувший 2016 г. подарил пользователям Сети новый хештег #russiansdidit. Распространившаяся в Интернете шутка стала своего рода олицетворением того, что антироссийскую риторику довели до абсурда. Как писал М. Ю. Лермонтов, «Все это было бы смешно, / Когда бы не было так грустно...» События последних лет показали, что, несмотря на откровенную надуманность и несостоятельность многих обвинений в адрес России, авторам этих выпадов удается главное: они укрепляют устойчивое негативное представление о Российской Федерации и ее политике. Наша страна явно проигрывает конкурентам в способности привлекать внимание и убеждать в правильности своей позиции без применения силовых мер воздействия, т. е. в эффективности проведения политики soft power — «мягкой силы» (термин введен в научный обиход Дж. Наем, переводится иногда как «гибкая власть», «мягкая власть»).

Данная проблема особенно актуальна для позиционирования России на постсоветском пространстве, большая часть которого с 1991 г. объединена в Содружество Независимых Государств (СНГ). И взаимодействие с этими государствами, согласно Концепции внешней политики Российской Федерации,

© Артемьева П. А., Черноперов В. Л., 2017

утвержденной Президентом РФ В. В. Путиным в ноябре 2016 г., является ее приоритетным направлением [13]. Действительно, Москве жизненно необходимо иметь с данными странами дружественные отношения. Ведь государства Содружества — ближайшие соседи России, причем с некоторыми из них у нее общие границы. Кроме того, если Российская Федерация желает в новой постбиполярной системе международных отношений занять достойное место и оставаться актором мировой политики, ей нужно создать мощное интеграционное объединение и стать в нем лидером.

На первый взгляд в отношениях нашей страны с государствами Содружества больших проблем не видно. Ведь страны, объединившиеся в СНГ, связывает многовековой опыт политического, экономического и межкультурного взаимодействия в границах Российской империи и СССР, позитивные стороны которого невозможно игнорировать [10]. Однако не все столь однозначно. Подчас в политике стран — членов СНГ проявляется так называемый постсоветский синдром — ухудшение отношений с Россией. Здесь можно вспомнить хотя бы конфликт с Грузией, обостренный фактором Абхазии и Южной Осетии [25] и переросший в августе 2008 г. в вооруженное столкновение; противостояние РФ с Туркменистаном по вопросу транспортировки газа в 2009 г.; даже со страной, с которой мы с 1996 г. выстраиваем Союзное государство, — Республикой Беларусь — у России периодически возникают осложнения (например, с поставками на российский рынок белорусской сельхозпродукции («молочные войны») или транзитом углеводородов). В контексте упомянутых конфликтов можно вспомнить также позицию союзников Москвы по Организации Договора о коллективной безопасности в 2008 г., которые не поддержали Россию в вопросе признания независимости Республик Южная Осетия и Абхазия [22, с. 68—69].

Новые штрихи в отношении РФ с постсоветскими странами внес конфликт России с Украиной, связанный со свержением власти президента В. Ф. Януковича, проблемой Крыма и гражданской войной на Донбассе. Некоторые из государств Содружества увидели в действиях Москвы возрождение имперской политики. В этом отношении показательно голосование стран — членов СНГ в Генеральной Ассамблее ООН по вопросу территориальной целостности Украины 27 марта 2014 г. (резолюция A/RES/68/262), что было связано с вхождением Крыма в состав России [24]. Против резолюции выступили, т. е. открыто поддержали Российскую Федерацию, только два постсоветских государства — Армения и Беларусь [23]. Остальные голосовали либо за резолюцию (Азербайджан, Молдова, Украина), либо воздержались (Казахстан, Узбекистан), либо не участвовали в голосовании (Киргизия, Таджикистан, Туркменистан) [2].

Приведенные выше и иные столь же негативные факты убедительно показывают, что нашей стране необходима продуманная стратегия «мягкой силы», которая позволила бы не только сохранить в постсоветских государствах положительные воззрения на Россию и ее политику, но и укрепить их. Без этого рассчитывать на усиление позиций Москвы на пространстве СНГ бессмысленно. Одним из ведомств, призванных решать указанные задачи, является Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество).

Россотрудничество (Агентство, Федеральное агентство) — относительно молодое учреждение, подведомственное Министерству иностранных

дел РФ. Оно было создано на основании Указа Президента России Д. А. Медведева от 6 сентября 2008 г. № 1315 «О некоторых вопросах государственного управления в области международного сотрудничества» [18]. Однако факт образования Агентства не означает, что до этого времени наше государство не проявляло заботы о своем имидже за рубежом или не занималось проблемами отношений с соотечественниками. Ранее эту задачу решали Всесоюзное общество культурной связи с заграницей, Союз советских обществ дружбы, Международный союз общественных объединений «Российская ассоциация международного сотрудничества» и Российский центр международного научного и культурного сотрудничества (Росзарубежцентр) [7]. Эти институты устанавливали и поддерживали связи с зарубежными общественными организациями, развивали научное и культурное взаимодействие, популяризировали русский язык, занимались организацией международных выставок, фестивалей, конференций и гастролей артистов, студенческими обментами и языковыми курсами. Россотрудничество выступило их правопреемником и начало свою работу на фундаменте, созданном ими. Причем сразу же получило более высокий статус. В отличие от учреждений прошлых лет (исключая Росзарубежцентр) Россотрудничество — это государственный орган, подведомственный, как отмечалось, Министерству иностранных дел РФ.

Более высокий, чем у предшественников, статус предопределил то, что Федеральное агентство изначально вышло за рамки сугубо научно-культурной деятельности и наряду с продвижением российского образования, укреплением позиций русского языка и культуры РФ за границей содействовало и содействует международному взаимодействию, сохранению историко-мемориальных памятников и мест погребения, поддержке соотечественников за рубежом, развитию общественной дипломатии, интеграции стран Содружества, международным связям регионов России [8].

Широкие полномочия Агентства можно объяснить его нацеленностью на реализацию государственной политики международного гуманитарного сотрудничества. Содержание этого понятия в нашей стране несколько отличается от принятого на Западе. Там под гуманитарным сотрудничеством понимается прежде всего оказание помощи развивающимся государствам, пострадавшим от стихийных и иных бедствий, защита прав человека и противодействие насилию. В России же, помимо перечисленных направлений, гуманитарное сотрудничество включает развитие культурных связей, публичную/общественную дипломатию, поддержку соотечественников за рубежом [9].

В настоящий момент, согласно официальным данным, Россотрудничество имеет 96 представительств в 81 стране мира, причем в 22 государствах его работники трудятся в штате российских посольств [19].

Исходя из того что Агентство действует в рамках Концепции внешней политики РФ и руководствуется ее долговременными политико-экономическими интересами, приоритетным регионом его деятельности выступает пространство СНГ [11]. Здесь одним из основных направлений работы Россотрудничества является расширение ареала русского языкового и российского культурного присутствия. Различные мероприятия, призванные сохранить и укрепить положительное отношение к русскому языку и культуре многонациональной РФ, проводятся прежде всего на базе российских центров науки и культуры (РЦНК), которых в 62 странах мира, включая государства Содружества, насчитывается 72 [19].

В своей деятельности Россотрудничество использует те же методы, что и его предшественники в советское время. Так, мероприятия, посвященные знакомству с культурой народов России, включают в себя концерты, тематические выставки, творческие вечера с известными деятелями культуры, киносеансы, фестивали и спектакли [28, р. 42—43]. Все они, как правило, привязаны к конкретной памятной дате и, следовательно, носят точечный характер.

Схожая работа осуществляется Агентством и по продвижению за границей русского языка. На этом направлении также проводятся локальные мероприятия, связанные со знаковыми датами, например Днем русского языка. В рамках подобных мероприятий для граждан стран — членов СНГ организуются конкурсы сочинений и олимпиады. Ведущую роль в этой работе играют РЦНК, на базе которых обычно создаются и действуют курсы русского языка, нацеленные на различную аудиторию — работников государственных служб, соотечественников, проживающих за рубежом, бизнесменов, заинтересованных в деловых контактах с Россией, молодежь, желающую получить образование в РФ. Отдельным направлением, но тесно связанным с перечисленными, выступает поддержка за рубежом преподавателей русского языка.

Анализируя деятельность Россотрудничества на постсоветском пространстве, авторы настоящей статьи выявили любопытный факт: хотя пространство СНГ рассматривалось Агентством как приоритетное, для отдельных стран этого региона долгое время не разрабатывалось специальных механизмов и программ продвижения русского языка и российской культуры.

Ситуация начала меняться в 2015 г. Тогда Россотрудничество пересмотрело многое в своей работе и заявило о переходе от локально-мероприятийного способа осуществления культурной политики к страновому [3]. Одной из основных причин этого перехода, по мнению авторов статьи, стала многоуровневая антироссийская политика и пропаганда многих стран мира, связанная с действиями Москвы в отношении конфликта на Украине и началом военной операции ВКС России в Сирии. По словам Л. Н. Глебовой, возглавлявшей Федеральное агентство с марта 2015 по сентябрь 2017 г., новый подход нацеливал на создание конкретных программ, ориентированных на отдельную страну, а не регион [3]. Несомненно, такое изменение в работе выглядит оптимистично, однако вызывает по меньшей мере один вопрос: поскольку Россотрудничество представлено в 81 государстве, хватит ли у него и у структур, связанных с ним, ресурсов (кадровых и материальных) для разработки и главной реализации 81 (!) отдельной программы?

Материалы Агентства за последние годы показывают, что в оценках эффективности своей работы оно опирается прежде всего на количественные показатели, которые не позволяют создать объемную картину. Примером может служить отчет Россотрудничества за 2015 г. [4]. Сообщение о том, что для продвижения российской культуры за рубежом планировалось проведение более 140 различных мероприятий: концертов, выставок, киносеансов, творческих вечеров и т. д. [21], мало что поясняет стороннему читателю. Например, остаются без ответа вопросы о том, какая часть из запланированного связана с приоритетным направлением политики РФ — странами постсоветского пространства; какова может быть результативность этих мероприятий в государствах Содружества с точки зрения охвата разных профессиональных и социальных групп, особенно молодежи? А ведь на этом направлении именно в 2015 г. у Россотрудничества возникли серьезные затруднения. Тогда Агентство планировало открыть в бывших советских республиках четыре

новых РЦНК: в Таджикистане (г. Худжанд), Киргизии (г. Ош), Беларуси (г. Гомель) и Молдове (г. Тирасполь). Однако согласие на это дали лишь два государства — Киргизия и Беларусь. Данный факт, по нашему мнению, свидетельствует не только о негативном влиянии на постсоветские страны внешних факторов, которые были связаны с резким охлаждением отношений России с Украиной и государствами Запада, но и о недоработках российских внешнеполитических институтов, включая прежде всего Россотрудничество.

Идея о страновом подходе, озвученная в 2015 г., начала более активно реализовываться в 2016 г. Подвигло к этому и постановление Правительства РФ от 20 мая 2015 г. № 481 «О федеральной целевой программе “Русский язык” на 2016—2020 годы» [20]. В итоге Россотрудничеством за 2016 г. были разработаны пилотные карты по продвижению русского языка в Болгарии, Молдове и Киргизии, включающие перечень мероприятий, учитывающих особенности этих стран [5]. Успех на данном направлении отмечался также в Армении, Китае, Иордании, Сербии, Таджикистане, Узбекистане, Финляндии и ряде латиноамериканских стран.

Правда, в отчете за 2016 г. о работе Агентства, как и в предыдущий период, превалировали количественные показатели, одной из главных цифр стало число людей, принявших участие в мероприятиях Россотрудничества, причем, как и ранее, без определения «эффективности обратной связи». Например, осталось неясным, сколько человек после посещения выставок или концертов записались на курсы русского языка или заинтересовались российскими СМИ. А ведь это очень важно для выстраивания политики, особенно на постсоветском пространстве. Ибо здесь необходимо учитывать тот факт, что опора на русскоязычную диаспору и людей советского времени, которые не только знают русский язык и российскую/русскую культуру, но и считают их частью своего самоопределения, в критической ситуации может не сработать в интересах России. Ведь на смену этим людям приходит молодое поколение, для которого русский язык является сугубо иностранным, не имеющим никаких приоритетов перед английским, немецким или китайским. То же относится к вопросу о русской/российской культуре. В этой связи Россотрудничеству следует выработать методику анализа, которая примирила бы количественные показатели с качественными, что необходимо для повышения эффективности его работы. Впрочем, возможно, такая методика уже существует и задействована, но получаемые результаты не представляются широкой публике.

Стоит отметить, что вопрос о результативности проводимых Россотрудничеством мероприятий вызывает ожесточенные споры, которые во многом связаны с более общими вопросами о содержании термина «мягкая сила» и о месте *soft power* в политике РФ. Авторы настоящей статьи не будут вдаваться в данную дискуссию и отсылают читателя, интересующегося этой проблемой, к публикации дипломата и политолога А. В. Будаева «“Мягкая сила” во внешней политике России: истоки, особенности, перспективы», вышедшей в 2015 г. [1, с. 193—195], и статье ведущего специалиста МГИМО (У) М. М. Лебедевой «“Мягкая сила”: понятия и подходы», опубликованной в 2017 г. [14]. Для нас более важен вопрос о месте «мягкой силы» в политике Кремля. В экспертном сообществе по этой теме единства нет.

Некоторые отечественные специалисты пишут о том, что говорить о действенном вкладе *soft power* в реализацию современной российской внешней политики не представляется возможным. Здесь показательно мнение

политологов А. А. Казанцева и В. Н. Меркушева, которые, правда в работе почти десятилетней давности, подчеркивали, что если раньше «Россия распространяла свое влияние благодаря русскому языку», то сегодня данный канал воздействия, как и некоторые другие, отошел в прошлое [12, с. 122]. И это во многом объективный процесс, напрямую связанный с глобальными изменениями: ростом эмиграционных процессов, усилением этнического фактора в политике и т. д. [27]. Другие авторы более осторожны в своих суждениях. Они подчеркивают: несмотря на то что Россия «почти безвозвратно утратила свой довольно значительный потенциал “мягкой силы”, который достался ей после распада Советского Союза», она все еще сохраняет на страны — члены СНГ информационно-культурное влияние, которое обеспечивается возможностью беспрепятственного распространения на постсоветском пространстве «продукции российской теле- и киноиндустрии, музыкальных произведений (пусть иногда не очень высокого качества)», а также научно-образовательной привлекательностью российских вузов [15, с. 200]. Третьи эксперты не отрицают использования Россией «мягкой силы» во внешней политике, но считают эти шаги редкими, к тому же предназначенными для поддержания «жесткой силы», а не направленными непосредственно на достижение привлекательного имиджа страны [26]. Исследовали четвертой группы, например А. В. Будаев, в трактовке действенности soft power опираются на положения Концепции внешней политики РФ, дополняя их рядом факторов: «Важными акторами и трансляторами “мягкой силы” России являются российская диаспора за рубежом (свыше 30 млн человек, занимает второе место после китайцев по численности среди иностранных диаспор), Русская православная церковь... иностранные организации бывших выпускников российских (советских) вузов» [1, с. 193].

Россотрудничество, как и любое другое ведомство, имеет свои слабые и сильные стороны. На наш взгляд, основной фактор, снижающий эффективность деятельности Агентства, состоит в том, что она во многом пересекается с работой других ведомств, а иногда просто дублирует ее [29]. Так, компетенцию продвижения российской культуры и русского языка, помимо Россотрудничества, осуществляют Министерство культуры и Министерство образования и науки РФ, фонд «Русский мир», Институт русского языка имени А. С. Пушкина, Международный союз общественных объединений «Российская ассоциация международного сотрудничества». Нам могут возразить и привести ряд аргументов в обоснование сохранения существующего положения:

— большое количество центров создает дополнительные площадки для обсуждения проблем, что увеличивает возможности презентации за рубежом культурных достижений России и привлечения внимания иностранцев, особенно на постсоветском пространстве, к русскому языку и российской культуре;

— многогранная деятельность различных институтов, в первую очередь тех, которые с государством открыто не связаны и имеют свою точку зрения, не совпадающую полностью с официальной, способствует росту доверия за рубежом к этим структурам, и в этом качестве их работа может выступить важным помощником в достижении стратегических задач российского внешнеполитического курса.

Приведенные аргументы вполне убедительны. Но все-таки, как представляется авторам настоящей статьи, в современном мире, включая постсоветское пространство, насыщенном жестким противостоянием, выработка не только стратегического плана с набором общих положений, но и единого плана (пошаговой дорожной карты) просто необходима. Непроработанность этого вопроса рождает неразбериху и существенно снижает результативность действий по достижению краткосрочных и среднесрочных внешнеполитических целей.

Еще один недостаток работы Россотрудничества — отсутствие обратной связи, о чем упоминалось ранее. Продолжая рассуждения на эту тему, отметим следующее. На сегодняшний момент мероприятия Агентства носят в основном ознакомительный характер. Россотрудничество предлагает узнать больше о России, но вместе с тем не называет способов применения данных знаний. Представляется, что нашей стране следовало бы повнимательнее присмотреться к опыту Китайской Народной Республики, тем более что у обоих государств отправная точка в реализации soft power имеет общие черты. И Россия, и КНР являются странами так называемой второй волны мягкой дипломатии [6, с. 1]. И о той и о другой существуют устойчивые негативные стереотипы за рубежом. Среди них — якобы непобедимая и всепоглощающая коррупция, несоблюдение прав человека, агрессивность и т. д. Кроме того, сохраняющаяся в России экономическая модель не вызывает в странах «третьего мира» стремления к подражанию. Многие из них уже нашли свои, причем эффективные пути развития. Для государств же, ориентированных на западные ценности, малоинтересны практикуемые в России методы управления государством и выстраиваемая политическая система. Таким образом, как и у КНР, у РФ единственным по-настоящему мощным и неиссякаемым источником влияния остается историко-культурное, научное, спортивное и духовно-нравственное наследие, вызывающее повышенный интерес всех образованных людей за рубежом. И если судить по информации на сайте Россотрудничества, определенная работа по использованию этого интереса для достижения заявленных задач ведется. Но все-таки хотелось бы большего.

Китайская так называемая пинг-понговая дипломатия (публичная дипломатия, основанная на интересе в мире к китайской культуре, истории, спорту и т. д.) выглядит более эффективной, чем наша. Например, в отличие от деятельности Россотрудничества, мероприятия институтов Конфуция как глобальной сети международных культурно-образовательных центров (институтов и классов), создаваемых Государственной канцелярией КНР по распространению за рубежом китайского языка, нацелены на получение столь часто упоминаемой обратной связи. В этих учреждениях ведется планомерная работа по подготовке людей, которые в перспективе смогли бы активно взаимодействовать с КНР в реализации различных проектов. В частности, в этом русле лежит деятельность специализированных институтов, например Афинского института Конфуция бизнеса или Лондонского института Конфуция китайской медицины. Причем, что не может не вызывать уважения, первый институт Конфуция китайцы открыли за рубежом (в Южной Корее) только в 2004 г., а на конец 2010 г. их функционировало уже 322 в 96 странах. И кроме них, еще 369 классов [16, с. 19].

В отличие от деятельности учреждений, созданных КНР, мероприятия Россотрудничества носят преимущественно односторонний характер. В то время как демонстрация того, что изучение русского языка дает реальные

перспективы продвижения в образовании, искусстве, науке, спорте и т. д., должна стать главной целью российского Агентства. При этом данному институту следует продвигать культуру народов России, понимая ее в самом широком смысле. Например, организовывать проведение специальных курсов о культуре поведения в нашей стране, об особенностях быта и нравов в различных регионах, о практике ведения бизнеса, о научных и образовательных традициях и т. п. Ведь в России занимаются бизнесом и готовы обучаться довольно много граждан из постсоветских стран. Следовательно, проведение таких занятий могло бы стать взаимовыгодным.

Справедливости ради отметим, что кое-что для получения обратной связи Федеральным агентством уже сделано. Прежде всего это касается усиления практической направленности преподавания русского языка в РЦНК. Сегодня данные центры предоставляют возможности изучать русский язык для самых разных целей: повседневного общения, ведения бизнеса, получения образования и т. д., что позволяет говорить о том, что Россотрудничество учитывает задачи времени. Однако Агентству необходимо выработать такую форму подачи материала, которая сохраняла бы, насколько это возможно, живую составляющую русского языка. Комплексное знание русского позволит иностранцам ознакомиться с российской языковой картиной мира, а значит, попробовать посмотреть на происходящее в мире с точки зрения Российской Федерации.

Возвращаясь к теме обратной связи, отметим, что повышению ее эффективности могло бы помочь более активное включение в этот процесс регионов нашей страны. На первый взгляд ситуация на этом направлении обнадеживающая. Агентством подписан ряд соглашений с субъектами РФ, что дает им возможность пользоваться площадками Россотрудничества для презентации себя за рубежом. Однако, как можно судить по сайту Федерального агентства, практически в этой области делается очень мало. Так, на 17 октября 2017 г., когда авторы просматривали настоящую статью перед направлением в печать, последняя новость на сайте Агентства, выставленная в разделе «Мероприятия субъектов РФ в РНЦК», была датирована 10 января (!) (о визите во Вьетнам представительной делегации Республики Башкортостан) [17]. О контактах же на пространстве СНГ нет никакой информации.

Россотрудничеству для сохранения и улучшения позитивного образа России в бывших советских республиках необходимо демонстрировать то, что наша страна не на словах, а на деле заинтересована в культурном обмене, что она ценит и уважает культурное многообразие на постсоветском пространстве. А для достижения этой задачи следует знакомить не только молодежь стран Содружества с Россией, но и россиян с историей, культурой и языком постсоветских государств. Облегчить решение этой задачи, по мнению авторов статьи, помогло бы более активное включение в работу Агентства тех же субъектов нашей страны, в частности домов национальностей в Иванове, Москве и Санкт-Петербурге, которые наработали значительный позитивный опыт. Данные учреждения могли бы стать хорошими площадками для реализации проектов Россотрудничества. Кроме того, через эти и подобные структуры Агентство могло бы более обстоятельно информировать россиян о результатах своей деятельности.

Слабо задействованы Россотрудничеством в выполнении задачи по продвижению российской культуры и русского языка каналы и возможности Русской православной церкви Московской патриархии (РПЦ МП). Церковь,

во-первых, имеет за рубежом многочисленные и организованные приходы, которые долгое время в постсоветских странах оставались немногими (если не единственными) центрами, поддерживающими и объединяющими русскоязычные диаспоры разных государств. Во-вторых, у РПЦ МП есть свой мощный и весьма эффективный международный ресурс прежде всего в лице Отдела внешних церковных связей, который обладает прочными и разветвленными отношениями как с религиозными деноминациями, так и государственными структурами разных стран. В-третьих, в выступлениях предстоятелей Русской православной церкви, особенно ее настоящего главы Святейшего Патриарха Кирилла, озвучиваются высокие духовные и нравственные идеи и ценности, которые, ассоциируясь с Российским государством, содействуют улучшению его имиджа. И в-четвертых, окормление РПЦ МП в приходах за рубежом миллионов прихожан разного гражданства и этнической принадлежности «во многом определяет важнейшие морально-этические нормы российской “мягкой силы” и суть ее цивилизационной миссии в мире» [1, с. 200].

Приведенное выше замечание о РПЦ МП можно отнести и к использованию Россотрудничеством возможностей исламских центров России (Совет муфтиев России, Духовное управление мусульман европейской части России, Координационный центр мусульман Северного Кавказа и т. д.), а также буддийских и иудаистских деноминаций.

Подводя итог, стоит отметить, что реализация Россией *soft power* невозможна силами одного Россотрудничества. Для действительно успешной работы необходимы слаженные действия множества ведомств и самого населения. При этом Россотрудничество может стать гораздо более эффективным инструментом проведения внешней культурной политики РФ на постсоветском пространстве. Для этого у него имеется необходимый опыт взаимодействия со странами данного региона, а также государственная финансовая поддержка, составившая в 2017 г. 3,7 млрд руб. Перед Россотрудничеством стоит сложная, но очень важная задача по грамотному использованию существующего инструментария и перечисленных факторов, по адаптации их к современным реалиям, поиску новых партнеров и активному внедрению перспективных форм работы.

Библиографический список

1. Будаев А. В. «Мягкая сила» во внешней политике России: истоки, особенности, перспективы // Государственное управление : электронный вестник. 2015. № 48 (февраль). С. 189—205. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2015/vipusk_48_fevral_2015_g._pravovie_i_politicheskie_aspekti_upravlenija/budaev.pdf (дата обращения: 09.09.2017).
2. Генассамблея ООН приняла резолюцию в поддержку территориальной целостности Украины // ТАСС — информационное агентство России. 2014. 27 марта. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1079720> (дата обращения: 11.09.2017).
3. Давыденко А. 90 лет народной дипломатии: беседа с руководителем Россотрудничества Л. Н. Глебовой, 5 декабря 2015 г. // Международная жизнь. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/14285> (дата обращения: 11.09.2017).
4. Доклад о результатах деятельности Россотрудничества по реализации возложенных на него полномочий в 2015 г. URL: <http://rs.gov.ru/about/document/12324> (дата обращения: 12.09.2017).

5. Доклад о результатах деятельности Россотрудничества по реализации возложенных на него полномочий в 2016 г. URL: <http://rs.gov.ru/about/document/12324> (дата обращения: 12.09.2017).
6. *Емельянова Н. Н.* Особенности государственной имиджевой политики в Китае и Индии: уроки для России // Имидж России: стратегия, тактика, технологии : материалы научной конференции, 26 ноября 2013 г. С. 1—8. URL: http://prioritet-pr.ru/pdf/2013/Emelyanova_N.N._Osobennosti_imidzhevoj_politiki_v_Kitae_i_Indii.pdf (дата обращения: 21.09.2017).
7. *Занко Т. А.* Организационно-правовые основы деятельности Россотрудничества // Вестник МГИМО-университета. 2012. № 6. С. 143—146.
8. *Звягина Д. А.* Роль Россотрудничества в применении «мягкой силы» Российской Федерацией // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение : вопросы теории и практики. 2013. № 3 (29), ч. 2. С. 111—113. URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2013_3-2_25.pdf (дата обращения: 19.09.2017).
9. *Зонова Т. В.* Гуманитарное сотрудничество России и Европейского союза как инструмент «мягкой силы». URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/238612/> (дата обращения: 11.08.2017).
10. Идея империи и «мягкая сила»: мировой опыт и российские перспективы / В. Я. Ваплер, Н. Э. Гронская, А. С. Гусев, Д. С. Коршунов, А. С. Макарычев, А. В. Солнцев // Вопросы управления. 2010 № 1 (10). URL: <http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2010/01/02/> (дата обращения: 10.08.2017).
11. История Россотрудничества. URL: <http://rs.gov.ru/ru/pages/122> (дата обращения: 12.09.2017).
12. *Казанцев А. А., Меркушев В. Н.* Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы» // Политические исследования. 2008. № 2. С. 122—135.
13. Концепция внешней политики Российской Федерации : утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30 ноября 2016 г. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 19.08.2017).
14. *Лебедева М. М.* «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО-университета. 2017. № 3. С. 212—223.
15. *Лебедева М. М., Фор Ж.* Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России // Вестник МГИМО-университета. 2009. № 6. С. 200—205.
16. *Лю Яньдун.* Совместная работа для устойчивого развития институтов Конфуция : программная речь на V съезде институтов Конфуция // Институт Конфуция : (русско-китайская версия). 2011. № 1 (4). С. 10—16. URL: <http://ci.spbu.ru/archive/2011/01-2011/files/assets/basic-html/page12.html> (дата обращения: 10.09.2017).
17. Мероприятия субъектов РФ в РЦНК // Новости. 2017. 10 января. URL: <http://rs.gov.ru/ru/activities/12/projects/828> (дата обращения: 17.10.2017).
18. О некоторых вопросах государственного управления в области международного сотрудничества : Указ Президента РФ Д. А. Медведева от 6 сентября 2008 г. № 1315 : (ред. от 31 декабря 2015 г.) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_79833/ (дата обращения: 22.09.2017).
19. О Россотрудничестве. URL: <http://rs.gov.ru/about> (дата обращения: 12.09.2017).
20. О федеральной целевой программе «Русский язык» на 2016—2020 годы : постановление Правительства РФ от 20 мая 2015 г. № 481. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420275135> (дата обращения: 12.09.2017).
21. План деятельности Россотрудничества на 2015 г. URL: <http://rs.gov.ru/about/document/8233> (дата обращения: 12.09.2017).
22. *Соколова С. В., Черноперов В. Л.* Проблема прав человека и демократии в отношениях Белоруссии и Европейского союза // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Естественные, общественные науки. 2017. Вып. 1. С. 65—75.

23. *Степушова Л.* Десять друзей верят в Россию // Pravda.ru. 2014. 31 марта. URL: http://www.pravda.ru/world/31-03-2014/1202433-generalnaya_assambleya-0/ (дата обращения: 28.09.2017).
24. Территориальная целостность Украины : резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 27 марта 2014 г. № 68/262. URL: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/68/262&referer=/english/&Lang=R (дата обращения: 12.09.2017).
25. *Черноперов В. Л.* Грузино-абхазский конфликт: история развития в 1990-х — начале 2000-х гг., попытка дипломатического решения в 2008 г. и современные сценарии урегулирования // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Естественные, общественные науки. 2014. Вып. 1. С. 77—85.
26. *Шелов-Коведяев Ф. В.* Мировой кризис и инструментарий «мягкой силы» для России // Безопасность Евразии. 2009. № 3. С. 218—232.
27. *Щербаков А. С.* Этничность в условиях глобализации: проблемы интерпретации // Евразийский регион в глобальной архитектуре современного мира : материалы межвузовских научно-практических конференций / Северо-Западный ин-т управления Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ. СПб., 2012. С. 241—248.
28. *Dougherty J. M.* Russia's «Soft Power» Strategy. Washington : Georgetown University, 2013. 111 p. URL: https://repository.library.georgetown.edu/bitstream/handle/10822/709790/Dougherty_georgetown_0076M_12414.pdf?sequence=1&isAllo wed=y (дата обращения: 10.08.2017).
29. *Lukyanov F.* Why Russia's soft power is too soft // Russia in Global Affairs. 2013. 1st February. URL: <http://eng.globalaffairs.ru/redcol/Why-Russias-Soft-Power-Is-Too-Soft-15845> (дата обращения: 23.08.2017).

ББК 63.3(4Вел)51-28

В. А. Евсеев

КАРЬЕРЫ ПИТОМЦЕВ ОКСФОРДА И КЕМБРИДЖА ДО И ПОСЛЕ РЕФОРМАЦИИ

Рассматриваются различные направления служебных карьер выпускников Оксфордского и Кембриджского университетов до 1500 г. и в эпоху Тюдоров, а также изменения в социальном составе учащихся Оксфорда в период раннего Нового времени. После Реформации сыновья джентри и зажиточных горожан использовали университеты для дальнейшей карьеры на королевской (гражданской) службе и повышения своего социального статуса.

Ключевые слова: выпускники, карьера, церковная и гражданская служба.

The article is devoted to the different trends the carriers of graduates of Oxford and Cambridge universities to 1500 and in the epoch of Tudors. The article is also investigated the transformation in the social structure of the scholars of Oxford in the Early Modern Times. The sons of gentry and prosperous townsmen used the universities for further carrier on the civil service for the rise of their social status after Reformation.

Key words: graduates, carriers, clerical and civic service.

© Евсеев В. А., 2017

Особенностью развития университетского образования в средневековой Англии было наличие только двух его центров — Оксфорда и Кембриджа, тогда как на континенте их было гораздо больше даже в пределах одной страны. История английских средневековых университетов пока еще недостаточно полно отражена в отечественной литературе, хотя в последнее десятилетие у российских исследователей появился определенный интерес к данной проблематике [1, с. 153, 160; 2—8]. В то же время в англоязычной литературе имеется большое количество трудов обобщающего характера по истории английских университетов (см., напр.: [11, 24, 31]), что, в частности, отражено в работе известного британского исследователя А. Коббана [13, р. 423—446].

В данной статье мы обратимся к некоторым вариантам служебных карьер, наиболее привлекательным для студентов Оксфорда и Кембриджа до 1500 г. и в эпоху Тюдоров, а также рассмотрим социальный состав учащихся Оксфордского университета в период раннего Нового времени. Конечно, только часть таких карьер может быть прослежена: немалое количество студентов, посещавших университет время от времени и не имевших цели получить степень, не оставили никаких свидетельств о своей профессии. Но даже с учетом этих ограничений можно составить некоторое представление о деятельности университетских питомцев в английском обществе.

Очевидно, что до 1500 г. церковь на всех уровнях и во всех своих проявлениях была главным работодателем для лиц с университетским образованием. Должности самых верхних ступеней церковной иерархии — епископов и настоятелей кафедральных соборов — занимали в основном выпускники Оксфордского университета. Между 1216 и 1499 гг. Оксфорд обеспечил 57 % английских епископов, а Кембридж — лишь 10 % [9, р. 27—28]. За последние четыре года XV столетия вклад Кембриджского университета существенно возрос: в этот период епископами стали 16 выпускников Кембриджа и 31 воспитанник Оксфорда [10, р. 69]. Тем не менее на протяжении трех веков епископская кафедра являлась, несомненно, преимуществом Оксфорда [26, р. 14—15]. Оксфордские и кембриджские назначения в первую очередь касались правоведов. Имевшие степень по гражданскому праву доминировали над теми, кто специализировался по каноническому, а также по обеим дисциплинам [9, р. 28]. Интересно, однако, то, что в XV столетии количество богословов, принявших епископский сан, было весьма значительным: 33 оксфордских теолога, 50 законоведов и 10 кембриджских теологов, 18 законоведов и один искусствовед [10, р. 70]. Рост числа богословов отчасти мог объясняться увлечением Генриха VI теологией. Между 1443 и 1461 гг., в период его зрелости, 16 из 25 епископов, принявших сан, являлись богословами, преобладание правоведов было восстановлено с 1461 г. при Йорках и сохранялось в эпоху Генриха VII [15, р. 51—57].

Диспропорция в назначениях оксфордских и кембриджских выпускников на должность епископов повторялась и при избрании настоятелей кафедральных соборов. Между 1307 и 1499 гг. 58 % деканских должностей принадлежали воспитанникам Оксфорда и лишь 10 % — выпускникам Кембриджа. Как и в случае с епископами, настоятели-правоведы значительно превалировали над теологами [9, р. 28]. Оксфордские и кембриджские питомцы пополняли ряды занимавших сеньориальные должности в английских кафедральных соборах, подчинявшихся настоятелям, — казначеев, наставников, канцлеров и их заместителей, а также пребендариев соборов

и епархиальных архидиаконов [10, р. 70—76]. Кроме того, значительное количество выпускников этих учебных заведений добивались продвижения по службе и становились ректорами, викариями, капелланами, священниками и другими представителями церковных учреждений. Из анализа записей кембриджского биографического журнала видно, что примерно треть светских воспитанников могла рассчитывать именно на этот вариант карьеры [10, р. 77].

Большинство выпускников английских университетов — выходцев из монашеских общин возглавили ордена или их подразделения. Оксфорд подготовил 605 глав религиозных общин и их составляющих, в отличие от Кембриджа, для которого данное число равнялось всего лишь 253. Это свидетельствует о том, что последний являлся меньшим по численности [10, р. 67—68]. Высочайшей милостью считалась возможность образование в английских университетах, и ею награждались наиболее талантливые представители религиозных орденов.

Кроме карьеры на духовном поприще или в качестве школьного учителя, выпускники Оксфорда и Кембриджа, включая монахов, посвящали себя главным образом королевской, епископальной, дворянской и папской службе [9, р. 29—30]. Имеющиеся данные, однако, показывают, что внедрение воспитанников английских университетов в эти сферы деятельности до 1500 г. было не столь интенсивным, как это можно предположить [11, р. 196]. В указанных четырех областях правоведа также достигали больших успехов, чем каноники. Тем не менее в XV в. кембриджские богословы играли заметную роль при дворе в качестве королевских клириков и на дипломатической службе. Другим направлением, притягивавшим скромный поток выпускников этого университета, являлась карьера нотариуса [11, р. 196]. В то время она была вполне естественной для бакалавров гражданского или обоих прав. Выпускники факультета искусств составляли исключение, и существует лишь несколько случаев, когда они становились нотариусами без получения правоведческой степени.

Говоря о типичных карьерах питомцев средневековых английских университетов, можно рассмотреть для примера выпускники двух отдельно взятых колледжей — Кингз-Холла и Нового колледжа. Многообразные профессиональные достижения представителей Кингз-Холла, имевших органичную связь с королевским двором, не поддаются четкой классификации [12, р. 190—199]. Невозможно точно определить, сколько его выпускников было непосредственно задействовано на службе короне. Но имеются доказательства того, что это число значительно. Они трудились в архиве, казначействе, королевском суде и на дипломатическом поприще; были востребованы в качестве придворных королевы, королевских секретарей, управляющих королевскими владениями, лесничих и судебных уполномоченных; трое исполняли функции хранителей государственных свитков, один являлся лордом — хранителем малой государственной печати; другой возвысился до положения лорда — хранителя большой государственной печати Англии. Выпускники Кингз-Холла пополнили плеяду государственных и придворных деятелей. Они реализовали себя в качестве настоятелей королевской часовни, капелланов короля и королевы, парламентских и судебных деятелей, баронов казначейства и королевских дипломатов. Кроме того, двое стали епископами, а один, Джефффри Блайт, еще и лордом — председателем суда Уэльса [12, р. 281—290].

Среди выпускников Кингз-Холла, состоявших на церковной службе, было 3 епископа, как минимум 21 архиерей (некоторые возглавляли два и более архиерейств одновременно), архиепископский секретарь, 2 епископальных канцлера, епископальный капеллан, несколько епископских уполномоченных и главных викариев [12, р. 293]. Анализ более чем 1600 церковных карьер, сделанных учениками этого колледжа в период между 1317 и 1500 гг. (приходские священники, викарии, настоятели, каноники и пребенды), показал, что по количеству выпускников епархии Линкольна, Лондона, Норвича, Йорка, Сарума и Эли (в порядке возрастания) занимали первые шесть мест [12, р. 293—294]. За исключением Сарума, этот епархиальный порядок подобен проанализированному за 1317—1443 гг. [12, р. 157—160]. Таким образом, выпускники Кингз-Холла находили средства к существованию в каждой епархии Англии (кроме Карлайлской).

Анализ карьер представителей Нового колледжа, бывших его учениками между 1386 и 1547 гг., показывает, что 312 из них стали приходскими священниками (большинство оставались ими или викариями на протяжении всей жизни), 80 вернулись к преподаванию в Винчестере, 70 добились признания при королевском, великосветском и епископском дворах, 40 выбрали удел школьных учителей за пределами Винчестера, 22 реализовали себя в качестве простых правоведов и 20 — в церковном суде, а 13 вступили в религиозные ордена [19, р. 213]. Учитывая масштаб Нового колледжа и его важность как основного юридического центра в Оксфорде, следует заметить, что количество его воспитанников, поступивших на королевскую, дворянскую и епископальную службу за столь продолжительный период не так уж и велико. И если принять во внимание, что 254 представителя Нового колледжа скончались во время пребывания в университете и не менее 533 покинули его без дальнейшего поступления на какую-либо работу [19, р. 213], то увидим, что его вклад в комплектование высших эшелонов церкви или государства ничтожен. Как бы внушительны ни были достижения отдельных колледжей в занятии их выпускниками престижных мест, ясно, что большая часть коллегияльного персонала могла рассчитывать на бесчисленные и гораздо более скромные церковные должности.

Несмотря на то что средневековые Оксфорд и Кембридж допускали отчисления по причинам, неприемлемым в XX в., они, тем не менее, преуспевали в обеспечении многообразных потребностей светского и церковного управления необходимыми кадрами. Университетских питомцев можно было встретить повсюду: среди государственных деятелей, членов королевского совета, епископов, настоятелей кафедральных соборов и глав религиозных орденов, королевских чиновников в различных правительственных департаментах, дипломатов, судей как светского, так и духовного судов, членов парламента, каноников и пребендариев соборов, архиереев и епископских легатов, а также должностных лиц аристократических дворов. Опускаясь по иерархической шкале, мы обнаруживаем их в качестве общественных нотариусов, школьных учителей, приходских священников и домашних капелланов. К 1500 г. в определенных сферах деятельности статус выпускника университета стал почти обязательным условием при назначении на некоторые должности, например служащих кафедральных соборов, а позднее приходских священников [16, р. 35—36, 81—82]. За три столетия английские университеты заняли свое место в поддержании политического, административного,

законодательного и церковного устройства, а их роль соответствовала всем утилитарным требованиям средневекового общества.

С началом Нового времени в странах Западной Европы происходят важные изменения, затронувшие не только социально-экономическую и политическую сферы, но и область культуры и идеологии. Последние наиболее ярко проявились в движении Реформации, которое, в свою очередь, оказало воздействие на все стороны жизни общества, и в частности на образование. В эпоху раннего Нового времени изменяется роль английских университетов, трансформируются статус и степень влияния их выпускников, ибо наряду с социокультурной функцией (идеология и образование) усиливается и социально-политическое значение Оксфорда и Кембриджа.

В этот период английские университеты начинают готовить кадры преимущественно для государственной службы, ибо Реформация сильно ударила по церковной организации, а именно для нее в первую очередь обучали студентов в средневековых университетах, о чем говорилось выше. По мнению известного английского исследователя тюдоровской эпохи А. Роуза, Оксфордский университет потерял в результате Реформации больше, чем Кембриджский [27, р. 512]. Это было связано с тем, что в Оксфорде основное внимание уделяли обучению будущих священнослужителей, а изменения затронули прежде всего их судьбы.

Несмотря на Реформацию, английские университеты выжили и сохранили свои функции в XVI в. как ведущие центры образования. Тюдоровское правительство проявляло заботу об их благосостоянии. Например, Елизавета I посетила университеты в Оксфорде и Кембридже. Среди профессиональных факультетов наибольшим изменениям подвергся факультет канонического права. После преобразования английской церкви, проведенного Генрихом VIII, будущее церковных судов стало неопределенным. Однако было непросто запретить изучение канонического права. Главенство в Канцлерском суде перешло в руки специалистов по гражданскому праву. Появился спрос на специалистов по общему праву и в Адмиралтейском суде. Поэтому сэр Т. Смит в начале 1540-х гг. рекомендовал изучать гражданское право в Кембриджском университете, обращая внимание на те большие возможности, которые получают гражданские правоведа на королевской службе [22, р. 131].

Упадок факультетов права был серьезной проблемой для правительства в то время. Королевские инспекторы в 1549 г. настаивали, чтобы Оксфорд создал новый колледж, посвященный изучению исключительно гражданского права. Он был образован за счет перевода легистов из Нового колледжа в Колледж Всех Святых, а артистического факультета в Новый колледж. В Кембридже для этих же целей был основан Колледж Святой Троицы (Тринити Холл) [22, р. 133—134]. Лорд-протектор королевства — герцог Сомерсет — в то же время объявил о намерении короля создать в Лондоне школу для цивилистов и отобрать в нее лучших учителей и учащихся из Кембриджа и Оксфорда, а их практику обеспечить в Адмиралтейском суде [33, р. 493].

Ситуацию на факультете права Оксфордского университета поможет нам прояснить изучение университетских регистров. За период с 1530 по 1534 г. 90 человек было представлено к степени по каноническому праву и 70 человек по гражданскому праву. За период же 1535—1539 гг. только 8 студентов подали петицию на получение степени по каноническому праву и 39 — по гражданскому праву. Позднее 32 человека стали бакалаврами

и 5 получили степень доктора, а один доктор был инкорпорирован из Кембриджа [25, р. 182]. Таким образом, мы можем констатировать, что после принятия Акта о супрематии количество выпускников канонического права сократилось на порядок в следующем пятилетии (1535—1539 гг.).

Случаи получения степени по специальности канонического права стали единичными, но одновременно восстанавливалась специальность по гражданскому праву. В 1540—1544 гг. степень по гражданскому праву получили 51 бакалавр и 8 докторантов. Однако в последние декады XVI в. отмечается сокращение потока выпускников по этой специальности. За период с 1581 по 1585 г. 767 человек закончили курс на факультете искусств, который являлся подготовительным по отношению к профессиональным факультетам. Позднее из их числа только 13 человек получили степень по праву (9 бакалавров и 4 докторанта), или 1,7 % от всех выпускников артистического факультета. Однако к этому числу следует добавить еще 20 кандидатов на степень по праву, записанных в этот период и получивших ее, но не прошедших через факультет искусств. Из них 10 стали бакалаврами, 2 — докторами и 8 имели обе степени. Следовательно, на двух факультетах из 787 человек 33 (4,2 %) обрели степень. Через десять лет картина была иная. За период 1591—1595 гг. только 0,56 % выпускников факультета искусств получили степень по праву, или 4 человека из 701, а 2,6 %, или 23 человека, обрели степень на двух факультетах — искусств и права [25, р. 227—228, 230, 232]. Молодые люди, получившие эти степени, в большинстве случаев вступали в преподавательские корпорации и занимали юридические должности в церковных судах. Таким образом, факультет права в Оксфорде выполнял свои функции и при поздних Тюдорах, хотя и в сокращенном варианте.

Еще более сложная ситуация возникла на факультете теологии: здесь произошли наиболее значительные преобразования, в то время как богословские занятия долгое время служили основой всего курса обучения. Однако последние десятилетия XVI в. отмечены новой волной интереса к духовным должностям. Факультет теологии имел солидную материальную базу за счет многочисленных вкладов.

Список остепененных выпускников показывает относительное процветание факультета теологии. За период с 1581 по 1585 г. среди получивших степень на факультете искусств 49 человек, или 6,4 %, удостоились степени бакалавра богословия, а 40 человек, или 5,2 %, имели две степени — бакалавра и доктора богословия. Вместе они составляли 89 человек (11,6 %) из 767, закончивших факультет искусств в этот период. В 1591—1595 гг. 44 выпускника факультета искусств (6,2 %) из 701 получили степень бакалавра богословия и 32 человека (4,5 %) — степени бакалавра и доктора (всего 10,7 %) [20, р. 120—121]. Таким образом, мы видим, что последние десятилетия XVI в. отмечены достаточно стабильным интересом выпускников факультета искусств к теологии и стремлением к занятию церковных должностей.

Последний из наиболее известных профессиональных факультетов — медицинский. Он был меньше, чем факультет права. В 1581—1585 гг. только 3 человека (0,4 %) из всех выпускников факультета искусств получили степень бакалавра и доктора медицины и лицензию на практику, а 6 человек — лицензию на практику. В 1591—1595 гг. уже 10 человек получили степень по медицине, из них 2 выпускника — степень бакалавра и 8 — обе степени, 6 — лицензию на практику. Еще 3 человека обрели лицензию без получения степени

по медицине, т. е. всего 13 человек, или 1,8 %, стали практикующими врачами [20, р. 121]. Таким образом, мы видим значительный рост количества выпускников медицинского факультета по сравнению с предыдущим десятилетием.

Факультет искусств (артистический) являлся базовым для тюдоровского университета. Степень по данному факультету обычно была обязательной для получения профессиональных степеней. Поэтому при исследовании социального состава студентов Оксфорда в эпоху Тюдоров надо исходить из числа кандидатов, которые поступали на факультет искусств. Здесь следует различать тех, кто проходили установленный законом курс обучения и становились по большей части клириками, и тех, кто учился достаточно формально (по специальным договорам), чтобы приобрести образование джентльмена [14, р. 65]. Профессор Л. Стоун выделяет две группы выпускников факультета искусств: сыновей джентльменов и сыновей непривилегированных родителей, или плебеев в его терминологии [31, р. 3—110]. Большинство исследователей соглашались с мнением ученого, что джентльмены не хотели получать профессиональные степени, но поступив в университет, где была атмосфера гуманистических идеалов, пропагандируемых с начала XVI в., они затем приходили к решению использовать полученные знания для управления страной. Хотя часть преподавателей выступала за сохранение университетов только для клириков и основание новых институтов для сыновей джентри [14, р. 65—82]. Комплекс перемен в университетах был связан с теми глубокими изменениями, которые происходили в обществе в целом. Достаточно многочисленные джентри страны составляли очень небольшую часть в университетах. Их было меньше, чем сыновей простолюдинов. Последние проходили курс обучения в университете для получения профессии учителей церковных и грамматических школ. Профессор Л. Стоун утверждал, что простолюдины в университетах — это сыновья людей скромных занятий и с ограниченными доходами [31, р. 18—19].

Но среди простолюдинов были сыновья зажиточных горожан и купцов. По подсчетам Л. Стоуна, не более четверти простолюдинов пришли в Оксфорд из городов в 20—30-е гг. XVII в. [30, р. 62]. Однако это не означает, что ранг этих людей автоматически среди тех, кто имел скромные профессии и низкие доходы. Например, Вильям Бечер был записан в Колледж Тела Христа Оксфорда в 1594 г. как сын военного. Однако его отец был галантерейщиком и вначале обозначался как простолюдин, а затем стал олдерменом Лондона. Отец Вильяма имел значительное состояние и земли, которые достались сыну в 1618 г. В. Бечер стал бакалавром по факультету искусств в июне 1597 г., а в 1598 г. поступил в юридический колледж Инн Темпл в Лондоне. Он приобрел поместье Ховбери в Бедфордшире и рыцарский титул в 1619 г., женился на дочери лорда О. Сент-Джона, у одного из его сыновей в крестных матерях была графиня Петерборо [20, р. 124]. В отличие от Л. Стоуна, профессор Дж. Мак-Коника утверждает, что половина студентов пришла из городов, включая простолюдинов [21, р. 166]. Многие из них были богаты, но записаны как сыновья плебеев.

Можно привести некоторые примеры судеб таких простолюдинов. Джеймс Уайтлок был записан в Колледж св. Джона как плебей в 1588 г. Его отец происходил из зажиточной семьи Беркшира, которая отправила младшего сына в Лондон, где он стал процветающим купцом-авантюристом. Отец умер во время поездки в Бордо, оставив четырех сыновей. Его жена вышла замуж за другого купца и смогла сохранить

600 фунтов для содержания и обучения своих сыновей, выросших хорошими джентльменами. По заявлению самого Дж. Уайтлока, они умели петь, танцевать, играть на лютне, знали латынь, греческий, древнееврейский и французский языки [18, р. 4—6]. Уайтлок вначале учился в школе портных в Лондоне, а затем в Оксфорде. Он проявил очень большую заинтересованность в обучении и был направлен в Колледж св. Джона вместе с сыном винооторговца из Лондона Дж. Райтом, который стал затем королевским конюшенным и рыцарем [18, р. 12].

В Оксфорде Уайтлок читал на греческом и древнееврейском, работал над логикой и историей и был квалифицирован по общему и гражданскому праву. Затем он изучал гражданское право в лондонском Нью-Инн, в 1592 г. был допущен в Мидл Темпл и в 1594 г. получил степень бакалавра гражданского права в Оксфорде. После этого Уайтлок большую часть времени провел в Лондоне, но поддерживал связь с колледжем, который сделал его управляющим своих поместий в 1600 г. [28, р. 14—15].

Из этих примеров видно, что молодежь из зажиточных семей умела делать удачную карьеру в Лондоне. Можно отметить также постоянный и живой интерес Уайтлока к обучению и спланированную программу дальнейшего карьерного продвижения с помощью изучения права на факультете. Таким образом, Оксфорд использовался не только для образовательных целей, но и для обеспечения более высокого статуса — джентльмена.

Колледжи университета осознавали ценность связей с богатыми горожанами и зажиточными джентри. Например, в 1590 г. президент и старшие члены братства св. Джона решили допустить к столу бакалавров и освободить от рутинных занятий внутри колледжа двух граждан — Вильяма Берта, сына мэра Бристоля, и Хемфри Мейя, сына мастера компании купцов-портных, записанных как сыновья военных для обучения в университете, но они должны были посещать церковные службы, сохранять мир в колледже, отдавать должное почтение старшим, посещать лекции и другие учебные занятия. Такие привилегии были даны им за то, что их родители сделали значительные пожертвования колледжу. Мистер Берт вручил кубок за 7 фунтов, а мистер Мей — 20 фунтов [29, р. 273]. Однако не только зажиточные горожане стремились получить образование в университете. В последние три десятилетия XVI в. английские исследователи отмечают тенденцию роста количества сыновей джентри в колледжах Оксфорда и Кембриджа [17, р. 7—8]. Если в первой половине XVI в. джентри не всегда стремились иметь степень, то в конце XVI в. они почти все стали подавать прошения на ее получение [20, р. 130].

Богатые горожане хотели не только приобрести квалификацию в университете, но и научиться там навыкам джентри. В конце XVI в. эти люди начали ассимилироваться с джентри и привыкать к обозначению «джентльмен». Их образовательные устремления в этот период очень трудно отличить от идеалов землевладельцев, которые также стали посылать своих сыновей в университеты, чтобы они могли сделать гражданскую карьеру и поступить на придворную службу. Например, Ричард Стефенс, старший сын землевладельца из Глостершира, получил степень бакалавра по факультету искусств в 1568 г., а затем сделал карьеру юриста, став мировым судьей [23, р. 257—260]. Из переписки известной семьи лондонских купцов — Пастонов — мы узнаем о том, что Маргарет Пастон советует своему сыну получить

образование на факультете искусств, а затем продолжить учебу в лондонском юридическом колледже [34, р. 11—14].

Таким образом, в эпоху Тюдоров старые профессиональные факультеты университетов продолжали функционировать, хотя факультеты канонического права и теологии получили тяжелый удар из-за событий Реформации. Сыновья зажиточных горожан использовали университеты не только для получения определенной квалификации, но и как трамплин для дальнейшей карьеры и повышения своего социального статуса, а также для приобретения навыков привилегированного сословия. В последней четверти XVI в. в Оксфорде и Кембридже отмечен рост количества сыновей джентри, которые также стремились сделать карьеру на королевской (гражданской) службе. Благодаря карьерам выпускников в эпоху Тюдоров стала усиливаться и социально-политическая роль университетов.

Библиографический список

1. *Евсеев В. А.* Очерки по истории английского города раннего Нового времени. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2010. 228 с.
2. *Евсеев В. А.* Дисциплина и наказание в средневековых английских университетах // История идей и общества : материалы IX Всероссийской научной конференции, г. Нижневартовск, 14—15 апреля 2011 г. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. гуманитар. ун-та, 2011. С. 107—109.
3. *Евсеев В. А.* Реформация и Оксфорд в эпоху Тюдоров : (к вопросу о судьбах выпускников университета) // Средневековый город. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2011. Вып. 21. С. 177—184.
4. *Евсеев В. А.* К вопросу о становлении библиотек в университетах Оксфорда и Кембриджа в средневековую эпоху // Научный поиск. Шуя, 2012. № 3 (5). С. 52—54.
5. *Евсеев В. А.* Служебная карьера выпускников Оксфорда и Кембриджа в XIII—XV вв. // Британия: история, культура, образование : тезисы докладов Международной научной конференции, 24—25 сентября 2012 г. Ярославль : Изд-во Яросл. гос. пед. ун-та, 2012. Вып. 2. С. 17—20.
6. *Евсеев В. А.* Некоторые аспекты регулирования частной жизни студентов Оксфорда и Кембриджа в XIV—XV вв. // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2016. Вып. 4. С. 5—13.
7. *Лычагин А. В.* Горожане и университет в средневековом Оксфорде в XIII—XV вв.: правовая основа обыденных взаимоотношений // Проблемы повседневности в истории: образ жизни, сознания и методология изучения. Ставрополь : Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2001. С. 51—57.
8. *Панютина М. Н.* К вопросу трудоустройства выпускников Оксфорда и Кембриджа в XV веке // История идей и общества : материалы IX Всероссийской научной конференции, г. Нижневартовск 14—15 апреля 2011 г. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. гуманитар. ун-та, 2011. С. 136—138.
9. *Aston T. H.* Oxford's medieval alumni // Past and Present. 1977. № 74. P. 3—40.
10. *Aston T. H., Duncan G. D., Evans T. A.* The medieval alumni of the University of Cambridge // Past and Present. 1980. № 86. P. 9—86.
11. *Cobban A. B.* The Medieval Universities: Their Development and Organization. London : Barnes and Noble, 1975. 378 p.

12. *Cobban A. B.* «The King's Hall» Cambridge and English medieval collegiate history // Authority and Power : Studies on Medieval Law and Government Presented to Walter Ullmann on His Seventieth Birthday. Cambridge : Cambridge University Press, 1980.
13. *Cobban A. B.* The Medieval English Universities : Oxford and Cambridge to c. 1500. Los Angeles : University of California Press, 1988. 468 p.
14. *Curtis H.* Oxford and Cambridge in Transition, 1558—1642. Oxford, 1959. 314 p.
15. *Davies R. G.* «The Episcopate» // Professions, Vocations and Culture in the Later Medieval England. Liverpool : Liverpool University Press, 1982. P. 51—57.
16. *Heath P.* English Parish Clergy on the Eve of the Reformation. London ; Toronto : Gardners Books, 1969. 266 p.
17. *Hexter J. H.* The education of the aristocracy in the Renaissance // Journal of Modern History. 1950. Vol. 22, № 1. P. 1—20.
18. *Liber Famelicus of James Whitelocke* / ed. by J. Bruce ; Camden Society. London, 1856. Vol. 20. 167 p.
19. *Lytle F.* The careers of Oxford students in the later Middle Ages // Rebirth, Reform and Resilience : Universities in Transition 1300—1700. Columbus ; Ohio, 1984. P. 213—253.
20. *McConica J. K.* Scholars and commoners in renaissance Oxford // The University in Society. Princeton, 1974. Vol. 1. P. 151—181.
21. *McConica J. K.* The social relations of Tudor Oxford // Transactions of the Royal Historical Society. London : Cambridge University Press, 1977. Vol. 27. P. 115—134.
22. *Mullinger J. B.* The University of Cambridge from the Royal Injunctions of 1535 to the Accession of Charles the First. Cambridge, 1884. 742 p.
23. *Neale J. E.* Elizabeth I and Her Parliaments 1584—1601. London, 1957. 452 p.
24. *Rashdall H.* The Universities of Europe in the Middle Ages : in 3 vols. Oxford, 1936. Vol. 1. 324 p. ; Vols 2—3. 834 p.
25. Register of the University of Oxford. Oxford, 1885. Vol. 1. 508 p.
26. *Rosenthal J. T.* The training of an elite group: English bishops in the fifteenth century // Transaction of an American Philosophical Society. New ser. 1970. № 60. P. 1—56.
27. *Rowse A. L.* The England of Elizabeth. New York, 1951. 648 p.
28. *Prest W. R.* The Inns of Court under Elizabeth I and Early Stuarts 1590—1640. London : Harlow Longman, 1972. 263 p.
29. *Stevenson W. H., Salter H. E.* The Early History of St. John's College Oxford. Oxford, 1939. 548 p.
30. *Stone L.* The educational revolution in England 1560—1640 // Past and Present. 1964. № 28. P. 39—64.
31. *Stone L.* The size and composition of the Oxford student body, 1570—1590 // The University in Society. Princeton, 1974. Vol. 1.
32. The History of the University of Oxford. Oxford : Claredon Press, 1986. Vol. 5. 998 p.
33. The Letters of Stephen Gardiner. Cambridge, 1933. 573 p.
34. The Paston Letters. London, 1904. Vol. 6. 321 p.

*К. А. Юдин***Х. РЮМАНН И Г. ФРЁБЕ —
КЛАССИКИ НЕМЕЦКОГО КИНЕМАТОГРАФА XX в.**

Настоящая работа является продолжением изысканий автора в области истории западноевропейского театрально-кинематографического искусства. Это седьмая по счету публикация в цикле статей историко-биографического и философского ракурса, вышедших за период с 2012 по 2017 г. в различных научных периодических изданиях. Автор исследует творческое наследие известных актеров, которых по праву можно считать классиками не только немецкого, но и мирового кинематографа XX в., — Хайнца Рюманна и Герта Фрёбе. С этой целью в статье проводится анализ избранной фильмографии, дается идейно-теоретическая экспертиза кинопроизведений и присутствующих в них образов как компонентов «гиперреальности» в контексте социально-политического развития Германии в двух культурно-цивилизационных обличьях — Третьего рейха и ФРГ.

Ключевые слова: Хайнц Рюманн, Герт Фрёбе, немецкий кинематограф, Третий рейх, ФРГ, театрально-кинематографическая интеллигенция.

This work is a continuation of the author's research in the history of Western European theatrical and cinematographic art. It is the seventh publication in the series of articles taking the historical-biographical and philosophical perspective, published in the period from 2012 till 2017 in various scientific periodicals. The author makes an attempt to study the creative legacy of famous actors, who can rightly be considered classics not only of the German but also of the world cinema of the XX c. — Heinz Rühmann and Gert Fröbe. With this aim, the article analyses a select filmography, gives the ideological and theoretical examination of the films and presented in them images as components of «hyperreality» in the context of socio-political development of Germany in two cultural and civilizational forms — the Third Reich and the FRG.

Key words: Heinz Rühmann, Gert Fröbe, German cinema, Third Reich, FRG, the theatrical-cinematic intelligentsia.

Хайнц Рюманн и Герт Фрёбе являются признанными мэтрами, классиками немецкого кинематографа, которых объединяет не только общность экзистенциально-онтологического маршрута, начатого в Третьем рейхе и завершенного на театрально-кинематографическом пространстве Федеративной Республики Германии, но и то обстоятельство, что они оба принадлежали к выдающейся плеяде актеров — исполнителей острохарактерных ролей. Благодаря уникальному типуажу, колоритной фактурной внешности, им всегда удавалось с наибольшей степенью глубины и достоверности отобразить модификации человеческого характера, выступающего ядром внутренней сущности персонажа, получавшей полностью аутентичную образно-визуальную артикуляцию во время театрально-сценического действия.

Все это по большей части оказывалось недоступным для актеров с модельной, как принято говорить, внешностью, таких как А. Делон, Ж.-К. Бриалли, Х. Бергер и других, поскольку «эстетическая идеальность» облика выступала как не всегда уместная маска, вводящая в заблуждение

своей эксплицитной привлекательностью, сверкающей, подобно яркому лучу, который, однако, высвечивает совершенно не то, что ожидалось в соответствии с художественным замыслом. Поэтому, как мы уже отмечали [5, 6, 7, 8, 9], и так называемые эпизодники, и тем более представители актерского состава среднего звена не только часто выступали полноправными участниками кинематографического процесса, но и нередко доминировали над главными героями, формируя свои, параллельные системы координат, островки информационно-когнитивного воздействия. Это происходило потому, что им удавалось без каких-то искусственных усилий создавать целостные образы с органичной интеграцией общего и особенного — образы национально-ментальной типичности, усиленной индивидуальным своеобразием. Такими актерами с яркой фактурной внешностью, представлявшей собой уже готовый оригинальный «экзистенциальный портрет», и были Х. Рюманн и Г. Фрёбе.

Хайнц Рюманн (Heinz Rühmann, 1902—1994) (ил. 1) прожил долгую жизнь, которая стала подлинным бытием в искусстве. В кино Рюманн дебютировал в возрасте 24 лет, снявшись в немом фильме «Немецкое сердце матери» / «Das deutsche Mutterherz» (1926), а затем, после дополнительной апробации своего таланта на берлинских театральных подмостках, получил широкую известность, приняв участие в киноленте режиссера В. Тиле «Трое с бензоколонки» / «Die Drei von der Tankstelle» (1930), которая имела ошеломительный успех и стала для молодого актера своего рода трамплином, пропуском в высокое искусство.

Ил. 1. Х. Рюманн

В 1933—1945 гг. Рюманн становится, наряду с Г. Альберсом, одним из ведущих артистов государственного масштаба, творческие дарования которого были оценены по достоинству. Несмотря на то что сам Рюманн дистанцировался от идеологической парадигмы Третьего рейха, избрав для себя позицию идейно-мировоззренческого нейтралитета, «аполитейи», он получает абсолютную свободу для самореализации: за этот период (10—12 лет) Рюманн сыграл почти в 40 кинофильмах, за что еще в 1940 г. был удостоен почетного звания «Государственный артист», а в 1944 г. личным распоряжением Й. Геббельса был навсегда освобожден от военной мобилизации [3]. В этом проявилась существенная черта режимов *недемократического* типа, а именно — умение увидеть индивидуальность и создать необходимые для ее реализации условия, которые недоступны в технико-экономических «цивилизациях становления» [11], где подлинные таланты часто оказываются вытесненными на периферию, будучи не в силах противостоять в корне деструктивному, инспирированному конкурсно-сопоставительному отбору и местничеству на коммерческой основе, осуществляемым под прикрытием эгалитаристской демагогии, заявляющей о безграничных перспективах для каждого, дарованных «обществом равных возможностей».

В конце 1930-х — первой половине 1940-х гг. на экран выходит ряд блистательных и искрометных комедий с участием Х. Рюманна, ставших не только значительным культурным достижением «элегантной диктатуры» Третьего рейха, яркими световыми лучами в многообразном спектре «проектора доктора Геббельса» [1], но и достоянием мирового театрально-кинематографического искусства. Это прежде всего такие фильмы, как «Человек, который был Шерлоком Холмсом» / «Der Mann, der Sherlock Holmes war» (1937), «13 стульев» / «13 Stühle» (1938), «Квакс — незадачливый пилот» / «Quax, der Bruchpilot» (1941), «Пунш из жженого сахара» / «Die Feuerzangenbowle» (1944), «Квакс в Африке» / «Quax in Afrika» (1947) и некоторые другие. Все указанные картины были полностью свободны от пропагандистских концептов и военно-политических аллюзий и посвящены классическим сюжетам — проблемам соотношения личности и общества, духовным исканиям, внутреннему миру «маленького человека» («человека повседневности»), претерпевающего качественную идейно-мировоззренческую трансформацию (экзистенциальная аналогия, восхождение) под влиянием внешних обстоятельств, «вызовов времени», выступающих необходимым стимулом, приводящим к пробуждению ранее неведомых самому носителю способностей и возможностей, детерминированных трансцендентальной наследственностью.

Именно такие экзистенциальные метаморфозы претерпевает с виду простой обыватель, невзрачный филистер, работник небольшого туристического агентства Отто Грошенбюгель по прозвищу Квакс в фильме «Квакс — незадачливый пилот», а затем и во второй серии, появившейся уже в послевоенное время.

Квакс случайно выигрывает конкурс и получает вознаграждение — направление на бесплатное обучение летному делу. Он мгновенно становится знаменитостью в своем родном городе, во многом благодаря слухам, распушенным им самим о своих уже якобы имеющих место быть героических свершениях — выполнении фигур высшего пилотажа, позволяющих причислить его к статусу летчика-аса. Руководство летного училища стремится поскорее избавиться от «социально чуждого элемента» — надоедливой гражданской выскочки, однако встречает на этом пути серьезные препятствия — желание самого Квакса защитить свою честь добропорядочного горожанина и добиться благосклонности особи женского пола, а также поразительную психофизиологическую выносливость нового ученика, блестяще прошедшего все испытания на тренажерах. В результате самоотверженного труда, невероятных усилий, прилагаемых Кваксом, в котором пробуждается поистине воинско-героический дух, он действительно становится одним из лучших летчиков «великой Германии».

В другом кинофильме, «Пунш из жженого сахара», мы наблюдаем прямо противоположный процесс, социально-ролевою игру инволюционного порядка, когда уже состоявшийся писатель, обладатель литературной премии Иоганнес Пфайффер (Х. Рюманн), никогда не учившийся в школе, а получивший домашнее аристократическое образование, под влиянием своих друзей и их курьезных рассказов за вечерним пуншем о проделках во время пребывания в учебных заведениях решает взять реванш за «потерянную молодость». Облечившись в одежду простого гимназиста, приняв молодежавый облик, он отправляется в одну из немецких школ и настолько глубоко погружается в ее атмосферу, в буквальном смысле одухотворившую его, что принимает решение

даже после акта саморазоблачения остаться в школе вопреки всем увещаниям его жены. Конечно, нельзя говорить ни о каком патологическом эскапизме, инфантильном стремлении уйти от действительности. Картина, несмотря на ее принадлежность к комедийному жанру, носит ярко выраженный социально-философский характер, что заключается в намеренном сатирическом изображении экзистенциальных перевоплощений, доступных лишь во время игры-действия в «гиперреальности», которой противостоит единственно верная модель поведения — консервативно-органичная актуализация личности, предполагающая строгую иерархичность и своевременную последовательность любого жизненного опыта.

Кинофильм «13 стульев» режиссера Э. У. Эмо был снят в 1938 г. по мотивам советской классики — известного сатирического романа И. Ильфа и Е. Петрова. Его название было намеренно скорректировано, чтобы избежать прямых идентификаций с оригиналом и его авторами, чьи имена не упоминались в титрах по причине еврейского происхождения И. Ильфа, что было несовместимо с теорией расовой чистоты и основанной на ней практикой натуралистического отбора, взятой на вооружение в Третьем рейхе. Однако при этом сама сюжетная линия, сфокусированная вокруг трагикомического ажиотажа, в который оказывается ввергнутым несчастный наследник Феликс Рабе (Х. Рюманн), вынужденный броситься на поиски сокровищ, подвергается заметной концептуальной модификации. Во-первых, в фильме отсутствует аутентичный эквивалент Остапа Бендера как напарника-авантюриста: его заменяет благопристойный, скромный, во многом находящийся под каблуком у своей жены старьевщик Хофбауэр (Г. Мозер). Во-вторых, бесславное фиаско, познание тщетности всех своих исканий и, как следствие, вызванное этими печальными обстоятельствами экзальтированное негодование и протест против несправедливости судьбы, к которым приходит советский Киса Воробьянинов, в немецкой версии заменяется на почти «провиденциальную» гармонию: абсолютное смирение Ф. Рабе с тем фактом, что завещанные ему средства будут потрачены на благоустройство монастырской обители и сиротского приюта, способствует восстановлению онтологического баланса. Вместе с верным помощником Хофбауэром Рабе организует бизнес по производству средства для восстановления волос, составные компоненты которого ему случайно удалось обнаружить и апробировать, и в результате этого вмешательства фортуны они становятся обеспеченными и уважаемыми бюргерами.

Наконец, еще одна картина довоенного периода, которая заслуживает внимания, — это постановка К. Хартла «Человек, который был Шерлоком Холмсом» (1937). Здесь мы встречаем блистательный дуэт уже признанных мэтров немецкого кинематографа — Г. Альберса и Х. Рюманна, герои которых примеривают на себя личины известных персонажей классики английской литературы — Шерлока Холмса и доктора Ватсона. Можно сказать, в данном случае наблюдается расщепление «гиперреальности» на несколько дискурсивных измерений: 1) имманентно-профаническое, связанное с деятельностью персонажей первичного уровня Морриса Флинта (Г. Альберс) и его напарника Мэки (Х. Рюманн) — работников рядового сыскного агентства, пытающихся поправить свои дела за счет ангажированной мистификации; 2) «гиперреалистическую» синкретичность, сопровождающуюся экзистенциальной аналогией, когда Флинт и Мэки не только не дискредитируют образы знаменитых английских сыщиков — героев рассказов А. К. Дойля, но, напротив,

значительно их обогащают. Они подтверждают литературную репутацию Шерлока Холмса и доктора Ватсона реальными свершениями: их собственное расследование заканчивается триумфом дедуктивного гения талантливых сыщиков, доведших оказавшееся в их руках дело до кульминации — полного разоблачения и обезвреживания банды фальшивомонетчиков и грабителей.

Как необходимый компонент «гиперреалистического» цикла в кинокартине присутствует не менее эффектный и впечатляющий акт «разоблачения» самих Флинта и Мэки. Последним удастся не только убедить суд в отсутствии какого-либо злого умысла и корыстных побуждений при использовании «образного камуфляжа», но и быть удостоенными чести получить на процессе самого могущественного защитника — человека, представившегося А. К. Дойлем, громогласно заявившего о вымышленности литературных персонажей. Тем самым было покончено со всей криминальной фантазмагорией: по итогам решающей когнитивной диверсификации остались только реальные сыщики как положительные герои, избавленные от нуар-прошлого, и реальные преступники как их антиподы, получившие заслуженное наказание.

Послевоенный период, 1950-е — середина 1960-х гг., становится временем расцвета классической комедии, главным образом социально-философской сатиры широкого идейно-концептуального диапазона. Все это, безусловно, было связано с тенденциями общемирового развития — атмосферой разрядки, поисками путей мирного сосуществования, что находило отражение и в кинематографе, являвшемся методом интеллектуальной рефлексии в глобальном выражении: общность сюжетных линий, фабул, композиции и архитектоники кинематографических произведений и рассматриваемой в них проблематики можно рассматривать как попытку восстановления культурно-исторической интеграции в единственно доступной для этого сфере — «гиперреальности» искусства. В указанный период появляются такие хорошо известные для русскоязычных ценителей классики зарубежного кинематографа картины с Х. Рюманном в главной роли, как «Сила мундира» («Капитан из Кёпеника») / «Der Hauptmann von Köpenick» (1956), «Тетка Чарлея» / «Charleys Tante» (1956), «Человек проходит сквозь стену» / «Ein Mann geht durch die Wand» (1959), «Бравый солдат Швейк» / «Der brave Soldat Schwejk» (1960), «Паршивая овца» / «Das schwarze Schaf» (1960), «Пагубная страсть» / «Er kann's nicht lassen» (1962), «Макс, карманник» / «Max, der Taschendieb» (1962), «Кошелек или жизнь» / «La bourse et la vie» (1966), «Операция “Святой Петр”» / «Operazione “San Pietro”» (1967) и др.

Многие из них были экранизациями литературных произведений — талантливыми, оригинальными идейно-художественными интерпретациями, в частности знаменитого романа чешского писателя Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка», пьесы английского драматурга У. Б. Томаса «Тетка Чарлея», рассказа французского прозаика М. Эмэ «Проходящий сквозь стену». Эти произведения настолько известны, что не нуждаются в комментариях или специальном представлении, поэтому уместно будет сосредоточиться лишь на некоторых аспектах, связанных с особенностями их киновоплощений.

Так, немецкая экранизация рассказа М. Эмэ существенно отличается по идейно-художественному стилю от появившейся на 8 лет ранее французской киноверсии того же произведения с А. Бурвилем в главной роли — «Гару-Гару, проходящий сквозь стены» / «Le passe-muraille» (1951). Формально

персонажи Рюманна и Бурвиля — Бухсбаум и Леон Дётилёль — имеют много общего. Это мелкие служащие, чиновники низшего звена, у которых в обстановке психологического напряжения, стресса на почве семейно-социальной конфронтации обнаруживается удивительная способность — проходить сквозь стены. Однако если Дётилёль практически мгновенно осваивается со своим новым даром, ведет себя достаточно свободно и непринужденно, как и положено любому простолюдину, не обремененному рефлексией, то совершенно по-иному все воспринимает «коллега Бухсбаум», как его называют сослуживцы.

В отличие от Дётилёля, испытывающего героическую аналогию (экзистенциальная трансформация вверх) до благородного «преступника», поставившего целью своим антипримером (то есть демонстрацией неизбежности разоблачения) вернуть на путь истинный молодую особу, его немецкий эквивалент не только не достигает высшей стадии раскрепощения, но, напротив, испытывает настоящий экзистенциальный страх, подобно чеховскому «человеку в футляре». Господин Бухсбаум постоянно тревожится, нервничает, боязливо закатывает глаза к небесам, пытаясь выяснить природу своего неожиданного таланта: что это — божественное откровение, ниспосланная благодать или же козни дьявола? Открывшаяся возможность нарушения целостности любых преград приводит его к тяжелейшему когнитивному диссонансу и рассматривается если не как признак крамолы, анархической вседозволенности, антигосударственной девиации («как бы чего не вышло»), то, во всяком случае, как тяжелое бремя, непосильное для индивида низшего духовного склада.

В результате мы получаем образ — пародию на ницшеанскую идею сверхчеловека, который, как верно полагал консервативный философ-традиционалист, эзотерик Ю. Эвола, является лишь «резервуаром неконтролируемого импульса жизни», скоплением чисто биологических, инстинктивных сил, слепо замыкающихся в кольцо на себе без перехода на уровень духа [4, с. 117—118]. В силу этого, как мы отмечали ранее, получается, что «невозможность “внутренней интенсивности” “сверхчеловека” найти выход за пределы эволюционистской схемы, перерасти “прекрасного господина-зверя”, “демона” Достоевского и привела Ницше, как считает Эвола, к фатальному концу — безумию» [10, с. 119].

Аналогичная ситуация наблюдается и в кинокартине. С легкостью и непринужденностью преодолевая физические грани, Бухсбаум встречает непреодолимое препятствие высшего, метафизического уровня — ограниченность его свободы воли, выступающей ядром его сущности, коренящейся в характере, не позволяющей поступить иначе, чем это может допустить его имманентное «я», самость индивида низшего порядка, познающего тщетность экзистенциального преображения.

Вся эта онтологическая аподиктичность иллюстрируется вполне предсказуемой и закономерной моделью поведения Бухсбаума: если не считать сцены оригинального метода перевоспитания самодура-начальника, который теряет рассудок, видя то и дело появляющуюся из стены голову своего подчиненного, последний не сумел достойным образом распорядиться своей уникальной способностью, использование которой свелось, по существу, лишь к мелким проделкам, только усилившим тревожность и рефлексивность, чувство неуверенности в себе. Но экзистенциально-онтологический баланс был восстановлен, как только дар проходить сквозь стены исчез

(так же внезапно, как и появился), что самим Бухсбаумом было воспринято с чувством облегчения и удовлетворения. Так завершилась социально-философская антиутопия, повествующая о невозможности рождения сверхчеловека как экзистенциального проекта из сущности без достаточных на то оснований, заключенных в ее имманентной данности.

«Тетка Чарлея» — блистательная комедия режиссера Г. Квеста, сразу ставшая, как и музыка Ф. Шрёдера, хитом 1950-х гг. Здесь Рюманн исполнил роль умудренного жизненным опытом немецкого торгового атташе в Южной Америке, подлинного интеллигента, элегантного 40-летнего мужчины в полном расцвете сил, обладающего безупречной деловой репутацией, однако не отказывающего себе в удовольствии «тряхнуть стариной», продемонстрировать свою духовную свежесть и неиссякаемую внутреннюю энергию. Именно эти качества позволяют доктору Отто Дернбургу (Х. Рюманн) для обустройства личной жизни своего племянника и его друга пойти на исключительную жертву — принять экстравагантный облик тетушки Карлотты, призванной выполнить важную миссию — убедить избранниц молодых людей в серьезности и благопристойности намерений неумелых кавалеров. Нам представляется, что участие в данной картине — это воплощение квинтэссенции актерских дарований Рюманна, наглядно проявившееся в одном колоритном эпизоде — вокально-хореографическом номере, когда доктор Дернбург устроил поистине феерическое шоу, которое уже не поддается вербальной формализации, а требует визуально-когнитивного соприкосновения, созерцания этого шедевра. Отметим лишь, что герой Рюманна настолько вжился в образ тетушки Карлотты, что ему удалось достигнуть абсолютного баланса при конструировании театрально-игровой дискурсивной экзистенциальности, а именно — преподнести образ сатирически, но и без вульгарной карикатуры. Все это стало возможно благодаря редким качествам актера, обладающего идеальным чувством меры, гармонии, естественной и органичной мимикой и жестикულიацией, проистекающими из чувства внутреннего достоинства, его личностной культуры.

1960—1980-е гг. для западноевропейского интеллектуального сообщества, общественно-политической мысли стали временем напряженных дискуссий, связанных с переосмыслением идейно-мировоззренческих ориентаций, аксиологической парадигмы. Активизация деятельности левого фронта, в театрально-кинематографической сфере проявившаяся в форме так называемого стиля «новой волны», несмотря на деструктивно-подрывной характер, связанный с манифестацией релятивизма, индивидуалистической вседозволенности как неадекватного экстремистско-нигилистического эпатажа, к которому свелась вся борьба с «обществом потребления», «буржуазным закостенением», тем не менее, как ни парадоксально, вызвала некоторый положительный эффект.

Избыточная энергия адептов-идеологов левого толка стала фактором нового витка рефлексии, над, казалось бы, уже давно классическими сюжетами, принадлежащими к спектру социально-политической конфликтологии, связанными с проблемами оппозиции консервативно-патриархального уклада и современного информационного общества и культуры, клерикального и секулярного мышления. При этом многие режиссеры, в том числе и комедийного жанра, стремились как можно глубже отобразить морфологию взаимодействия разных социально-дискурсивных уровней на стадии их параллельной и синхронной диффузии и информационно-когнитивной экспансии в различных

обстоятельствах. Именно с этой целью многие выдающиеся актеры в известных кинематографических шедеврах облачаются в монашескую рясу или иное одеяние служителей культа, соответствующее их статусу в церковно-сектантской иерархии.

В итальянском кинематографе в интересных зарисовках, «кино-фацециях» назидательно-поучительного характера приняли участие прославленные мэтры А. Сорди и Н. Манфреди («Операция «Святой Януарий» / «Operazione “San Gennaro”» (1966), «В день господень» / «Nell'anno del Signore» (1969), одна из новелл в кинотриаде «Всеобщий протест» / «Contestazione generale» (1970)), М. Мastroяни и С. Лорен («Жена священника» / «La moglie del prete» (1970)).

Если говорить о Франции, то сразу вспоминается энергичный ревнитель клерикальной корпоративности дон Камилло в исполнении Фернанделя в фильме «Дон Камилло, монсеньор» / «Don Camillo, monsignore... ma non troppo» (1961), М. Лонсдейл в роли флегматичного профессора теологии в фильме режиссера Ж.-П. Блана «Старая дева» / «La vieille fille» (1971), А. Делон в образе брутального молодого священника в фильме «Потише, ба-сы» / «Doucement les basses» (1971), Ж. Габен и Ж.-К. Бриалли в личинах псевдоепископа и псевдоаббата в кинокартине «Святой год» / «L'année sainte» (1976). Наконец, невозможно не упомянуть о Л. де Фюнесе в искрометной комедии — пародии на иудейский традиционализм «Приключения раввина Якоба» / «Les aventures de Rabbi Jacob» (1973).

Не отставал от общеевропейских идейно-политических тенденций и немецкий кинематограф. В 1960-х гг. на свет появляется трилогия с Х. Рюманном в главной роли: «Паршивая овца» / «Das schwarze Schaf» (1960), «Пагубная страсть» / «Er kann's nicht lassen» (1962) и «Операция «Святой Петр»» / «Operazione “San Pietro”» (1967). Первые два фильма были сняты по мотивам рассказов английского писателя Г. Честертона о похождениях бравого «солдата церкви» отца Брауна, поражающего всех своими дедуктивными, как у Шерлока Холмса, способностями, железной логикой, мышлением, позволяющими ему намного превосходить профессионального следователя-криминалиста. Третья картина, судя по всему, представляет собой художественную аллюзию на знакомый литературный образ, ибо мы снова встречаемся с Брауном, но уже архиепископом Эриком Брауном, осуществляющим тотальную мобилизацию материально-технических и кадровых ресурсов католической церкви, направленных на проведение почти военно-полицейской операции — возвращение похищенного произведения искусства — знаменитой статуи Микеланджело «Пьета».

В целом не вызывает сомнения одно: все эти кинематографические работы сыграли важную роль в создании идейно-мировоззренческого иммунитета против клерикальной интоксикации общества. Сатирическое изображение навязчивости, избыточной экспрессивности служителей культа, действующих в повседневности фактически как светские лица, опирающиеся на здравый смысл, рассудительность и жизненный опыт, далекие от пропагандируемого аскетизма и смирения, стало весомым ударом по спекулятивной мифологии, связанной с постулированием исключительности статуса клерикалов как носителей фантастической «божественной метафизики».

Созданные Х. Рюманном и его французскими, итальянскими коллегами, гиперболизированно обмирщенные образы служителей культа лишней раз позволили выявить истинную суть религиозности большинства населения,

основанную лишь на конформистско-догматической инерции по выполнению внешних, ритуальных сторон церковно-сектантской практики, вдохновляемой авторитетом «сакральной» силы мундира — монашеской рясы, обладающей под прикрытием статуса «наместника бога на земле» оказывались доступными все потаенные уголки человеческого сознания и бытия, тщательно сокрытые для простых смертных — чиновников, полицейских и даже научной, творческой интеллигенции. Поэтому неудивительно, что по сюжету отец Браун за каждое свое блестяще раскрытое преступление, за выполнение, казалось бы, подлинной, отвечающей духу христианства, миссии по спасению душ получал от папской курии соответствующее «вознаграждение» — все более отдаленную ссылку. Это показывает искусственность и ханжеско-лицемерный характер ограничений, в которые клерикальная организация загоняет свободную и искреннюю в своих устремлениях личность, лишая ее права на конструктивное признание ее достижений и свершений, дискредитируемых проверенным способом — навешиванием идеологического ярлыка возгордившегося вероотступника.

Годом ранее на экраны вышел фильм режиссера Ж.-П. Моки «Кошелёк или жизнь» / «La bourse et la vie» (1966). Он представляет собой классическую комедию с ансамблевым типом коммуникации: на одной сценической площадке встретилась целая плеяда мэтров — Х. Рюманн, Фернандель, М. Галабрю, Ж. Пуарэ, Ж. Карме, К. Пьеплю, Ж. Легра, Д. Коул — при доминировании тандема Рюманн — Фернандель как фундамента всей этой конструкции.

Сюжетная линия картины повествует о взаимной симпатии служащих одной компании, сблизившихся во время выполнения ответственной миссии в качестве инкассаторов — доверенных лиц своего шефа месье Пелипана (Ж. Пуарэ), попытавшегося их использовать в своих целях, связанных с финансовыми махинациями. Однако в центре внимания, как имеет возможность убедиться зритель, вовсе не криминальная хроника, которая выступает лишь общим фоном для иллюстрации психологического притяжения, сближения личностей, пробуждения в недрах их сознания долго находившейся в состоянии спячки свободы, творческой инициативы, скованной до этого «футляром» рутинных служебных обязанностей.

Данное кинопроизведение стало одним из последних значительных эпизодов творческого пути Х. Рюманна. В 1970-х гг. он, отчасти в силу возраста, а также, очевидно, в силу вкусовой избирательности, нежелания принимать участие в коммерческих проектах, снимался относительно немного, появляясь лишь в колоритных телевизионных фильмах, таких как «Финишный рывок» / «Endspurt» (1970), «Бальтазар в пробке» / «Balthasar im Stau» (1979). В 1990-х гг. Рюманн отпраздновал 90-летие, снявшись в своей последней картине «Небо над Берлином — 2» / «In weiter Ferne, so nah!» (1993), тем самым выполнив свою миссию по интеграции различий, идейно-культурному синтезу поколений кайзеровской Германии, Веймарской республики, Третьего рейха, ФРГ и объединенной Германии посттоталитарного периода.

Еще одним мэтром из актерской гильдии, чьи сценические образы стали индикатором многогранности и неповторимости, полноты и зрелости немецкого кинематографического искусства, был, без сомнения, *Герт (Карл Герхард) Фрёбе (Gert (Karl Gerhart) Fröbe, 1913—1988)* (ил. 2). Прошло почти 30 лет со дня его ухода из жизни, однако до сих пор в истории мирового

кинематографа Фрёбе остается одним из наиболее ярких исполнителей острохарактерных ролей. В немалой степени своей необычайной популярности и востребованности Фрёбе был обязан биогенетическому детерминизму, выраженному в специфическом фенотипе практически чистокровного альбиноса. Альбинистическая иллюминативность в сочетании с полным телосложением, выразительные яркие глаза, решительный, таинственный, пугающий или, наоборот, трагически испуганный взгляд, широкая улыбка, отражающая уверенность в собственных силах, самодовольство — подобный антропологический облик фактически стал фундаментом для формирования стабильного амплуа злодея или, в лучшем случае, — экстравагантного инспектора/комиссара полиции.

Ил. 2. Г. Фрёбе

Кинематографическая карьера Г. Фрёбе началась в 1940-х гг., когда он стал активно сниматься в эпизодических ролях в первых фильмах послевоенного периода, переходного этапа на пути к «новой Германии» — ФРГ. Однако настоящая слава пришла к нему в конце 1950-х — первой половине 1960-х гг., после трех кинокартин, ставших знаковыми, магистральными, репрезентативно отразившими зрелость и сформированность амплуа и его образных модификаций. Речь идет прежде всего о фильме режиссера Л. Вайды «Это случилось при свете дня» / «Es geschah am hellichten Tag» (1958), остросюжетном триллере К. Отан-Лара «Убийца» / «Le meurtrier» (1963), а также одной из серий знаменитой киноэпопеи — бондианы — «Голдфингер» / «Goldfinger» (1964).

В первой картине мы встречаемся с интересным актерским тандемом, представленным Х. Рюманном и Г. Фрёбе, исполнившим роль маньяка-педофила Шротта, увлекающего в свои сети маленьких девочек с помощью образа эксцентричного кукольника. Во второй картине у Фрёбе роль книготорговца Киммеля, убивающего сначала в порыве психоневротического аффекта на почве фрустрации от половой дисфункции свою жену, а затем молодого человека Вальтера (М. Роне), также испытывавшего серьезные проблемы в личной жизни и невольно привлечшего к уже закрытому делу героя Фрёбе внимание полиции, возобновившей расследование на основании «рецидива-анalogии»: именно так был воспринят уже другой драматический эпизод — самоубийство жены Вальтера. Этот фильм, пожалуй, можно рассматривать в качестве одного из лучших психологических триллеров 1960-х гг., ибо для образа Г. Фрёбе — увальня в толстых роговых очках с пронизывающим полубезумным взглядом, подчеркнутым отблесками линз окуляров, преисполненным гнева и ярости, выражающих необузданное стремление покарать своих обидчиков — неверную жену и «инфантильного разоблачителя», — вряд ли удастся найти достойного конкурента.

Не менее эффектным, значительно обогатившим одну из серий — экранизаций романов известного английского писателя Я. Флеминга об агенте 007 Джеймсе Бонде стало появление Г. Фрёбе в роли одержимого «золотой лихорадкой» злодея, претендующего на мировое финансовое и политическое господство. Аурик Голдфингер задумал изощренным путем, с помощью взрыва радиоактивной бомбы в самом крупном хранилище золота (Форт-Ноксе, США) вывести его из обращения на почти 60 лет и тем самым принудить мировые правительства к сотрудничеству с ним и использованию личного золотого запаса самого Голдфингера, стоимость которого после подобной катастрофы неизбежно многократно увеличится. Без преувеличения и пристрастий в оценках театрально-кинематографической «гиперреальности» героя Фрёбе можно считать одним из наиболее опасных противников британского агента 007.

Со второй половины 1950-х гг. уже известный к этому времени французский актер Р. Оссейн начинает осваивать другие ипостаси театрально-кинематографической деятельности, принимая активное участие в написании сценариев, а также пытается выступать в качестве режиссера-постановщика. Из 17 фильмов, снятых Оссейном с 1955 по 2010 г., обращает на себя внимание кинокартина «Я убил Распутина» / «J'ai tué Raspoutine» (1967), посвященная драматическим эпизодам отечественной истории — трагедии царской семьи, последнего российского императора Николая II и его окружения, попавшего под влияние честолюбивого «старца» — Григория Распутина. Снятая в реалистическом, художественно убедительном и исторически достоверном ракурсе, данная работа примечательна не только заинтересованностью режиссера, наполовину имеющего славянские корни (настоящая фамилия Оссейна — Гусейнов), в качественном отображении исторических событий, связанных с его второй родиной, но и тем, что на роль могущественного сектанта-целителя был выбран не кто иной, как Г. Фрёбе.

Как нам представляется, актер блестяще справился с поставленной перед ним задачей — показать противоречивый образ навязчивого благодетеля, фанатичного мессии, одержимого идеей спасения России даже ценой ее духовной гибели — погружения в плену религиозного мистицизма и возвращения к патриархально-консервативной «самобытности». Черный парик и борода, резко контрастирующие с пробивающимся сквозь эти искусственные атрибуты природным альбинизмом самого Фрёбе, — все это выступало оригинальным с художественной точки зрения сочетанием визуальных контрастов, дополнительно подчеркивающих специфичность личности Григория Распутина, являвшей собой резервуар иррациональной ментальности, сложное сопряжение примитивного плебейского авантюризма с элементами традиционной, патриархальной идентичности. Все это великолепно удалось отобразить Г. Фрёбе, который к этому времени уже имел опыт участия в историко-художественных кинематографических реконструкциях. В фильме режиссера Р. Клемана «Горит ли Париж?» / «Is Paris Burning?» (1966) Г. Фрёбе исполнил роль коменданта Парижа генерала Дитриха фон Хольтица. Позже по приглашению Л. Висконти он принял участие в съемках кинокартины «Людвиг» / «Ludwig» (1972), сыграв духовного наставника короля Баварии — отца Гофмана.

Нужно сказать, что оригинальная внешность Г. Фрёбе привлекала внимание многих режиссеров, которые не упускали возможности обогатить свои кинематографические творения за счет создания ансамблевой корпорации

из актеров разноплановых амплуа и фактурной специфики. Поэтому в силу своей заслуженной востребованности Г. Фрёбе удалось создать целый ряд колоритных и запоминающихся образов. В 1960—1970-х гг. он появляется в ролях комиссаров Краса и Локмана в экранизациях рассказов Ж. Норберта о похождениях злого гения — доктора Мабузе («1000 глаз доктора Мабузе» / «Die 1000 Augen des Dr. Mabuse» (1960); «Возвращение доктора Мабузе» / «Im Stahlnetz des Dr. Mabuse» (1961); «Завещание доктора Мабузе» / «Das Testament des Dr. Mabuse» (1962)), в роли инспектора Сорбье в детективе режиссера Ж. Франжю «Красные ночи» / «Nuits rouges» (1974), инспектора Хорнунга — защитника юной наследницы гигантской фармацевтической империи Элизабет Рофф (О. Хёпберн) — в триллере английского режиссера Т. Янга «Узы крови» / «Bloodline» (1979).

Среди других заметных ролей этого периода стоит отметить жестокого и циничного гестаповца, скрывшегося от преследований после войны, из экзистенциальной драмы Х. Койтнера «Рыжеволосая» / «Die Rote» (1962). Следует упомянуть и об участии в весьма своеобразной постановке известного романа А. Кристи «Десять негритят» (1974), осуществленной П. Коллинсоном, где действие переносится с изолированного морем «негритянского острова» в безжизненную пустыню, посреди которой стоит, окруженный песчаными дюнами, не небольшой особняк, а целый замок, построенный в стиле индийского Тадж-Махала. Г. Фрёбе исполнил роль, соответствовавшую его привычному амплуа, — одного из приглашенных на «судилище» и казненного последним инспектора Уильяма Блора.

В то же время приходится констатировать, что, несмотря на такой масштабный творческий путь, обширную фильмографию, насчитывающую порядка 120 кинематографических единиц, для массового зрителя Фрёбе остался в памяти лишь как актер криминально-комического амплуа, запечатленного в семейных комедиях, по своей жанровой специфике принадлежащих к кинематографическому гибриду, предполагающему соединение стилей «road movie» (фильм-путешествие) и сказки-мюзикла. Это такие фильмы, как «Воздушные приключения» / «Those Magnificent Men in Their Flying Machines, or How I Flew from London to Paris in 25 Hours 11 Minutes» (1965), «Пиф-паф, ой-ой-ой» / «Chitty Chitty Bang Bang» (1968), «Бросок в Монте-Карло» / «Monte Carlo or Bust!» (1969). Неменьшую популярность принесла Г. Фрёбе роль старого гангстера, торговца оружием Отто Крампе в комедии Ж. Ури «Укол зонтиком» / «Le coup du parapluie» (1980). Созданный немецким актером образ фактически стал заключительным аккордом — одной из последних ярких презентаций артистического дарования Фрёбе, ставшей для него своего рода визитной карточкой — той устойчивой визуальной ассоциацией, по которой его всегда узнают.

В целом, подводя итоги, стоит отметить следующее. Вопреки трагико-драматическим метаморфозам, катаклизмам, сотрясавшим немецкое общество на протяжении всего XX столетия, театрално-кинематографическое искусство Германии заняло прочную и устойчивую нишу в мировом социокультурном пространстве. Это произошло благодаря неослабевающей интеллектуальной активности творческой интеллигенции — в широком контексте как интегральной корпорации, общности людей особого типа, выполняющих благородную миссию рефлексии над национальной историей. Рефлексии, связанной со стремлением «напомнить ныне живущим поколениям, своим современникам, о высших, незыблемых ценностях и приоритетах —

жизни, свободе, достоинстве личности» [2, с. 61]. Именно такими проводниками высокой культуры и искусства, настоящими рыцарями, мэтрами, обладавшими неповторимым стилем, вклад которых в развитие мирового кинематографа трудно переоценить, были и остаются Х. Рюманн и Г. Фрёбе.

Библиографический список

1. *Васильченко А. В.* Проектор доктора Геббельса : кинематограф Третьего рейха. М. : Вече, 2010. 320 с.
2. *Зимин М. О., Юдин К. А.* Эрих Вайнерт и «левая» художественная интеллигенция Германии: война, общество, личность в немецкой литературе второй четверти XX века // На пути к гражданскому обществу. 2016. № 1. С. 60—72.
3. Хайнц Рюманн : биография. URL: <http://www.people.su/96290> (дата обращения: 27.02.2017).
4. *Эвола Ю.* Традиция и Европа : сборник статей. Тамбов : Ex Nord Lux, 2009. 248 с.
5. *Юдин К. А.* Альберто Сорди и кинематограф постфашистской Италии в консервативной историко-философской ретроспективе // Диалог со временем. 2017. Вып. 58. С. 105—124.
6. *Юдин К. А.* Бернар Блие и театральнo-кинематографическая интеллигенция Франции 1930—1980-х гг. // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2016. Вып. 4 : История. С. 25—37.
7. *Юдин К. А.* Жан Габен: «диктатура в образе». Очерки истории французского кинематографа, середина 1930-х — нач. 1970-х гг. // На пути к гражданскому обществу. 2016. № 4. С. 30—44.
8. *Юдин К. А.* Западноевропейская консервативная политическая традиция в зеркале французского кинематографа эпохи голлизма (1959—1969 гг.) // На пути к гражданскому обществу. 2012. № 1—2 (5—6). С. 80—83.
9. *Юдин К. А.* Луи де Фюнес и кинематограф Франции эпохи «славного тридцатилетия»: от Шарля де Голля до Франсуа Миттерана: опыт историко-философского анализа // На пути к гражданскому обществу. 2014. № 3 (15). С. 64—77.
10. *Юдин К. А.* Традиционализм барона Юлиуса Эвола: об идейных исканиях консервативного революционера // Философские науки. 2014. № 7. С. 113—128.
11. *Юдин К. А.* Человечество в пути: от «цивилизации бытия» к «цивилизации становления»: (размышления о природе коммунистической власти и общества) // Вопросы философии. 2013. № 2. С. 42—48.

ФОРМИРОВАНИЕ АГРОНОМИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЗЕМСТВА ВО ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX в.

Уделяется особое внимание формированию кадров специалистов сельского хозяйства на губернском и уездном уровнях, а также деятельности совещательных органов, которые работали в земстве, — экономических советов и комиссий. Делается вывод о том, что наибольшего размаха агрономическая деятельность земств достигла накануне Первой мировой войны.

Ключевые слова: крестьянское хозяйство пореформенной России, крестьянский вопрос в России, Министерство земледелия и государственных имуществ, российское земство, земские собрания, земские управы, агрономия, животноводство, сельскохозяйственные склады.

The article is devoted to the agronomic activities of zemstvo in Vladimir province. The author pays special attention to formation of agriculture specialists at provincial and county levels, as well as to the work of economic boards and commissions in zemstvo. At the end of the article the author concludes that the peak of zemstvo agronomic activities was reached on the eve of the First World War.

Key words: peasant farming after 1861 reform in Russia, the peasant question in Russia, the Ministry of agriculture and State property, Russian zemstvo, zemstvo structures administration, agronomy, livestock, agricultural warehouses.

После падения крепостного права перед властью и российским обществом встал крестьянский вопрос, в котором современники видели две взаимно переплетенные стороны. Во-первых, в чем заключались причины тяжелого положения большинства крестьян в России после 1861 г. и, во-вторых, как можно помочь крестьянам. Одним из ответов на эти вызовы стала экономическая деятельность земств, появившихся в результате принятия «Положения о губернских и уездных земских учреждениях» 1864 г.

В первые годы деятельности этих органов местного общественного самоуправления главным их приоритетом стала охрана здоровья сельского населения, в частности борьба с эпидемическими заболеваниями. Через некоторое время земства взялись за развитие народного образования, открывая в деревне многочисленные школы для крестьянских детей.

Решая эти задачи, земские деятели наверняка размышляли о том, что все же необходимо оказывать помощь крестьянскому хозяйству, страдавшему от малоземелья, примитивной агротехники, высоких налогов и хозяйственного консерватизма большинства сельских жителей. Однако эта задача в первые два-три десятилетия работы земства откладывалась до лучших времен. Как нам представляется, рассуждения земцев по этому поводу могли выглядеть так: крестьяне хотя и неэффективно, но все же ведут свое хозяйство,

в то время как квалифицированно лечиться и обучать своих детей они не в состоянии. Поэтому в первую очередь сельским жителям надо помогать в сферах здравоохранения и просвещения.

Со временем, когда в земские бюджеты стало поступать больше налогов, задача помощи крестьянскому хозяйству была поставлена на практические рельсы. В 1890-х гг. земские гласные, наконец, осознали насущность помощи крестьянским хозяйствам, испытывавшим в конце позапрошлого столетия значительные проблемы. Эта необходимость стала исключительно актуальной в связи с мировым аграрным кризисом 1880-х гг., когда русский хлеб стал испытывать серьезную конкуренцию со стороны более дешевой заокеанской пшеницы, выращивавшейся в США и Канаде. Цены на зерно заметно снизились, что привело к обнищанию и разорению десятков тысяч крестьянских хозяйств. Другим важным побудительным мотивом активизации земств в сфере агрономической помощи крестьянам стал катастрофический голод 1891 г., связанный с неурожаем хлебов. Все это вместе взятое поставило перед земством новый приоритет — помощь крестьянскому хозяйству, которую до 1890-х гг. земцы откладывали как не самое важное дело. Ориентир здесь заключался в существенном повышении продуктивности крестьянского хозяйства путем разнообразной помощи ему со стороны органов местного самоуправления.

Понятие агрономической организации, фигурирующее в заголовке данной статьи, было широко распространено в земской литературе на рубеже XIX—XX в. Оно включало в себя кадры агрономов, зоотехников, почвоведов, пчеловодов и других специалистов, а также агрономические совещательные органы, которые были сформированы при земских управах для обсуждения проблем помощи крестьянскому хозяйству. Сельскому хозяйству России в этот период были необходимы квалифицированные специалисты в самых различных отраслях агрикультуры.

В рассматриваемой нами Владимирской губернии постепенно стали формироваться агрономические кадры. В 1899 г. главным агрономом региона стал А. К. Гвоздецкий, который несколько лет возглавлял эту сферу деятельности во Владимирском губернском земстве. В дальнейшем на этой должности работал А. В. Португалов. Накануне Первой мировой войны губернским земским агрономом был Ф. Ф. Казаков. Кроме того, в предвоенные годы во Владимире служил государственный (а не земский!) специалист в аграрной сфере от столичного Департамента земледелия А. А. Новиков, называвшийся «уполномоченным по сельскохозяйственной части» [5, с. 1; 3, с. 1].

Со временем агрономическая организация стала распространяться на уезды. Совершенно особняком здесь стоял Шуйский уезд, в котором должность агронома была учреждена еще в 1896 г., т. е. за несколько лет до того, как был приглашен губернский специалист этого профиля. Шуйское земство было самым богатым среди тринадцати уездных органов местного самоуправления в губернии. Материальное благополучие его объяснялось тем, что оно получало очень значительные средства в виде налогов с крупных текстильных фабрик, находившихся в Шуе, Иваново-Вознесенске, Тейкове, Кохме и других текстильных центрах. В связи с этим оно еще в 1890-х гг. могло позволить себе такие расходы, которые были совершенно нереальны для Гороховецкого или Суздальского земств. Последние среди прочих считались бедными, так как в этих уездах почти не было крупных промышленных предприятий, представлявших собой важную налогооблагаемую базу.

Только через пять лет после Шуйского земства, т. е. в 1900—1901 гг. решили нанять специалистов-аграрников Суздальское и Переславское земства. Их примеру почти сразу последовали земства Ковровского и Судогодского уездов, а затем Гороховецкое, Покровское и Юрьевское земства. В 1903 г. постановили учредить должности агрономов земские собрания в Александровском, Вязниковском, Меленковском и Муромском уездах. Как это ни странно, но последним это сделало земство центрального в губернии Владимирского уезда [1, 1903, № 15, с. 21; № 18, с. 20—25; 4, с. 3]. Таким образом, за очень короткий срок был сформирован уездный уровень агрономической организации.

Когда Переславское земское собрание решило нанять агронома, оно отпустило на его жалованье 700 р. При этом уездные гласные хорошо понимали, что квалифицированного специалиста за такие деньги найти будет трудно. Поэтому уездное собрание обратилось в губернское земство с просьбой добавить к этой сумме еще 500 р. Последнее пошло навстречу своим коллегам из Переславского уезда и отпустило просимую сумму. После этого губернские гласные приняли решение о том, что они готовы выделять средства на жалованье всех уездных агрономов на основе равного софинансирования, но не более 600 р. в год [1, 1903, № 18, с. 22—24]. Таким образом, высшая ставка жалованья агронома была установлена в 1200 р. В дальнейшем губернские земцы поняли, что даже за такие деньги трудно найти специалистов: спрос на агрономов тогда был очень высоким, так как большинство земств России активно взялись помогать крестьянскому хозяйству. В связи с этим в 1905 г. губернское земство приняло постановление о повышении размера пособия на жалованье агрономам до 1 тыс. р., для того чтобы довести их заработную плату до 2 тыс. р. на основе софинансирования [1, 1905, № 11—12, с. 41]. Помощь губернского земства уездным структурам способствовала тому, что со временем во всех уездах появились квалифицированные специалисты в области сельского хозяйства. В дальнейшем губернское земство взяло на себя и другие расходы по развитию агрономии на периферии. Уездные гласные были очень довольны этой помощью.

Целесообразно привести фамилии агрономов, трудившихся в уездных земствах. Они фигурируют в одном из документов как участники совещания, состоявшегося во Владимирской губернской земской управе в феврале 1908 г. В это время в Александрове уездным агрономом служил А. О. Похвadt, во Владимире — Ф. Г. Краснянский, в Вязниках — А. Н. Волжинский, Гороховце — А. О. Федоровский, Меленках — А. К. Богданович, Муроме — Ф. Ф. Казаков, Покрове — П. В. Савельев, Судогде — Н. П. Ромдановский, Суздале — В. А. Журавлев, Шуе — В. И. Машеров. В это время своего агронома не было только в Переславском уезде. Причем последний оставался без специалиста около года, что объяснялось кадровым дефицитом в этой сфере деятельности [5, с. 1].

Все агрономы во Владимирской губернии имели специальную подготовку. Одни из них окончили высшие учебные заведения, например, Д. М. Шорыгин учился в Петровской сельскохозяйственной академии в Москве. К. Ф. Смирнов, работавший в Муромском уезде, и В. И. Иванов (Переславский уезд) получили среднее специальное образование в Московской земледельческой школе и Мариинском земледельческом училище (Саратовская губерния) соответственно [1, 1904, № 10, с. 16].

Накануне Первой мировой войны агрономическая помощь земств крестьянскому хозяйству становилась все более масштабной и разнообразной.

Уездные агрономы были не в состоянии справиться с массой дел, так как спрос на агрономическую помощь возрастал, а уезды в то время были весьма значительными как по территории, так и численности населения. Так, в Шуйском уезде в конце позапрошлого века на 2565 кв. верстах проживали 162 тыс. человек, большинство их составляли сельские жители. Поэтому по образцу участковой медицины земство стало делить уезды на участки; в каждый назначался агроном, который обслуживал несколько волостей. Например, в 1913 г. в Александровском уезде были 3 участка, Владимирском — 3, Вязниковском — 1, Гороховецком — 3, Ковровском — 5, Меленковском — 5, Муромском — 4, Переславском — 2, Покровском — 3. Судогодском — 4, Суздальском — 2, Шуйском — 3, Юрьевском — 1 [3, с. 84—85]. Эти цифры представляют собой своего рода коэффициенты активности уездных земств в деле развития агрономии. Как следует из вышеприведенных данных, накануне мировой войны передовые позиции на рассматриваемом нами поприще занимал уже не Шуйский уезд, а Ковровский и Меленковский.

Очень разнообразными были функции, которые выполняли уездные и участковые агрономы. Например, в 1902 г. в Судогодском уезде только что приступивший к своим обязанностям специалист сразу совершил несколько поездок по ближайшим к уездному центру волостям для того, чтобы поближе познакомиться с состоянием крестьянского хозяйства. Он осматривал посевы кормовых трав, оценивал состояние лугов, регулярно проводил собеседования с крестьянами, разъясняя им преимущество плуга перед сохой, пользу травосеяния и необходимость качественного улучшения лугов [1, 1902, № 16, с. 13]. Следует отметить, что, несмотря на название своей профессии, предполагавшей занятия лишь проблемами полеводства, земские агрономы активно занимались и развитием животноводства.

Очень много времени отнимало у агрономов заведование возникавшими тогда во всех уездах сельскохозяйственными складами. Необходимо было закупать для них товары, назначать на них цены с учетом спроса крестьян. Хотя большинство агрономов непосредственно не занимались продажей товаров со складов, но контролировать эту торговлю приходилось постоянно. Характерной являлась ситуация, сложившаяся после отстранения от должности (за оппозиционность) ковровского уездного агронома Д. М. Шорыгина: дела на Лежневском сельскохозяйственном складе сразу пошли значительно хуже, выбор сельскохозяйственных машин и орудий, семян для посева стал гораздо беднее, что вызвало жалобы местных крестьян [2, 1906, № 7, с. 14].

Кроме агрономов, которые являлись работниками широкого профиля, в земстве со временем появились специалисты с более узкой специализацией. Разумеется, такого рода должностные лица сначала были приглашены на работу в губернское земство. На очередном земском собрании 1904 г. губернские гласные учредили должность инструктора по пчеловодству. Ему было назначено жалованье в 1200 р. в год, а также 500 р. на разъезды по губернии и 300 р. на устройство музея пчеловодства. Некоторое время во Владимирской губернии пчеловодом-инструктором являлся П. И. Мещеряков, а затем — Н. Г. Беляев [1, 1905, № 11—12, с. 43; 5, с. 131—132; 3, с. 19].

В дальнейшем появились специалисты и в других отраслях хозяйства. В качестве примера можно привести их список за 1913 год. Это В. В. Нагорский — зоотехник, Н. Н. Беляев — второй зоотехник, М. П. Григорьев — геоботаник, Н. М. Титов — гидротехник, Г. Б. Погоржельский — специалист по садоводству и огородничеству, Г. Г. Некрасов — инструктор по пчеловодству,

Л. А. Чугунов — старший инструктор по болотоведению, М. А. Севитов — заведующий опытной сельскохозяйственной станцией, Т. Ф. Сухенко — заведующий лабораторией при опытной сельскохозяйственной станции, И. Ф. Покровский — заведующий агрономическими опытами, А. А. Благодоров — заведующий вегетационными опытами, А. Ф. Бауэр — заведующий Владимирским районным полем и др. [3, с. 18—19].

Постепенно контингент аналогичных узкопрофильных специалистов начал формироваться в уездах. В самые первые годы XX в., когда все уездные земства обзавелись своими агрономами, они сначала решили, что этих должностных лиц будет вполне достаточно. Когда уездным гласным в Судогде предложили инструктора по льноводству от Департамента земледелия, то они отказались, хотя льноводством в уезде крестьяне все же занимались [1, 1905, № 18—20, с. 40—41]. Через несколько лет настроения среди уездных гласных изменились. То же Судогдское земство само ходатайствовало о командировании в уезд инструктора по птицеводству — специальности в то время еще более узкой, чем инструктор по льноводству [3, с. 20].

Для российского земства был характерен своеобразный демократизм, решения здесь почти всегда принимались коллегиально. В уездных органах местного управления в самом конце XIX — начале XX в. появились врачебные советы и комиссии для коллективного решения вопросов медицинского обслуживания, школьные комиссии и советы для принятия соответствующих решений в сфере народного образования. Первые аналогичные структуры в сфере сельского хозяйства начали работу в земствах в 1890-х гг. Меленковское уездное земство учредило сельскохозяйственную комиссию еще в 1894 г., в Переславском уезде сельскохозяйственный совет возник в 1897 г. Правда, эти самые первые учреждения порой были недолговечными. Например, в Меленках упомянутая комиссия просуществовала всего три года и прекратила свое существование [1, 1903, № 18, с. 32].

В первые годы XX в. коллегиальные органы были учреждены в большинстве уездных земств. Экономические советы в 1902 г. открылись в Ковровском и Суздальском земствах. В 1906 г. состоялось первое заседание Вязниковского экономического совета. Начал довольно интенсивно работать губернский экономический совет. Только во Владимирском уезде такого рода структура называлась агрономической комиссией, что, как нам представляется, более точно отражало основное направление ее деятельности [2, 1906, № 12, с. 13; 1, 1903, № 18, с. 33; 5, с. 123].

Члены этих совещательных органов лишь обсуждали стоявшие на повестке дня вопросы и представляли свое мнение уездным управам и собраниям, а последние уже принимали окончательные решения. В состав экономических советов обязательно входили представители так называемого «второго элемента» в земстве, т. е. члены городских управ. Как правило, председательствовал на совещаниях руководитель управы. Секретарями во всех уездных экономических советах являлись местные агрономы. В такие советы входили также ветеринарные врачи и даже крестьяне [1, 1902, № 11, с. 11; № 18, с. 10; 1903, № 5, с. 18; 1905, № 9—10, с. 22]. Члены советов обсуждали очень широкий круг вопросов, которые находились в компетенции земств. Уездные агрономы обычно представляли сюда свои отчеты, с которыми затем выступали перед гласными на очередных собраниях [1, 1906, № 6, с. 11; № 12, с. 13; 1, 1902, № 16, с. 10; № 18, с. 10].

В заключение следует сделать вывод о том, что земства Владимирской губернии по сравнению с соседними регионами позднее взяли за организацию

помощи крестьянскому хозяйству. В Московской, Нижегородской, Ярославской губерниях органы местного самоуправления приступили к этой деятельности в среднем на десятилетие раньше, чем их владимирские коллеги. Первые шаги земцев Владимирской губернии на этом поприще были предприняты только в 1890-х гг. В это время единодушия среди них не наблюдалось: многие гласные и члены уездных управ считали, что агрономическая деятельность будет отвлекать земство от развития просвещения и здравоохранения, в земской среде к началу XX в. все еще прочно бытовало мнение о том, что это не только две главные, но и чуть ли не единственные сферы деятельности.

Активизация агрономической работы произошла по инициативе губернского земства, во многом поэтому основные расходы на помощь крестьянскому хозяйству были возложены на бюджет губернского земства, а уездные структуры участвовали в формировании агрономической организации не везде и лишь на началах софинансирования. Сначала земства обзавелись такими специалистами, как агрономы широкого профиля, которые занимались буквально всем — проблемами не только полеводства, но и животноводства. В дальнейшем в уездные земства, и особенно в губернское, были приглашены узкие специалисты в области животноводства, травосеяния, луговодства, почвоведения, пчеловодства и др. Это способствовало более эффективной помощи земств крестьянскому хозяйству.

В то же время возник дефицит квалифицированных кадров, так как спрос на специалистов в земствах быстро возрастал, а выпуск их в сельскохозяйственных учебных заведениях увеличивался не столь быстро. Бывало так, что должности уездных или участковых агрономов оказывались вакантными на протяжении длительного времени. Земствам приходилось повышать жалованье специалистам, чтобы привлечь их в губернию. В связи с этими расходами развитие агрономической организации поглощало все более значительную долю земских бюджетов, но все же оно никогда не составляло конкуренцию тратам на просвещение и здравоохранение.

Наряду с формированием кадров специалистов еще одним важным направлением в становлении агрономической организации стало создание коллективных органов в этой сфере деятельности — экономических советов или комиссий. В них участвовали: «первый элемент» земства, т. е. гласные губернских или уездных собраний, «второй элемент» — члены управ, а также «третий элемент», т. е. наемные служащие, о которых шла речь в данной статье. Все они в той или иной степени принимали участие в решении проблем крестьянского хозяйства, обеспечивая коллективное формирование стратегии и тактики земств в рассматриваемой сфере их деятельности.

Библиографический список

1. Вестник Владимирского губернского земства.
2. Владимирская еженедельная газета.
3. Отчеты Владимирской губернской земской управы очередному губернскому земскому собранию 1913 года : по агрономическим мероприятиям. Владимир, 1913. 242 с.
4. Отчет Владимирской губернской земской управы по агрономическим мероприятиям за 1903 год. Владимир, 1904. 156 с.
5. Отчеты и доклады Владимирской губернской земской управы очередному губернскому земскому собранию 1908 года : по экономическим мероприятиям. Владимир, 1908. 188 с.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ ПРОТИВ ЧРЕЗВЫЧАЙЩИНЫ (Июль — начало августа 1918 г.)

Предметом исследования является противостояние крестьянской демократии в лице органов Советской власти низового уровня и навязываемой из центра чрезвычайщины в форме комбедов. Тема раскрыта на основе путевых заметок Анны Пахомовны Демидовой, организатора комбедов в Тульской губернии летом 1918 г. Интерес вызывают два момента, пронизывающие все содержание путевых заметок: тактическое маневрирование проводников и противников комбедовщины, интеллектуальный и нравственный надрыв автора по поводу событий, происходивших на селе летом 1918 г.

Ключевые слова: крестьянская демократия, комбеды, актив сопротивления, агитаторы, крестьяне, путевые заметки, ошибки, тактические находки власти.

The subject of the article is the confrontation of peasant democracy in the form of Soviet authorities at the grass-roots level and the state of emergency in the form of imposed from the center. Research is based of the travel notes of Anna Demidova Pahomovna, an organizer of Committee of Poor Peasants in Tula province in the summer of 1918. Two issues find manifestation throughout all the travel notes: tactical maneuvering of proponents and opponents of poor peasants committees, intellectual and moral anguish of the author about the events that took place in villages in the summer of 1918.

Key words: peasant democracy, Committee of Poor Peasants, activists of the resistance, the agitators, farmers, travel notes, errors, tactical findings of the authorities.

Предметом исследования вновь становятся путевые заметки Анны Пахомовны Демидовой, организатора комбедов в Тульской губернии летом 1918 г.¹ Интерес к записям этого неординарного человека, по убеждениям идейного коммуниста, вызван проблемой роли крестьянства в событиях, в совокупности своей обозначенных как «комбедовщина». Была ли деревня пассивна, безропотна в процессе ее революционной ломки или имела свои намерения, предпринимала активные действия к сопротивлению, корректировке радикального курса федерального центра?! Если единоличная деревня была способна к отстаиванию своих интересов в этот период, то конкретно, в каких формах и методах выражалось это сопротивление? Ответы на эти вопросы как раз и содержатся в вышеупомянутых свидетельствах непосредственного участника и проводника чрезвычайщины на селе, умного, неравнодушного, способного к анализу своих успехов и просчетов при выполнении намеченной миссии.

© Ильин Ю. А., 2017

¹ Ильин Ю. А. Военно-коммунистический штурм российской деревни летом 1918 г. : (по путевым заметкам Анны Пахомовны Демидовой, организатора комбедов в Тульской губернии) // Революция и современность : материалы научно-практической конференции, 3 марта 2017 г. Владимир, 2017. С. 47—53.

Приходится лишь сожалеть о том, что заметки А. П. Демидовой в весьма ограниченных объемах введены в научный оборот². Основная часть этих документов хранится в фондах государственных архивов Тульской и Московской областей. И все же даже в крупницах опубликованных материалов весьма ярко показан накал политической борьбы за новую деревню, противостояние сторон. Интерес вызывают два момента, пронизывающие все содержание путевых заметок: тактическое маневрирование проводников и противников комбедовщины, интеллектуальный и нравственный надрыв автора по поводу событий, происходивших на селе летом 1918 г.

Эти воспоминания имеют тем большую ценность, что разрушают стереотип о бескомпромиссной нацеленности так называемого «кулачества» на вооруженную борьбу с Советской властью в этот период, инициировании ими террористических актов против ее представителей, в частности организаторов комбедовского движения.

Сложность работы с источником не сводится только к его фрагментарности по содержанию, документ основательно исследован как самим автором, так и структурами, имевшими возможность ознакомиться с ним. Что, кстати, неудивительно: содержание материалов не втискивается в жесткие рамки идеологических подходов власти к периодам военного и «невоенного» коммунизма. На наш взгляд, этот документ целесообразно подвергнуть лексикологической и психологической оценкам. Это позволит в полной мере понять, прочувствовать драматизм событий, накал страстей, палитру сопереживаний и намерений их участников. Но очевидно, что путевые заметки А. П. Демидовой — это живая, приближенная к реальности, лишенная пафоса и наигранности картина гражданской войны в сельской глубинке центральной России на ранней стадии внедрения в нее начал военного коммунизма. И за это мы благодарны ее автору, хотя он и являлся последовательным сторонником революционной ломки ненавистной патриархальной деревни.

Изучение путевых заметок А. П. Демидовой наводит на мысль, что летом 1918 г. крестьянство селений Солдатовской и Болотовской волостей Тульской губернии придерживалось мирной формы противостояния чрезвычайщине. Нет даже намека, случайно брошенной фразы о том, что кулаки и их сторонники замышляют вооруженные акции, террористические действия в отношении ее и местных органов власти. В рамках же мирной формы сопротивления активной, наиболее развитой частью деревни применялись две тактические линии поведения: а) мобилизация сельского населения на срыв кампании по избранию комбедов; б) усилия по трансформации органов батраков и бедняков в случае их создания в «комбеды всего сообщества» единоличной деревни. Эти две тактики сопротивления причудливо переплетались или поочередно доминировали в каждой волости и деревне в зависимости от текущей политической ситуации и расклада социальных сил. Последние напрямую зависели от удельного веса социально-экономических групп сельского общества, многочисленности и активности развитой части населения, сплоченности односельчан по линии родства, личной зависимости и связям, позиции уездной и местной власти, наличия и тактики поведения приезжавших в волости агитаторов и организаторов комбедов и т. д. Все это многообразие факторов и создавало неповторимый колорит общественно-политической жизни глубинки российской деревни центральной России.

² Демидова А. П. Из истории организации комитетов бедноты в Тульской губернии (июль — август 1918 г.) // Исторический архив. 1956. № 4. С. 177. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы.

Рассмотрим конкретно-исторические проявления вышеотмеченных нами тактик поведения и соответствующих им методов противостояния сельского населения явлению «комбедовщины». Итак, тактика на срыв кампании по выборам комбедов. Уже в первой записи путевых заметок (за 6 июля) автор бросает фразу: «Везде, в каждом столкновении с крестьянами...» (178). Интересно и то, что здесь же А. П. Демидова в своей организационной деятельности напрямую связывает данную кампанию с продовольственным кризисом. Такой подход у нее был при встрече с крестьянами сел Козье и Солдатовское (запись от 6 июля) и сел Лаврово и Дубики (запись за 7 июля). Крестьяне же воспринимали комбеды как навязываемые сверху принудительные структуры благотворительного характера по оказанию продовольственной помощи всем голодающим. Но держатели были готовы лишь на адресную помощь, главным образом односельчанам. Такая позиция крестьянства была замечена и ярко отражена автором в путевых заметках, датированных за эти дни. Так, в записи за 6 июля 1918 г. (помечено — с. Козье Солдатовской волости) читаем: «Везде, в каждом столкновении с крестьянами бросается в глаза самый сильный бессердечный эгоизм, забота о собственной шкуре. Крестьяне соседнего с селом Козьим села Маслово захватили всю муку со своей мельницы, очень хорошо зная, что рядом голодает почти целое село. Ликвидировать это без оружия невозможно, все равно не отдадут, сколько ни убеждай. То же самое происходит при реквизиции: не только не думают о городских рабочих, но даже бедноте соседней деревни ничего не дадут. Так голодали беженцы с. Солдатовского, в котором комитет открыто заявляет: «Нам своих едва достанет прокормить, а то еще о вас мы будем заботиться...». Я уже не говорю этим «не знающим, что творят» о страданиях голодных людей, я просто была по лбу голым фактом: если вся деревня сыта, а один голодает, то за одного все погибнут, ибо от него начнется голодный тиф. Против этого они уже ничего сказать не могут. А от помощи голодающему соседу (крестьянину другого села или беженцу) все-таки стараются увернуться» (179).

Кстати, играя на чувстве голода, А. П. Демидова пыталась сподвигнуть бедняцкую часть деревни на создание комбедов (с. Лаврово Солдатовской волости, запись от 7 июля 1918 г.). Попытка эта удалась, такое решение крестьянами было принято. Вероятно, это удалось сделать и в с. Солдатовском, ибо косвенно об этом говорится в записи от 9 июля. Вдохновленная этими успехами, организатор попыталась придать учрежденным комбедам характер политических органов на селе, и вот тут ее постигла неудача. В примечании к записи от 7 июля (с. Лаврово Солдатовской волости) читаем: «Собрание не захотело высказываться по политическому моменту...» (179). Более того, данная попытка привела в действие активную часть села, она инициировала общее собрание жителей селения 8 июля. Из путевых заметок А. П. Демидовой: «Собрание было очень велико. Продолжалось часа четыре... Село это не только богатое в общем, но очень развито в умственном отношении. Здесь выступал против меня такой меньшевик, что он пролезет в игольное ушко совершенно свободно!.. Он, например, задает такие вопросы: “Может ли в комитет войти богатый, но развитый большевик, который будет безусловно полезным членом? Как можно бедноту отделить от богачей? Укажите мне определенную грань, которую можно провести между этими двумя классами?” Кулаки ухватились за этот последний вопрос и стали указывать на личности, и ...началась настоящая “русская сходка”» (179).

На указанном собрании деревня доходчиво объяснила свою настороженно-враждебную позицию к навязываемой сверху обязательной благотворительности в пользу голодающих, особенно жителей городов. И вот здесь

агитатор во всем блеске показал свою «идейность», т. е. незнание деревни, ее хозяйственной повседневности и соответствующей ей крестьянской психологии и мотивации труда в единоличном хозяйстве: «...когда они стали спрашивать, почему рабочие не дают мануфактуры, и основывать на этом факте равнодушные деревни к голоду рабочего, и когда я сказала, что если рабочие не дают мануфактуры по твердым ценам, то потому, что без мануфактуры можно обойтись, а без хлеба нельзя, то начался настоящий звериный рев: “А-а-а!”». В итоге агитатор констатировал: «Собрание сорвало организацию бедноты», т. е. выразил недоверие, если не сказать, неприятие данной чрезвычайной структуре власти на селе. Автор объяснял это забитостью деревни и пассивностью волостного Совета (179).

В путевых заметках за 7—8 июля 1918 г. ничего не говорится о позиции волостного Совета в вышеописанных событиях. Но есть фраза, которая косвенно подтверждает неприятие его членами иницилируемой А. П. Демидовой кампании. Она пишет о «крючкотворчестве и взяточничестве» деревенского начальства, необходимости переизбрания членов волостного Совета и замене их представителями комбедов (178—179). В этом ее поддерживали члены комитета бедноты с Солдатовского одноименной волости (запись от 9 июля): «...члены комбеда твердо стояли на решении выбирать членов Совета из комитетов бедноты» (181). Автор объясняет такое решение своей успешной агитацией, но смущает отмеченный ею факт: «Приехал отряд красноармейцев. На ночевку отправился в с. Дубики. Народ в страхе...» (181). Может быть, совпадение?! По крайней мере, так считала А. П. Демидова и тем самым непроизвольно показывала свою «идейную» наивность. Для предстоявшего «переворота» эта поддержка из уезда была спланирована без ведома А. П. Демидовой. Цель — запугать деревенскую общественность и ввести чрезвычайное правление в волости. Да, народ был запуган: «...крестьянки в страхе стали прятать даже холсты в лесу». Волостной Совет был переизбран, но и сама акция устрашения была дискредитирована отрядниками: ничего не сделали, реквизиции не произвели, пьянствовали. Наводит на мысль ее следующая фраза: «Случилось то, что можно было ожидать...» Мысль о спланированности уездными властями вступления воинской части в волость, против которого, если ее известили об этом, она бы весьма решительно протестовала. Протестовала бы не против применения насилия к кулакам, а из-за боязни провокации со стороны волостного Совета, который предстояло переизбрать, т. е. свергнуть. Запись от 9 июля 1918 г. показывает полное смятение автора от происшедших событий в волости: «Рука отказывается писать, сознание не хочет работать... Случилось нелепое, ужасное, отвратительное...» (181). Есть в записи еще одно высказывание, косвенно подтверждающее причастность уездных властей к попытке форсировать процесс установления режима чрезвычайщины: военный комиссар г. Ефремова «защищал красноармейцев в том, что они не сделали реквизицию, так как их мало — 20 человек!» (181).

Такая «медвежья услуга» организатору комбедов («какой-то негодяй распустил слух, что я приказала отбирать у крестьян все, всякое тряпье...») лишь активизировала активную часть деревни на сплочение сельского общества против комбедовщины. Из путевых заметок от 9 июля 1918 г. (с приложением описания событий за 12 июля 1918 г.): «12 июля было волостное собрание. На нем кулачье стало требовать, чтобы Совет, новый Совет, только что избранный, был переизбран, основывая свое требование на том, что

в комитеты бедноты вошли только немногие из населения. Столько было провокации на этом собрании, столько было здесь подлецов, скрывающихся под маской свободного гражданина, что я совершенно не могла выдержать тона и говорить при выступавших спокойно. Но бедняки держались очень крепко. Они с восторгом встречали в моем лице поддержку своему униженному достоинству и, что редко бывает в деревне, прерывали меня оглушительными рукоплесканиями». Иными словами, на этом собрании в присутствии уездного военного комиссара и организатора комбедов произошел отрыв бедноты от большинства населения волости: «...я видела, что сознание массы прояснялось, я видела, что беднота уже чувствует под собой почву...» (181). Другим ее свидетельством раскола деревни на бедноту и остальную часть сельского общества является запись от 13 июля (с. Козье Солдатовской волости): «Крестьяне встретили меня после волостного собрания очень радушно, с небываемой сердечностью. Очень голодная деревня. Просили помощи» (182). Автор заметок восклицает: «Как мог согласиться с ней (резолуцией) тов. Военный комиссар, я не знаю. Он согласился на принятие резолюции в кадетском духе, то есть в ней ясно видно недоверие к Советской власти» (181). Суть ее в том, что крестьяне будут поддерживать эту власть, если она отражает интересы трудового крестьянства. А. П. Демидова предложила подкорректировать этот тезис о поддержке Советской власти: вместо формулировки «трудового крестьянства» вставить в текст резолюции фразу «сельского и городского пролетариата». На собрании прошло ее предложение (181—182).

Итак, на собрании 12 июля 1918 г. А. П. Демидова добилась создания чрезвычайной власти в пределах Солдатовской волости в лице волостного Совета, трансформировавшегося, по сути, в волостной комитет бедноты. Такковы результаты противостояния в волости сторонников и противников учреждения опорных пунктов пролетарской диктатуры.

Тактика превращения органов батраков и бедняков в комитеты крестьянских хозяйств (комкрестхозы), отражавшие интересы большинства населения деревни

Такая склонность к трансформации органов сельского пролетариата стала проявляться уже на общем волостном собрании 12 июля 1918 г. Об этом так пишет в путевых заметках А. П. Демидова: «После принятия резолюции стали разбирать вопрос о выбранном Совете. Со стороны кулаков понеслись обвинения, что “мы не выбрали этого председателя” и т. д., что красноармейцы неправильно действуют. Вообще окончилось с внешней стороны плохо, так как председатель вновь избранного Совета отказывался от полномочий, предлагая избрать новый Совет, а я настаивала на том, что собрание не имеет права решать этот вопрос, так как оно состоит не из одних членов комитетов бедноты, но и из кулаков» (182).

А. П. Демидова не избежала состояния эйфории от того, что добилась создания волостной комбедовской власти в форме волостного Совета. И уже не в одиночку, а с бедняцкой частью деревни, группировавшейся вокруг нового волостного Совета, могла инициировать его на практическую работу. Она с гордостью сообщала в записи от 10 июля 1918 г. (с. Солдатовское одноименной волости), что волостной Совет из представителей комитетов бедноты всей волости принял решения: «...ограничить цены за обработку полей. Взять на учет весь живой и мертвый инвентарь. Продажу его запретить». Она подчеркивала, что эти «решения — пролетарские и что завтра предстоит

волостное собрание, которое должно быть свидетелем того, что власть переходит в руки нового Совета» (182).

Но и политически развитая часть деревни не сложила оружие. В записи от 12 июля (с. Солдатовское) она сообщила о контрмерах оппозиционной деревенской общественности: «...в волостном земельном отделе секретарем сидит б. городской. Говорит авторитетным словом о свободе слова и, пользуясь ею, приводит антиреволюционные идеи. Этот человек собрал в одно прекрасное время крестьян и надоумил их всех объединиться в комитет бедноты, крестьяне ухватились за эту мысль и составили приговор, в котором говорилось, что все они входят в комитет бедноты. Вот и поработай тут, когда у тебя почву из-под ног вырывают... Сорганизовался комитет зажиточных крестьян (норма: не более 15 десятин земли) в противовес комитету бедноты, хотя и второй комитет назывался комитетом бедноты. Этот комитет организовали для того, чтобы, как говорил мне представитель, рабочая часть крестьянства, пролетарии не задавили остальных. Комитет этот намерен послать от себя представителя на агитационные курсы...» (183).

А в записи от 14 июля (с. Солдатовское) дается информация о собрании представителей сел и деревень волости. Здесь была предпринята сторонниками оппозиции попытка переизбрать Совет, но неудачно. Но, по мнению агитатора, и положение «вновь избранного Совета очень печально. Вокруг него — недовольство и брожение. Ввиду этого придется назначить вторые перевыборы, так как Совет не может работать при создавшихся условиях» (183). То есть большинство населения волости бойкотировало этот орган, что равноценно участию в кампании гражданского неповиновения. Оппозиция добилась парализации органов новой власти. К сожалению, на этом прерывается публикация путевых заметок А. П. Демидовой о ситуации в Солдатовской волости, мотивация действий составителей подборки данных материалов неясна.

Вместо этого редакторы публикуют записи о работе А. П. Демидовой в Болотовской волости Богородицкого уезда за первую половину августа 1918 г. В этой волости оппозиция применяла более изощренную тактику противостояния комбедовщине: она опиралась на авторитет общих собраний населения под руководством волостного Совета, пыталась трансформировать это явление в организацию комитетов, членами которых являлось бы все население деревни или села. Они должны были не допустить создания комитетов бедноты в волости. Из путевых заметок за 9 августа 1918 г. (д. Вязовка Болотовской волости): «Я узнала, что здесь уже было общее собрание, на котором постановили подписаться всем обществом в комитет бедноты. Следовательно, правые “революционеры” не дремлют. Очевидно, они ведут самую широкую агитацию и на места поспевают прежде нас... Иванков (представитель местной власти. — Ю. И.) дал возможность своим предварительным собранием провести самую широкую кулацкую агитацию» (186).

Кстати, такие же решения были вынесены общими собраниями крестьян сел Балахны, Болотовское (запись от 7 августа), Спасско-Чалищево, деревни Выселки (запись от 13 августа). При этом выдвигались разные причины недопущения организации комитетов деревенской бедноты. Так, общее собрание с. Балахны «постановило записаться в комитет всем обществом, ибо все общество очень бедное» (с. 184); д. Выселки: «Общество организации не препятствует, общество не противится, но ни подписывать протокола о несостоявшейся организации, ни записываться в комитет не желают» (184—185); с. Спасско-Челищево: «Общее собрание в большинстве высказалось против

организации комитета, а также выразило недоверие к Советской власти. Записалось в комитет двое бедняков» (185).

И в этой волости А. П. Демидова применяла тактику раскола сельского общества, сущность которой заключалась в том, чтобы «в три счета сделать все, чтобы не дать кулакам опомниться...» (186). Она удачно осуществила ее в д. Вязовка (запись от 9 августа): «Я собрала только одну бедноту, причем большинство женщин. Пришлось долго ждать председателя сельского Совета. За время ожидания я вела агитацию против богачей, так что к собранию население было великолепно подготовлено и без всяких прений после доклада согласилось организовать комитет бедноты. Во время доклада приперлись черные вороны — кулаки. Поражают они всегда яркой типичностью в выражении лица: пожирающая злоба в глазах, что-то звериное в общем очерке лица, — вот яркие краски этих людей. В данном случае я дала им надлежащий отпор, но тут же поняла, что очень хорошо сделала, собрав только бедных...» (185). Собрание бедняков постановило организовать комитет бедноты для борьбы с засильем богачей (185). То есть здесь смысл резолюции сузился до классового противостояния с зажиточной частью деревни.

Аналогичная процедура была осуществлена в тот же день в д. Нотовка (13 дворов, из них только 3 двора бедняцкие): в результате «2 бедняка охотно вошли в организацию комитета бедноты соседнего села Балахны» (185).

Обращаю внимание на то, что новациями в тактике раскола «мира» на два социальных полюса были: усиление работы среди женщин, кооптация бедноты в комбед соседнего села. Были в новых подходах и эффективные находки. Запись от 6 августа 1918 г. (д. Упертовка Болотовской волости): «...я пошла на сход в Упертовке с целью организации комитета. После значительных прений мне это и удалось, причем в комитет вошли не только бедные, но и среднезажиточные, которые были довольны тем, что я от имени Советской власти сказала им одобрительное слово. Но замечу, что среднезажиточные в большинстве не вошли в комитет» (183). Иными словами, основная часть середняков и часть бедноты еще шли за оппозицией.

В путевых заметках А. П. Демидова пытается показать причины подчинения трудящихся деревни активной оппозиции. По ее мнению, она использовала недовольство хлебодержателей (середняков) политикой продовольственной диктатуры, увлекала за собой деревню на путь нелегального товарообмена. Из заметок 7 августа 1918 г. (с. Балахна Болотовской волости): «В продолжении всей зимы свой “хлебушек” — дар божий — кулачье балахновское меняло на всевозможные товары, которые доставлялись сюда спекулянтами. Так что, когда я говорила на собрании о товарообмене, то кулачье, черное воронье, кричало мне: “Не нужно нам ничего! Мы без вас обойдемся!”... Общее собрание граждан села постановило записаться в комитет всем обществом, ибо все общество бедное, так как мануфактуры имеет только лет на пять, хлебушка лишнего можно продать на несколько фунтов керенок. В этом селе особенно сильно напирают на 8-часовой рабочий день и на бедность всего общества. Удивительно русский мужик умеет притворяться!» (184).

К этому безусловно правильному замечанию надо добавить умение активной оппозиции подлаживаться под местную власть волостного и уездного уровня. Запись от 7 августа 1918 г. (с. Балахна): «Надо заметить, что из этого села пришел председатель Совета, сторонник кулаков. Поэтому они действуют так уверенно... экономический хлеб везде косят, а учетности, прямо говорят, мы не допустим. Я сказала, что вследствие отправления

комитета учетчиков пришлют из центра. “Придут и уедут, как и вы”, — с нескрываемой насмешкой говорят мужики... У меня был после собрания бедняк... Рассказывал о родной деревне. Сплошное кулачество. Муки — тысячи пудов. Но благодаря кулацкому уездному Совету реквизиция ни разу не была сделана. Впрочем, своего рода “реквизиция” была. Приехал из Богородицка отряд для реквизиции. Председатель сельского Совета предложил “откушать” отряду. Отряд откушал и так откушал, что реквизицию нашел излишним делом, поэтому отправился в город. На следующий день председатель собирает сход и говорит: “Вот видите, реквизиции не было, а я угощал отряд, поэтому позвольте мне получить с общества за угощение”. “Общество” из кулаков уплатило радетелю за “расходы”» (184).

У зажиточных была особая методика по отношению к бедняцкой части деревни. Запись от 7 августа (с. Балахна Болотовской волости): «При вести о предстоящей реквизиции хлеб грузят и отвозят в соседние селения до ухода отрядов... Никто от этого не смеет пикнуть... Это особенно удивительное село. Это железная цепь кулаков, которая сковала всю жизнь бедноты и шагу не дает сделать под угрозой смертей... Богачи очень желают, чтобы беднота организовалась в коммуну. “Этому, — говорят они, — мы препятствовать не будем. А союз мы никак не можем допустить, так как бедняки тогда над нами будут командовать”» (185).

Интересно «радетели» наделили хлебом бедноту: «Поехали на лошади по селу собирать Христа ради на бедных. Набрали кусками, фунтами и т. п. Потом смекнули: “Неужто по нынешней дороговизне задаром такое добро отдавать? Порешили на 4,5 рубля, а Совет в свою пользу за свои труды наложил налогу по 1,5 копеек с фунта”» (184). Запись от 7 августа (д. Выселки той же волости): «Дер. Выселки еще оригинальнее. Как один, все зажиточные. Очень немного бедных, которым замазали рты хлебом и всякой дрянью, так что они на собрание не явились (может, их и не звали), и голоса их я не слышала» (184—185).

А. П. Демидова отдает должное соорганизованности зажиточной части деревни. Запись от 7 августа 1918 г. (с. Балахна Болотовской волости): «Кулаки здесь великолепно организованы»; д. Выселки: «После собрания меня спрашивали эти иуды со злорадной улыбкой: “А почему не организовался комитет в Балахне?” Оказывается, в течение каких-нибудь 12 часов, как по беспроволочному телеграфу, сюда уже передали из Балахны, что в комитет записалось только 6 человек, что в Болотовке не организован. Невольно у меня мелькнула мысль: “Пошатнись Советская власть хоть на один миг, и эти организованные предатели сейчас образуют стройные ряды, вопящие о царе...”» (185).

Исходя из услышанного, увиденного и записанного, она делает однозначный вывод: «Отряды, отряды и отряды, только отряды спасут нас...» (185).

В записи от 11 августа 1918 г. А. П. Демидова сообщает о собрании представителей комитетов бедноты Болотовской волости Богородицкого уезда с повесткой: организация волостного комитета бедноты. Ее усилия дали результат. Было принято: а) организовать волостной комбед; б) избрать 7 представителей в учетную комиссию по реализации урожая; в) убрать урожай с экономических земель силами комитетов бедноты; г) поля, не засеянные вследствие безлошадности и отсутствия в семье мужчин, засеять силами комитетов бедноты. В приложении к записи было добавлено: «...по текущим делам, относящимся большей частью к удовлетворению семенами и пайками семей, особенно нуждающихся, постановлено: по возможности удовлетворить» (187).

Она сообщала и об аресте председателя и секретаря волостного Совета за агитацию против комитетов бедноты и противодействия организации комитетов. Без сомнения, это инициатива А. П. Демидовой. Цель акции ясна: осуществить переход власти в руки волостного комбеда. Но уже на следующий день (12 августа) собрание членов волостного Совета приняло решение, по сути сорвавшее этот замысел. Из записи 12 августа 1918 г.: «...несмотря на настойчивые доказательства с моей стороны невинности Комиссарова (старшего милиционера), Совет постановил признать его отзыв неизбежным, так как сам он просит об освобождении его от службы... Так как арестованные дали подписку в том, что больше не будут противодействовать организации комитетов бедноты, то стороны нашли возможным прекратить этот конфликт, арестованных освободить, и Совет постановил инцидент этот считать исчерпанным» (187).

События 11—12 августа 1918 г. имели громкий резонанс в среде крестьянства Болотовской волости. Настроение крестьян изменилось не в пользу чрезвычайных структур власти. Примером этого служит настрой общего собрания граждан с. Спасское-Чалищево (запись от 13 августа 1918 г.). Оно приняло резолюцию: «Общее собрание в большинстве высказалось против организации комитета, а также выразило недоверие к Советской власти...» (187).

На этом событии и обрывается публикация путевых заметок А. П. Демидовой, что не может не вызывать большого огорчения со стороны исследователей Гражданской войны.

Выводы

1. Путевые заметки А. П. Демидовой — уникальнейший документ, раскрывающий в конкретно-историческом контексте начальный период установления в деревне «комбедовщины», в связи с чем возникает острая необходимость поиска и публикации всех путевых тетрадей А. П. Демидовой. Пора, наконец, узнать историческую правду данного периода жизни российской деревни. Ведь именно 1918 г. стал началом страшной по своим масштабам и последствиям гражданской войны. Тем более приближается печальный юбилей — 100-летие радикальной ломки российского общества и его наиболее обездоленной части — многомиллионного крестьянства.

2. О самой публикации источника. Большая благодарность составителям, нашедшим и опубликовавшим этот ценный документ. Но надо и признать, что данная локальная публикация была явно идеологически заказной, ибо изобилует многочисленными купюрами. Ясен и замысел авторов публикации: показать на примере двух волостей Тульской губернии перегибы в деле организации комбедов на их начальной фазе (до известной телеграммы В. И. Ленина от 11 августа 1918 г., подкорректировавшей первоначальный замысел в деле установления чрезвычайного режима в деревне). На наш взгляд, здесь присутствует весьма неумелая попытка исказить историческую правду ради реабилитации политики партии, ее руководства в лице В. И. Ленина.

3. Но даже такой подход к публикации этого источника — неоценимый вклад в раскрытие проблемы решающей роли крестьянства в истории, особенно на ее переломных этапах. Путевые заметки А. П. Демидовой — мощный аргумент в пользу тезиса: российское крестьянство являлось могучим регулятором политики Советской власти, с которым ей, несмотря на всеческие ухищрения и неприкрытое массовое насилие среди населения, приходилось считаться и в 1918 г., и в 1921 г.

ББК 63.3(2)622-8

*Д. В. Кирюхин***ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ АНДРОННИКОВ
ВО ФРОНТОВЫХ ВОСПОМИНАНИЯХ
ЕГО БОЕВЫХ ТОВАРИЩЕЙ**

Рассматриваются боевой подвиг, личностные качества и характер командира 90-го гвардейского стрелкового полка 29-й Краснознаменной Ельнинской стрелковой дивизии гвардии подполковника В. М. Андронникова на основе воспоминаний его фронтовых товарищей — книги «Завидная наша судьба» командира дивизии генерала А. Т. Стученко и «Фронтовых записок сержанта» радиста Р. С. Гражданинова. В отличие от материалов А. Т. Стученко, мемуары Р. С. Гражданинова, которые позволяют добавить несколько ярких деталей и дополнить образ молодого командира, были опубликованы только в местной прессе и недоступны широкому кругу читателей.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, А. Т. Стученко, Р. С. Гражданинов, фронтовые воспоминания.

The article deals with the feat of arms, personality and character of the commander of the 90th Guards Rifle Regiment of the 29th Elninskaya Rifle Division of the Red Guards Lt. Col. V. M. Andronnikov, the memory of which could be found in the front-line memories of his comrades — the book “Our Envidable Destiny” by the division commander, General AT. Stuchenko and “Sergeant’s front-line notes” by a radio operator R. S. Grazhdaninov. In contrast to the materials of A. T. Stuchenko, memoirs of R. S. Grazhdaninov, which allow one to add a few bright details and complement the image of the young commander, were published only in the local press and were not available to a wide range of readers.

Key words: The Great Patriotic War, A. T. Stuchenko, R. S. Grazhdaninov, front-line memories.

Каждый год в канун празднования Великой Победы над нацизмом и фашизмом мы анализируем те уроки, которые чуть больше семидесяти лет назад дала нам война. Но еще чаще вспоминаем мы тех людей, которые отдали свои жизни, здоровье и силы за наше мирное небо над головой. Чей-то подвиг, несомненно, навсегда остался записанным в историю, имена Г. К. Жукова, А. М. Матросова, З. А. Космодемьянской, героев-панфиловцев и многих-многих других знакомы любому гражданину нашей страны с детства. Историческую память о подвиге героев помогают сохранить их родные, в чьих воспоминаниях и оставшихся с войны документах человек продолжает жить. Однако, к сожалению, так бывает далеко не всегда. Очень часто связь между поколениями оказывается утраченной, и в этом случае на помощь исследователям приходят материалы архивов и мемуарная литература.

Во время работы над расшифровкой рукописи фронтовых воспоминаний Р. С. Гражданинова нами были обнаружены и мемуарные сочинения его сослуживцев, которые позволяют достаточно детально узнать не только о подвиге описанных авторами сотоварищей, но и характерах, отдельных эпизодах из их жизней. В этом небольшом материале мы обращаемся к личности

© Кирюхин Д. В., 2017

и судьбе гвардии подполковника В. М. Андронникова, память о которых сохранилась благодаря труду его боевых товарищей — мемуарам А. Т. Стученко и Р. С. Гражданинова.

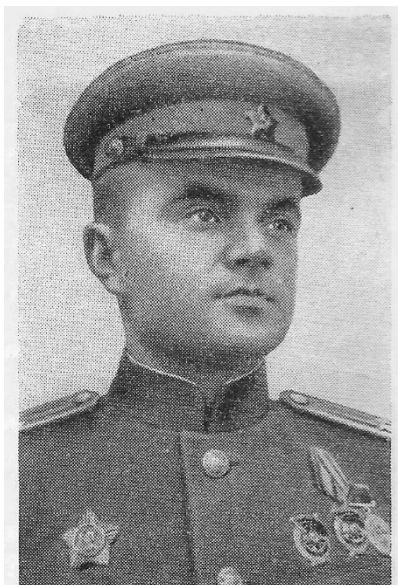
Наибольшую известность из них получила книга генерала армии Андрея Трофимовича Стученко (1904—1972 гг.), который в декабре 1942 г. был назначен командиром 29-й гвардейской стрелковой дивизии в составе 30-й армии Западного фронта. Вместе с В. М. Андронниковым он участвовал в освобождении Ржева в ходе Ржевско-Вяземской операции в марте 1943 г., затем в Смоленской операции 1943 г., в которой дивизия А. Т. Стученко успешно освободила город Ельню, в Режицко-Двинской и Мадонской наступательных операциях в июле — августе 1944 г. Фронтовые мемуары А. Т. Стученко «Завидная наша судьба» были изданы в 1964 г., а спустя четыре года, в 1968 г., вышло их второе дополненное издание. В своей публикации Андрей Трофимович часто вспоминает молодого товарища, его образ является одним из самых ярких в книге. Родные Владимира Михайловича были знакомы с первым изданием мемуаров генерала, и, как он сам пишет в финале второго издания, автор даже получил от них письмо: «Нам, старикам, очень тяжело берeditь наши сердца, нашу никогда не заживающую боль по нашему единственному любимому сыну, которого отняла у нас ужасная война, но мы все-таки просим рассказать, как погиб наш сын, ведь вы были с ним...» [8, с. 266].

«Фронтовые записки сержанта» Рафаэля Семеновича Гражданинова (1924—1998 гг.), радиста 29-й гвардейской стрелковой Ельненской Краснознаменной дивизии, командиром которой в 1943—1944 гг. был В. М. Андронников, не так известны широкому кругу читателей. Впервые они были опубликованы на страницах Большемурашкинской газеты «Знамя» с 1988 по 1995 г. в виде небольших новелл, затем переизданы в 2015 г. небольшим тиражом, а их рукопись, содержащая гораздо больше сведений, в настоящее время только готовится к печати. Материалы воспоминаний Р. С. Гражданинова по-своему уникальны, они позволяют взглянуть на происходящие события с высоты не генерала и командующего, а простого солдата. К тому же не так-то много сохранилось мемуаров участников войны из младшего офицерского состава [6, с. 55—60]. Р. С. Гражданинов пишет об В. М. Андронникове в трех новеллах, ему, как и А. Т. Стученко, в небольших и кратких эпизодах военной жизни удается очень ярко изобразить характер и личность молодого командира.

Владимир Михайлович Андронников родился в 1920 г. в одном из самых древних поселений на территории современной Костромской области — селе Унжа, расположенном в Макарьевском районе в 18 км к северо-востоку от районного центра. На 2014 г. население села составляло всего лишь 362 человека [7]. Из родственников Владимира Михайловича по военным документам известен лишь его отец — Михаил Сергеевич Андронников, проживавший в том же селе [9, ф. 33, оп. 11458, д. 903]. К сожалению, документы Центрального архива Министерства обороны не дают возможности узнать что-либо о довоенной жизни Владимира Михайловича, однако в своих мемуарах А. Т. Стученко пишет, что после войны тот хотел учиться в Академии имени М. В. Фрунзе и «высказывал эти мечты в короткие передышки между боями» [8, с. 258].

В 1939 г. В. М. Андронников был призван на военную службу Макарьевским РВК и уже в первые дни войны оказался на фронте. По наградным

листам его боевых наград известно, что воевал он сначала на Западном, а затем на Прибалтийском фронтах, 17 августа 1941 г. Владимир Михайлович был первый раз легко ранен в г. Ельня, а 4 января 1942 г. получил второе, уже тяжелое ранение под г. Юхнов. В 1942 г. В. М. Андронников был впервые награжден медалью «За отвагу» (приказ Западного фронта от 04.03.1942 г.), хотя наградной лист этой медали автору найти не удалось. О существовании медали свидетельствуют данные полученного им в том же году Ордена Красного Знамени (приказ № 0887 от 11 августа 1942 г.). Из наградного листа становится известно, что В. М. Андронников служил старшим политруком, был членом ВКП(б) с 1941 г. О совершенном подвиге мы узнаем следующее:

В. М. Андронников

«30 марта 1942 года в 18-00 после больших упорных боев была штурмом взята крупная тактическая высота — деревня “Красная Горка”. Противник после сдачи высоты перешел в контратаку. <...> И только героизм, мужество бойцов, командиров 21-го гвардейского стрелкового полка и личный пример комиссара полка т. Андронникова остановили превосходящие силы противника, атака была отбита с большими для противника потерями» [9, ф. 33, оп. 682524, д. 343].

Следующую свою награду — Орден Суворова III степени — Владимир Михайлович получил уже в 1944 г. в звании гвардии майора, являясь командиром 90-го гвардейского стрелкового полка 29-й гвардейской стрелковой дивизии. Наградной лист сообщает: «В боях северо-западнее Ново-Сокольники Калининской области противник на рубеже: Мухино, Пятовщина,

имея прочную оборону, насыщенную огненными средствами, упорно сопротивлялся. <...> Своими дерзкими и умелыми действиями тов. Андронников способствовал выполнению поставленной задачи дивизии и продвижению вперед всей армии» [9, ф. 33, оп. 686044, д. 3243]. В наградном листе также упоминаются захваченные орудия противника и 40 человек освобожденного гражданского населения, хотя и присутствует довольно странная ошибка: в месте призыва указан Улан-Удский РВК Бурято-Монгольской АССР, в то время как все остальные данные полностью совпадают. Наградной лист этого ордена подписан рукой гвардии генерала-майора А. Т. Стученко. О тяжелых боях за железную дорогу между Маево — Новосокольниками весьма подробно пишет Р. С. Гражданинов в новелле «Псковские страдания», в частности, подтверждая личный подвиг командира полка: «Чтобы быстрее догнать отходящего противника, комполка сам возглавляет танковый десант, заняв место в головной машине» [3, с. 54]. О боевых действиях в данном районе также пишет командовавший 10-й гвардейской армией генерал М. И. Казаков в книге «Над картой былых сражений»: «7 февраля 29-я гвардейская стрелковая дивизия под командованием энергичного генерал-майора А. Т. Стученко, развивая успех первого эшелона 15-го корпуса, совершила рывок навстречу правому соседу — 22-й армии и соединилась с ее передовыми частями, овладев совхозом Минькино. <...> Главные силы нашей армии вышли севернее

дороги Новосokolьники — Маево, выполнив таким образом свою ближайшую задачу» [5, с. 217—226]. К сожалению, М. И. Казаков, вероятнее всего, не был лично знаком с В. М. Андронниковым, на страницах его фронтовых воспоминаний мы не найдем ни одного упоминания его имени. Как командир 90-го гвардейского стрелкового полка 29-й гвардейской стрелковой Ельненской Краснознаменной дивизии, гвардии подполковник В. М. Андронников в августе 1944 г. получает Орден Красного Знамени, наградной лист которого сообщает о боевых действиях июля 1944 г. в районе г. Опочка: «Несмотря на пересеченную болотистую местность и оснащенную оборону противника огневыми средствами, проволочным заграждением в три кола, разветвленную систему траншей с заминированными к ним подступами, полк благодаря умелому руководству тов. Андронникова, маневрированным действием, отражая контратаки противника, ворвался в укрепленную полосу противника и овладел указанными опорными пунктами... <...> В период боя тов. Андронников выходил на более ответственные участки и лично руководил атакой и отражением контратак» [9, ф. 33, оп. 690155, д. 6207].

Если сведения наградных листов боевых наград позволяют нам оценить храбрость и мужество молодого командира, то отдельные страницы «Фронтовых записок сержанта» Р. С. Гражданинова демонстрируют и другие черты его характера. Новелла «Эх, дороги» описывает В. М. Андронникова как честного и справедливого командира. Комполка расследует ЧП, случившееся в 3-ем батальоне, и наказывает виновного комбата, командиров рот и старшин, обменявших жиры и колбасу на самогон у местного населения: «Когда солдаты обнаружили, что жиров в котле нет, они отказались получать пищу. Пьяный комбат начал на них орать, грозить оружием. Страсти накалялись.

Наш майор, комполка Андронников, не говоря ни слова, вырвал у повара черпак, помешал в котле и вперился глазами в повара:

— Где жиры?

От повара несет как от винной бочки, он — участник попойки:

— Там, — показывает в котел, — закладывали.

— Закладывали, говоришь?! Только не туда! — и трах его черпаком по голове, аж черпак обломился. — Старшину сюда! Потом — комбата, — и все повторяется. Вызывает конвой, срывает с них погоны, ремни. Командует:

— В особый отдел. Шагом марш! Там вы быстро протрезвеете. Не 41-й год, а то расстрелял бы на месте!» [4].

Однако сержант радист Р. С. Гражданинов пишет и о некотором недостатке боевого и жизненного опыта, связанного с молодым возрастом командира. Так, командир полка наказывает командира саперного взвода за то, что его подчиненный выбился из боевого порядка во время перехода: «Командир полка майор Андронников обычно объезжал колонну верхом на лошади, наблюдая за порядком движения. Вдруг видит: в танковой колонне спокойно шествует солдат и никак не реагирует на ругань механика-водителя сзади идущей “тридцатьчетверки”. Он наклонился и выхватил его за шиворот оттуда» [3, с. 49—50]. Третье ловит В. М. Андронников невезучего сапера, а его командир — лейтенант получает целый месяц ареста. Некоторую несправедливость по отношению к себе от командира, привыкшего все делать только по уставу, смог ощутить и сам Р. С. Гражданинов. В новелле «День на фронте» (это первая из опубликованных частей «Фронтовых записок сержанта») рассказывается, что после того как автору чудом удается выжить после бомбардировки, спрятавшись в печной трубе, он направляется на доклад к командиру:

«В неприглядном виде появился в блиндаж командира полка. Только приложил руку к пилотке, не успел еще и рта раскрыть, слышу:

— Кругом марш!

Вылетел из блиндажа как пробка. Думаю, что бы это могло значить? Хватаюсь за пилотку — она полна земли. Вытряхнул пилотку, огладил себя по бокам, снова заявляюсь в блиндаж. Снова:

— Кругом марш!

Вышел. Что может быть еще не так? Пряжка ремня с магазинами съехала набок. Поправил. Но, чувствую — не все. И бессилие охватило меня какое-то, хуже, чем при бомбежке. В чем виноват?

Сапер идет по траншее. «Скажи, браток, что у меня не так: командир полка выгоняет». А он мне: «Майор Андронников? Молод он еще. Только из академии. Все по уставу требует. Наш саперный взвод вон заставил на свой блиндаж седьмой накат из бревен настилать».

Показал мне: «Воротник у тебя дыбом, земли порядочно в нем, а главное — рожа, как у трубочиста, в саже». Еще раз почистился я — и снова на доклад.

— Пять суток ареста! — объявил мне майор за явку не по форме» [2].

Последней наградой молодого командира становится Орден Отечественной войны I степени, который тот получает посмертно: «В боях с 22.9.44 на Рижском направлении полк под командованием тов. Андронникова беспощадно громил врага. Несмотря на сильное сопротивление и контратаки противника, тов. Андронников, умело руководя боем, успешно продвигался вперед, уничтожая живую силу и технику врага. В трудные минуты боя своим личным примером воодушевлял подчиненных на боевые подвиги. В бою 28.9.44 в районе дер. Лаускас Мадлиенского уезда Латвийской ССР был тяжело ранен и 29.9.44 скончался» [9, ф. 33, оп. 690155, д. 6822]. О трагической гибели своего молодого товарища (В. М. Андронникову не было и двадцати четырех лет) с особой горечью пишет А. Т. Стученко, называя того общим любимцем: «И вот Володи не стало. Не дожил он до светлых дней, о которых так мечтал. Пуля фашистского снайпера оборвала жизнь отважного командира с серыми восторженными глазами на совсем юном, покрытом мелкими оспинками лице. О его ранении мне как соседу стало быстро известно. Через два часа я разыскал его в медсанбате. Умер Володя у меня на руках... Хоронили его на другой день в Мадоне на площади, против здания райкома и райисполкома, над которым только что взвилось алое знамя...» [8, с. 229—230].

Владимир Михайлович Андронников был похоронен в Городском парке на Парковой горе на улице Пумпуру в городе Мадона Мадонского района Латвии, что в наше время кажется безмерно далеким от его родного села в Костромской области: после событий 1991 г. это уже территория другого независимого государства. По свидетельству одного из пользователей форума Ярославского историко-родословного общества, оставленного в начале марта 2011 г., «...в начале 2000 г. кладбище было в плохом состоянии, многие плиты с именами отсутствовали, в том числе и плита с ФИО В. М. Андронникова» [1]. Сложно представить, в каком состоянии это захоронение находится в настоящее время. Поэтому, дабы отдать дань бессмертному подвигу В. М. Андронникова и многих его товарищей, представляется совершенно необходимым, чтобы этот и подобные материалы, а также мемуары его сослуживцев, выходили в свет и переиздавались снова и снова.

Библиографический список

1. Андронниковы, Андрониковы (духовенство; с. Унжа, Макарьевский у.). URL: <http://forum.yar-genealogy.ru/index.php?showtopic=4195> (дата обращения: 12.07.2017).
2. *Гражданинов Р. С.* День на фронте // Знамя : орган Большемурашкинского райкома КПСС и районного Совета народных депутатов Горьковской области. 1988. 23 февр. С. 3–4.
3. *Гражданинов Р. С.* Фронтовые записки сержанта : 70-летию Победы в Великой Отечественной войне посвящается / сост. Д. В. Кирюхин. Н. Новгород, 2015. 105 с.
4. *Гражданинов Р. С.* Эх, дороги! // Знамя : орган Большемурашкинского райкома КПСС и районного Совета народных депутатов Горьковской области. 1990. 19 апр. С. 3.
5. *Казakov М. И.* Над картой былых сражений. М. : Воениздат, 1971. 288 с.
6. *Кирюхин Д. В.* Ратный подвиг Р. С. Гражданинова и его «Фронтовые записки сержанта» // Вестник Нижегородской государственной сельскохозяйственной академии. 2016. № 2 (10). Н. Новгород : Нижегородская ГСХА, 2016. С. 55–60.
7. Об утверждении Реестра населенных пунктов Костромской области : постановление администрации Костромской области от 8 апреля 2014 г. № 133-а. URL: <http://docs.cntd.ru/document/412301869> (дата обращения: 12.07.2017).
8. *Стученко А. Т.* Завидная наша судьба. 2-е изд., испр. и доп. М. : Воениздат, 1968. 266 с.
9. Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО).

ББК 63.3(2Рос-4Ива)632-210.6

М. Н. Масленникова, С. В. Точенов

ЦЕЛИННАЯ КАМПАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ (Середина 1950-х — начало 1960-х гг. XX в.)

Представлена попытка переосмысления событий, связанных с осуществлением хрущевских преобразований в области сельского хозяйства. На базе документальных материалов Государственного архива Ивановской области анализируются процессы освоения целинных и залежных земель на территории нашего края. Рассматривается проблема реализации решений сентябрьского (1953) Пленума ЦК КПСС в области сельского хозяйства на территории одной из областей Центрального района Российской Федерации.

Ключевые слова: хрущевские реформы, сентябрьский (1953) Пленум, целинная кампания.

This article presents an attempt of reassessment of the events, concerning the realization of Khrushchev's agricultural transformations. The processes of «the development of virgin and fallow lands» are analyzed on the basis of the documentary materials of Ivanovo region State Archive. The problem of implementing the decisions of September (1953) Plenum of the Central Committee of the CPSU in the sphere of agriculture on the territory of one of the regions in the center of Russian Federation is discussed.

Key words: Khrushchev's reforms, September (1953) Plenum, virgin land campaign.

Долгие годы, говоря о хрущевских преобразованиях в области сельского хозяйства, принято было считать, что целинная кампания (или «эпопея», как ее еще называли) осуществлялась в 1950—60-е на землях Казахстана, Западной Сибири, а также частично в районах Поволжья и Северного Кавказа. Практически никогда не упоминались Нечерноземье, Центральный район. Но, как оказалось, планы по «подъему целинных и залежных земель» распространялись и на эти регионы. Не была исключением и территория Ивановской области.

К началу 1950-х гг. экономика страны все еще не оправилась после тяжелой войны, наиболее трудным оставалось положение в сельском хозяйстве. Особые проблемы испытывала зерновая отрасль: среднегодовой сбор зерна 1949—1953 гг. уступал даже периоду 1910—1914 [6, с. 93]. Настоящее положение дел в отрасли при И. В. Сталине замалчивалось.

Усилия с целью улучшить положение в сельском хозяйстве, предпринятые летом 1953 г. новым руководством страны в лице Председателя Совета Министров Г. М. Маленкова, в целом были полумерами.

Поворотным моментом в истории советской деревни стал сентябрьский (1953) Пленум ЦК КПСС. С основным докладом выступил Н. С. Хрущев, избранный на Пленуме Первым секретарем ЦК КПСС. Проанализировав положение дел в сельском хозяйстве, он сделал вывод, что зерновая проблема не решена. Повторяя некоторые положения, представленные Маленковым на августовской сессии Верховного Совета, он предлагал более масштабную программу реформирования сельского хозяйства.

В качестве первоочередных мер предусматривалось повышение заготовительных цен на сельхозпродукты, списание долгов колхозов, снижение стоимости услуг машинно-тракторных станций (МТС), улучшение материально-технического снабжения сельского хозяйства [4, с. 305].

Решения сентябрьского Пленума оказали большое влияние на оздоровление сельского хозяйства. Однако этого казалось Хрущеву недостаточно. Ему требовалось такое начинание, которое позволило бы за короткий срок резко поднять сельскохозяйственное производство, переключить внимание деревенского населения с личного на общественное хозяйство, избавиться себя от внутрипартийной критики. Причем последняя задача выполнялась легко, если это очередное новшество будет целиком связываться в народном сознании с именем самого Хрущева.

И такое «средство» было найдено. В декабре 1953 г. министр сельского хозяйства СССР И. А. Бенедиктов направил в Центральный Комитет докладную записку, в которой предлагал увеличить производство зерна в стране за счет распашки перелогов, залежей, целинных земель, а также малопродуктивных лугов и пастбищ. Через полтора месяца Хрущев уже за своей подписью направил в Президиум ЦК записку, которая повторяла основные положения документа, подготовленного Бенедиктовым, при этом внес свои коррективы в связи с оценкой ситуации в зерновой отрасли, данной им на сентябрьском Пленуме. Хрущевская записка начиналась с того, что в ней дезавуировалось заявление Маленкова, сделанное на XIX съезде, об «окончательном решении» зерновой проблемы в СССР [5, с. 187—188]. Это, по мнению Хрущева, должно было дать дополнительный аргумент в пользу первоочередного освоения целины, которое признавалось «реальным источником увеличения производства зерна» в стране.

Еще раньше, 9 сентября 1953 г., на встрече с делегацией компартии Казахстана он говорил, что было бы хорошо задействовать просторы республики на благо страны в деле обеспечения населения хлебом [6, с. 410]. Таким образом, предложение министра сельского хозяйства легло на подготовленную почву. Так или иначе, в конце 1953 — начале 1954 г. победила концепция экстенсивного развития сельского хозяйства за счет освоения новых земель, а не планомерного развития уже введенных в севооборот площадей.

После этого февральско-мартовский (1954) Пленум закрепил концепцию экстенсивного развития сельского хозяйства, приняв решение о «подъеме целинных и залежных земель в восточных районах страны». Значительная часть исследователей и до настоящего времени придерживается той точки зрения, что новая политика опрокинула планы, принятые XIX съездом партии и сентябрьским (1953) Пленумом ЦК КПСС. Тогда главной задачей зернового хозяйства признавалась его интенсификация на имеющихся площадях.

Как же партия предлагала решить зерновую проблему? Формулировка была следующей: «...резко увеличить производство зерна, продукции фуражных, крупяных и зернобобовых культур» [4, с. 365]. Хрущев в своем докладе предлагал ввести в севооборот в ближайшие годы земли, находящиеся на территории Казахстана, Западной Сибири, а также частично в районах Поволжья и Северного Кавказа, объемом до 13 млн га. Наряду с освоением целины в вышеуказанных районах Пленум требовал «...значительного расширения посевных площадей в других районах страны, и особенно в районах нечерноземной полосы, за счет распахки неиспользуемых земель, малопродуктивных лугов и пастбищ, расчистки кустарников, лесных зарослей и осушения болот» [4, с. 369].

Кроме того, был сделан акцент на том, что нельзя забывать проводить мероприятия по «...всемерному увеличению урожайности во всех районах страны». Хрущев понимал, что его искренне считают сторонником экстенсивного пути развития сельского хозяйства и, чтобы снять с себя этот ярлык, в итоговое постановление Пленума и в последующие документы, связанные с разворачивающейся целинной кампанией, включил это последнее дополнение.

Руководящая роль в решении важнейших вопросов возлагалась на местные партийные органы. Программу подъема сельского хозяйства одобрил Пленум Ивановского областного комитета КПСС, который состоялся 7 октября 1953 г. По сложившейся традиции он поддержал решения сентябрьского Пленума и отметил, что все вскрытые недостатки и ошибки «...целиком и полностью относятся к Ивановской области» [1, ф. П. 327, оп. 9, д. 606, л. 4]. Указывалось на проблемы, связанные с низкой урожайностью основных зерновых культур, льноводства, овощеводства и животноводства. Кроме этого, говорилось о низкой трудовой дисциплине и плохой организации труда. Следуя постановлениям Пленума ЦК, Ивановский обком принял решения о повышении урожайности, вводе «правильных» севооборотов, совершенствовании обработки почвы, использовании семян высокоурожайных сортов. Таким образом, наша область вместе со всей страной должна была развивать сельское хозяйство путем его интенсификации.

Но, как уже было сказано выше, вскоре ситуация кардинально изменилась. Пленум, закрепивший «новую позицию» Первого секретаря ЦК КПСС, прошел в феврале — марте 1954 г. На нем было принято решение о расширении посевных площадей за счет освоения залежных земель в Нечерноземной полосе [4, с. 369]. На наш взгляд, этим Хрущев как бы «привязывал»

Нечерноземье к целинной эпопее непосредственно, а не только в порядке привлечения кадров путем отправки на «большую целину» добровольцев и специалистов сельского хозяйства.

Ивановская область в «целинной эпопее» не только сыграла роль источника кадров, но и приняла в ней непосредственное участие. Уже 6 апреля состоялся очередной Пленум обкома КПСС. И на этот раз решения центра были одобрены и «примерены» на себя. Кроме того, был сделан исчерпывающий вывод о том, что «...сельское хозяйство области находится в запущенном состоянии» [1, ф. П. 327, оп. 9, д. 883, л. 4]. Такой несложный вывод можно и нужно было сделать еще осенью 1953 г. В качестве самокритики было сказано, что «...ни обком, ни местные органы не сделали необходимых выводов из решений сентябрьского Пленума» [1, ф. П. 327, оп. 9, д. 883, л. 5].

На областном Пленуме было отмечено, что всего целинных и залежных земель — около 85 тыс. га [1, ф. П. 327, оп. 9, д. 883, л. 5], т. е. 14,5 % от общего количества имеющихся посевных площадей (586 660 га) [1, ф. П. 327, оп. 9, д. 606, л. 23]. Это были так называемые «бросовые» земли, залежи, перелogi, кустарники, малопродуктивные пастбища и сенокосы, в основном небольшие по размеру и располагавшиеся в неудобных для подъезда техники местах.

Первоначально предполагалось ввести в оборот землепользования не менее 10 тыс. га, а затем, в ближайшие 2—3 года (к 1958), — весь объем земель. Но на Пленуме план по освоению целинных и залежных земель на 1954 г. был увеличен до 18 200 га и составил 21,4 % от общей площади земель этого типа [1, ф. П. 327, оп. 9, д. 883, л. 71].

Интересно, что инициатива о введении в севооборот целинных земель в объеме 19 690 га озвучивалась еще на заседании пленума Ивановского обкома партии 9—10 апреля 1951 г. [1, ф. П. 327, оп. 9, д. 16, л. 30]. Это была именно инициатива, так как на высшем уровне этот вопрос тогда не поднимался [4, с. 201] и никаких директивных документов из Москвы ни в обком, ни в областное Управление сельского хозяйства не поступало. Больше эта тема нигде не обсуждалась вплоть до 1954 г.

Осваивая целинные и залежные земли в Ивановской области в 1954 г., предполагалось провести следующие мероприятия: распашку перелогов (земельных участков, оставленных без обработки от 8 до 15 лет), малопродуктивных пастбищ, лугов, сенокосов; расчистку от мелколесья; раскорчевку из-под леса; осушительные работы на заболоченных территориях.

Следует отметить, что Ивановская область никогда не находилась в лидерах по производству сельскохозяйственной продукции в стране, поскольку располагалась в Нечерноземной полосе, в районе так называемого рискованного земледелия. На этой территории малоплодородные почвы сочетаются с неблагоприятным климатом для выращивания целого ряда культур. Эти факторы непосредственно влияли на то, что в регионе длительное время получали низкие урожаи основных сельскохозяйственных культур. Так, при средней урожайности зерновых по стране около восьми центнеров с гектара [6, с. 93] в области получали не более девяти [3, с. 152]. Кстати, по агрономическим меркам такая урожайность входила в разряд низкой (средней считалась урожайность свыше 15 центнеров с гектара). С одной стороны, показатель неплохой по сравнению с общесоюзным, но с другой — необходимо помнить, что эти цифры были получены в результате суммирования данных как успешных, так и убыточных хозяйств области и страны.

Например, в нашей области в это время в лидерах было не более пяти колхозов, в основном хозяйств Гаврилово-Посадского района, где почвы наиболее плодородны. В отдельные годы они получали урожаи до 20,9 центнеров с гектара [2, с. 90]. И всегда именно с этим районом связывали успехи области в сельском хозяйстве, т. е. из 23 районов выделялся всего один. Можно сказать, что область не имела значительных перспектив в развитии сельского хозяйства.

Руководство региона регулярно отмечало недостатки в работе данной отрасли экономики и давало указания к действиям, призванным «подтянуть» сельское хозяйство до приемлемого уровня. Применялись разные способы для достижения цели. Первоочередной среди них считалось повышение урожайности основных культур, но не в последнюю очередь использовалась и распашка залежей, что вело к увеличению площади под пашней. Причем опыт освоения новых земель с целью расширения пахотной площади в Ивановской области применялся (хотя и достаточно вяло), как уже было указано, и до 1954 г. Вероятно, использование этого способа для увеличения валового сбора зерна становилось необходимостью из-за малоплодородности почв.

Областным управлением сельского хозяйства составлялись планы по освоению новых земель в колхозах. Так, на апрельском (1954) Пленуме обкома сообщалось, что прежние планы по освоению новых земель составляли не более 6 тыс. га в год [1, ф. П. 327, оп. 9, д. 883, л. 22]. Вероятно, эти вновь осваиваемые земли раньше были перелогами, т. е. не использовались несколько лет. Таким образом, при стабильно низкой урожайности основных сельскохозяйственных культур в области за счет увеличения объема пахотных земель можно было получить дополнительную сельскохозяйственную продукцию и выполнить план по государственным закупкам.

Начиная с апреля 1954 г. в областной газете «Рабочий край» стали появляться статьи и заметки о начале работ по освоению целинных земель в регионе. Документы Государственного архива Ивановской области свидетельствуют, что работы непосредственно в рамках целинной кампании начались 22 июня 1954 г. после выхода постановления Министерства сельского хозяйства РСФСР. В нем было сказано: «В связи с необходимостью дальнейшего расширения посевов зерновых культур в 1955—1956 гг., по данным земельных балансов, в области возможно освоить целинных и залежных земель площадью не менее 30 тыс. га» [1, ф. Р. 1140, оп. 5, д. 366, л. 57]. Напомним, что весной на Пленуме обкома говорили о наличии в регионе 85 тыс. га залежных земель [1, ф. П. 327, оп. 9, д. 883, л. 5]. На наш взгляд, такая разница обусловлена тем, что в Министерстве акцентировали внимание на относительной дешевизне затрат по освоению, т. е. в эти 30 тыс. га входили наименее трудоемкие участки земли, не требующие серьезных вложений на их освоение.

Несмотря на существование реального плана по освоению залежных земель, представленного министерством, в области предполагалось провести работы по обследованию земельных угодий и составлению подробного отчета об их состоянии. А именно — определить конкретные районы и даже участки, их размеры, качественные характеристики и, наконец, целесообразность освоения. Изыскание этих земель предполагалось проводить с июля по сентябрь 1954 г., после чего итоговый отчет необходимо было отправить в Министерство сельского хозяйства РСФСР. Основной объем работы по выявлению залежных земель ложился на плечи ивановских землеустроителей и работников МТС. Прежде чем подводить итоги по области, предстояло

написать отчеты по отдельным колхозам, совхозам и районам. Непосредственное использование этих площадей предполагалось начать уже в 1954 г.

Итоговый отчет о проведенном обследовании земельного фонда Ивановской области сообщал, что в регионе имеется 7,2 тыс. га земель, уже пригодных к распашке без предварительных мелиоративных работ, 12,7 тыс. га можно получить после расчистки и раскорчевки от кустарника и мелколесья, 21,2 тыс. га — проведя раскорчевку леса. Кроме вышеуказанных работ в области предполагалось организовать уборку камней, срезку кочек и осушение небольших участков в поймах рек. Все это могло дать еще 14,4 тыс. га земли для введения ее в севооборот. Всего же, по данным отчета, в Ивановской области было выявлено 55,5 тыс. га целинных и залежных земель [1, ф. Р. 1140, оп. 5, д. 366, л. 17—22].

В основной массе районы области имели в своих угодьях от одной до трех тыс. га таких земель, и только в четырех (Юрьевецкий, Вичугский, Сокольский и Лухский) районах эта цифра была чуть больше — от 3,5 до 5,5 тыс. га [1, ф. Р. 1140, оп. 5, д. 366, л. 26]. Чем объясняется такое распределение? На территории Вичугского и Лухского районов находится пойма реки Лух, значительную часть которой (около 28 тыс. га) после мелиоративных работ предполагалось освоить в последующие годы [1, ф. П. 327, оп. 9, д. 883, л. 23]. Юрьевецкий и Сокольский районы, находящиеся в так называемой «зоне затопления», образовавшейся в результате строительства Горьковской ГЭС, должны были осваивать новые земли в счет компенсации утраченных.

Кроме итогового отчета о распределении целинных и залежных земель в области, подробную информацию, касающуюся каждого района, содержали «объяснительные записки» землеустроителей. В нашем распоряжении были записки по Гаврилово-Посадскому и Середскому (Фурмановскому) районам [1, ф. Р. 1140, оп. 5, д. 574], подобные материалы по другим районам отсутствуют. Естественно, сведения об обследовании земель в двух районах не позволяют сделать объективные выводы по всему земельному фонду области.

Решить эту проблему помогли «Отчеты МТС о проведенном обследовании угодий» [1, ф. Р. 1140, оп. 5, д. 371—394]. Кроме уже известной информации, содержащейся в итоговом отчете, они дали качественную характеристику выявленным землям. Имеющиеся 7,2 тыс. га целины и залежей, уже готовых к эксплуатации, представляли собой мелкие участки, не превышающие площади в 5 га. Причем многие из них были расположены вне севооборотов или вклинивались в поля хозяйств. На таких участках было крайне неудобно и накладно использовать сельскохозяйственную технику. Наиболее часто встречающиеся размеры полей в колхозах — это 100 и более га. А осваиваемые площади становились отрогками, если они вдавались в поля, или дальними и изолированными угодьями. На их обработку тратилось больше времени и горючего для сельскохозяйственных машин. Поэтому эти 7,2 тыс. га не стали определяющими в процессе освоения целины в Ивановской области.

Подобный потенциал представляли перелог (9,5 тыс. га), малопродуктивные сенокосы (10,9 тыс. га) и пастбища (7,3 тыс. га). Материалы отчетов МТС позволяют определить, что участки земли, занятые под вышеуказанными видами угодий, также не превышают площади в 5 га. Таким образом, земельный фонд Ивановской области в целом располагал относительно большим объемом целинных и залежных земель — 55,5 тыс. га, но эти угодья не представляли большой ценности по причине незначительной площади каждого участка. Затраты на обработку этой земли, как уже говорилось выше,

являлись более масштабными, чем предполагалось ранее, а соотношение затрачиваемых средств и получаемой в будущем продукции приводило к выводу о нерентабельности всей программы. И как выяснилось позже, именно это обстоятельство определило весь дальнейший ход целинной кампании на территории Ивановской области.

Поскольку основное бремя производства сельскохозяйственной продукции, а в частности зерна, несли колхозы, то и расширением пахотных площадей занимались они же. Правда, не без помощи организаций, отвечающих за их техническое обслуживание. Такими структурными подразделениями были машинно-тракторные станции, имевшие в своем арсенале сельскохозяйственную технику, обеспечивающую определенные виды полевых работ. Всего в области действовало 35 МТС. Однако выполнить задачи, поставленные на апрельском областном Пленуме 1954 г., одни МТС не могли. На тот момент общий парк МТС располагал 3,857 тракторами, которые обслуживали 582 хозяйства области (567 колхозов и 15 совхозов) [1, ф. П. 327, оп. 9, д. 606, л. 23].

Остальная часть земель, пригодных для освоения, представляла собой территории, заросшие кустарником и лесом, вырубки и гари, собственно лесную зону и в целом составляла 30,1 тыс. га. Чтобы освоить эти земли, в помощь МТС предполагалось направить специальную технику из лугомелиоративных станций (ЛМС) области: экскаваторы, тракторы (С-80; Д-54), канавокопатели, кусторезы. Но и этой техники было явно недостаточно. На тот момент в наличии было пять экскаваторов (сосредоточены в двух районах) и один кусторез, находящийся в разукомплектованном состоянии. Плюс канавокопатели, не используемые по назначению, поскольку к ним не было тракторов. И тяжелые трактора С-80, «которых не хватит, чтобы выполнить весь объем работ» [1, ф. П. 327, оп. 9, д. 883, л. 72]. В МТС в 1954 г. поступило всего 115 сельскохозяйственных машин, однако не поступило ни одной единицы лугомелиоративной техники. Вместо этого на порядок больше стало автобензозаправщиков, автожижеразбрасывателей, легковых автомобилей и самосвалов. Проводить в срок работы по освоению земель, занятых кустарниками и лесом, стало проблематично. Понятно, что даже совместных усилий МТС и ЛМС не хватало, чтобы выполнить поставленные задачи.

Составной частью целинной кампании в Ивановской области являлось освоение земель в колхозах, которые затронула зона затопления водохранилища Горьковской ГЭС. Это относилось к трем районам области — Юрьевецкому, Сокольскому и Пучежскому. В зоне затопления восемь МТС должны были освоить (распахать и раскорчевать) за пару лет целинных земель в объеме 17 тыс. га [1, ф. П. 327, оп. 9, д. 883, л. 72]. Подводя промежуточные итоги в июле 1954 г., Исполком областного Совета отметил, что планы по освоению целины в зоне затопления находятся под угрозой срыва, выполнение не превышает по раскорчевке и осушению 17 %, а по вспашке — 2 % [1, ф. Р. 1140, оп. 5, д. 325, л. 83]. Основной причиной отставания от плана являлось плохое обеспечение ЛМС и МТС, обслуживающих эти районы, техникой.

Еще одной причиной было расширение зоны затопления водохранилища, лишившее область более семи тысяч гектар плодородной пахотной земли [1, ф. Р. 1140, оп. 5, д. 580, л. 65]. Поэтому, составляя очередной план по введению в севооборот новых земель, соответствующим органам пришлось учитывать территории тех районов, которые больше всего пострадали от затопления. В 1956 г. в Юрьевецком районе в счет компенсации освоили 401 га

земли, в Сокольском — 297 га и в Пучежском — 380 га [1, ф. Р. 1140, оп. 5, д. 784, л. 22]. Итого — 1078 га, т. е. в семь раз меньше потерянного.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют утверждать, что в 1954 г. по освоению целинных и залежных земель в Ивановской области был выполнен следующий объем работ: подъем целины — 3 749 га, раскорчевка — 3 624 га, осушение лугопастбищных угодий — 4 093 га, то есть всего было освоено 11 468 га [1, ф. Р. 1140, оп. 5, д. 580, л. 25], что составило 64 % от намеченного плана. При этом площадь пахотных земель в области за счет целины в этом году увеличилась только на 580 га, т. е. в объеме 3,2 % от запланированного [1, ф. Р. 1140, оп. 5, д. 784, л. 22]. К сожалению, выяснить причину такого серьезного несоответствия по документам областного архива не представляется возможным.

Дальнейшие работы по освоению целинных и залежных земель в Ивановской области проводились довольно неспешно, примерно теми же темпами, что и в 1954 г. Областное управление сельского хозяйства, составляя план на 1955 г., учитывало особенности технической оснащенности и климатических условий региона и поэтому предписало провести работы по подъему целины в объеме 5 тыс. га [1, ф. Р. 1140, оп. 5, д. 580, л. 25]. В итоге за год было освоено 4 093 га (82 %) новых земель, и только 15 % (618 га) из них вошли в общий фонд пахотных земель области.

Объем пахотной земли увеличился за 1956 г. всего на 408 га. Здесь мы видим четкую тенденцию по сокращению объемов вводимых в севооборот земель. Это подтверждается данными земельных балансов, свидетельствующими о сокращении площади под пашней и, в свою очередь, об увеличении перелогов и залежей. Так, если в 1954 г. площадь пашни и паров (поле севооборота, не занимаемое посевами в течение всего вегетационного периода, содержащееся в чистом от сорняков состоянии) составляла 641 631 га [1, ф. Р. 1140, оп. 5, д. 367, л. 1], постепенно сокращаясь от 2 до 10 и более тысяч гектаров в год, то в 1959 г. она уменьшилась до 589 876 га [1, ф. Р. 1140, оп. 6, д. 85, л. 13]. Обратный процесс происходил с залежными землями: их площадь постоянно менялась, а с 1956 г. начала расти по 2 тыс. га в год [1, ф. Р. 1140, оп. 6, д. 58; л. 6, д. 66-а, л. 1].

Несмотря на видимые неудачи, в области продолжали работы по освоению новых земель (в документах с 1957 г. этот процесс называют именно так), но потребность в этом базировалась уже не на решениях Пленума 1954 г., а на сложившейся ситуации сокращения пашни по области в целом. В течение 1954—1960 гг. итоговые заключения по земельному балансу области сопровождали директивы Бюро областного комитета КПСС, сообщающие о недопущении забрасывания земель, соответственно образования перелогов. В своих постановлениях партийные органы требовали вовлекать в обработку все залежные земли [1, ф. Р. 1140, оп. 6, д. 85, л. 20], преследуя этим цель, намеченную в 1954 г., — повысить валовое производство зерновых экстенсивным способом.

Если обратиться к данным по урожайности зерновых культур, мы увидим, что и здесь все предпринимаемые усилия не привели к нужным результатам: урожайность с 9 центнеров с гектара в начале преобразований упала до 7 к 1960 г. [2, с. 91].

В начале 1960-х энтузиазм по освоению целинных и залежных земель сошел на нет как в целом по стране, так и в Ивановской области. И если в ряде регионов Казахстана, Сибири, Урала, Поволжья процесс освоения новых

земель дал положительные результаты в решении зерновой проблемы, то в Ивановской области только усугубил и без того тяжелую ситуацию в сфере развития сельского хозяйства. У нас экстенсивный путь развития номинально (на уровне постановлений) хоть и сочетался с интенсивным, но совершенно себя не оправдал. По указке сверху отвлекшись на программу освоения залежных земель, в области упустили шансы на развитие и возможность поднять имеющееся хозяйство на новый качественный уровень другими способами и методами.

Библиографический список

1. Государственный архив Ивановской области.
2. Ивановская область в семилетке. Иваново : Иван. обл. тип., 1959. 212 с.
3. Ивановская область за 50 лет. Иваново : Иван. обл. тип., 1967. 278 с.
4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1988) : в 16 т. / под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. 9-е изд., доп и испр. М. : Политиздат, 1985. Т. 8. 552 с.
5. Попов В. Г. Хлеб под большевиками // Новый мир. 1997. № 8. С. 34—43.
6. Хрущёв Н. С. Материалы к биографии / сост. Ю. Аксенов. М. : Политиздат, 1989. 372 с.

ББК 35.728.38-93+63.3(2Рос-4Яро)

В. А. Сельская

ИСТОЧНИКИ ФИНАНСИРОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ СССР В 1926—1935 гг. (На примере строительства Ярославского резино-асбестового комбината)

На примере объекта промышленной индустрии — Ярославского резино-асбестового комбината исследованы и подробно описаны финансовые источники его строительства и ввода в эксплуатацию: накопления, займы, торгсины.

Ключевые слова: финансирование, индустриализация, Ярославский резино-асбестовый комбинат, займы индустриализации, Торгсин, социалистические накопления.

On the example of Yaroslavl's rubber-asbestos industrial complex the author conducted a research and described in detail the financial sources of its construction and commissioning : savings, loans, Torgsin.

Key words: financing, industrialization, Yaroslavl rubber-asbestos industrial complex, the loans of industrialization, Torgsin, socialist accumulation.

Для строительства индустриальных объектов СССР требовались колоссальные финансовые средства, одним из главных источников которых явились денежные накопления за счет режима экономии. Руководством к действию

стали решения апрельского (1926 г.) Пленума ЦК ВКП(б) «О хозяйственном положении и хозяйственной политике» [7, с. 312—327], Обращение ЦК ВКП(б) «О борьбе за режим экономии» (1926 г.) [20, с. 530—533], постановление ЦИК и СНК СССР «О режиме экономии» (1926 г.) [4, с. 590—596], Обращение Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «Об успехах и недостатках кампании за режим экономии» (1926 г.) [там же, с. 590] и др.

В докладе И. В. Сталина о работе апрельского 1926 г. Пленума ЦК ВКП(б) «О хозяйственном положении Советского Союза и политике партии» [23, с. 116—148] было отмечено, что главным источником социалистических накоплений должен стать строжайший режим экономии: сокращение и удешевление государственного аппарата, борьба с расточительством и воровством, искоренение прогулов, увеличение производительности труда, укрепление трудовой дисциплины на предприятиях [там же, 132—135].

После этого Пленума в июле 1926 г. Пленум Ярославского губкома ВКП(б) [16, с. 84—85] отметил, что за счет сокращения непроизводительных расходов на предприятиях местной промышленности удалось получить экономию в 280 тыс. руб. [18, с. 268]. Особое внимание при этом уделялось улучшению организации труда, экономии сырья и удешевлению государственного аппарата. Борьба за режим экономии принимала разнообразные формы. Например, на ярославской фабрике «Красный Перекоп» рабочие отремонтировали и пустили в работу 400 ткацких станков, на фабрике «Красный Перевал» рабочие своими силами отремонтировали старые, снятые с производства чесальные машины и приспособили их для производства ваты из отходов [там же] и т. п.

Рост производительности труда на ярославских предприятиях в 1926/27 г. (хозяйственный год начинался тогда с октября) поднялся на 8,8 %, в 1927/28 г. — на 13,9 %, в 1928/29 г. — на 22,2 % [8, с. 24].

В целях сокращения и удешевления государственного и хозяйственного аппарата губернской контрольной комиссией и рабоче-крестьянской инспекцией в 1927 г. были ликвидированы 4 из 10 транспортно-эксплуатационные конторы, Ярославская и Рыбинская товарные биржи, часть складского хозяйства, на 20 % сокращен административно-управленческий аппарат. Это дало экономию в 5 млн руб. [17, с. 56].

За период с октября 1927 по март 1928 г. на 15 действующих промышленных предприятиях было проведено около 160 различных мероприятий, связанных с рационализацией производства, каждое из которых давало экономию от 60 руб. до 10—12 тыс. руб. в год [15, с. 34—35].

За период 1926—1928 гг. промышленные предприятия Ярославской губернии сэкономили почти 17 млн руб., часть из которых пошла на строительство Ярославского резино-асбестового комбината [9, с. 22].

Для обеспечения полного производственного цикла комбинат должен был состоять из нескольких производств, т. е. включать в себя заводы: механический, шинный, асбестовый, подошвенный, регенераторный, кордную фабрику, теплоэнергоснабжающую; поставщиков сырья для производства резины: заводы синтетического каучука и сажевый, а также завод резинотехнических изделий. Внедрение нового производства по новой технологии, длительный выбор места строительства, корректировка проекта и другие непредвиденные расходы не позволяли определить точные цифры финансовых расходов на строительство и пуск заводов комбината. Каждый год эти цифры корректировались с большим разбросом в сторону увеличения. В 1928 г. ориентировочная стоимость

строительства комбината грубо определялась в сумме 26 млн руб., с жил-строительством — 30 млн руб. [3, ф. 2301, оп. 1, д. 1, л. 30], при этом проект кордной фабрики был только представлен на утверждение в ВСНХ, а проекта шинного завода еще не было в связи с отсутствием финансовых расчетов. «В целях наиболее рационального использования затрачиваемых на постройку комбината крупных средств правление Треста поручило проектирование нового шинного завода не только советским, но и американским и западноевропейским специалистам на началах соревнования, а крупные расходы должны окупиться в процессе эксплуатации» — так было заявлено в докладе председателя правления Резинотреста Никифорова [там же, л. 31]. В 1929 г. при внесении в проект строительства ТЭЦ общие расходы ориентировочно составили 53 млн руб. [25]. В 1930 г., когда было окончательно определено и утверждено конкретное место строительства, включены стоимость американского проекта шинного завода и других изыскательских проектных работ, рассчитаны сопровождение проектирования иностранными специалистами, стоимость дорогого импортного оборудования, стоимость земельного участка и других хозяйственных объектов, по генеральному плану стоимость строительства корпусов составляла 110 млн 743 тыс. руб. [31, с. 68], а общая стоимость комбината — 170 млн руб. [1, ф. 1348, оп. 24, д. 9, л. 30—32]. В 1931 г. в связи с эмиссией денег и повышением инфляции резко возросла себестоимость строительства объектов [6, с. 313]. В то же время начались многочисленные зарубежные командировки по обмену опытом производства, приглашение иностранных специалистов, подготовка кадров для производства. В 1931 г. стоимость строительства комбината определялась в 289 млн руб. [5, с. 15]. В 1932 г. при планировании строительства жилья и социально-культурных объектов общие расходы ориентировочно исчислялись уже в 400 млн руб., из которых приходилось на промышленное строительство — 276 млн руб., жилищное — 100 млн руб., культурно-бытовое — 13 млн руб. и т. д. Из общей суммы непосредственно на строительные и специальные работы приходилось более 100 млн, на оборудование и монтаж — около 170 млн руб. [30, с. 5].

Очевидно, что все вышеприведенные затраты на строительство заводов комбината невозможно было покрыть самой строжайшей экономией. Предполагалось, что основным источником финансирования объектов индустриализации должны были стать экспортные доходы от продажи зерна, леса и нефти. Но в 1929 г. мировые цены на зерно резко упали в связи с экономическим кризисом на Западе. Увеличение объемов продаж зерна не решило проблему. Крестьяне не хотели отдавать хлеб по крайне низким ценам, они сами голодали. Были нужны другие источники финансирования.

Большинство промышленных предприятий индустриализации строились по американским проектам. Оборудование закупалось за границей. Ярославский резино-асбестовый комбинат также строился по проекту американской фирмы «Зайберлинг», оборудование приобреталось в США, Англии, Германии, Италии. Для этого требовались валютные средства, недостаток которых изменил финансовую стратегию. Теперь все покупалось в кредит. В начале 1930-х гг., когда были построены автозаводы в Горьком, Харькове и Ростове-на-Дону, кредиты стали получать в Германии. Они были более выгодны для СССР, чем кредиты частных американских фирм [13, с. 67].

До 1934 г. строительство Ярославского резино-асбестового комбината финансировалось по отдельным сметам Резинотреста и Главхимпрома. Частично финансовые расходы Резинотрест покрывал за счет долгосрочных

кредитов, предоставленных Германией еще в феврале 1926 г. «для нужд индустриализации и приобретения импортного оборудования» [21, ф. 17, оп. 3, д. 546, л. 5]. Предоставленные в кредит 180 млн руб. поступили не только в промышленность, но и в сельское хозяйство, на транспорт, в помощь республикам [2, ф. 5446, оп. 2, д. 305, л. 10—11], т. е. финансы нужны были везде, и их опять не хватало на строительство промышленных объектов. Страна брала следующий кредит, не успевая рассчитаться с предыдущим. Долг увеличивался: на 1 октября 1926 г. по балансу Наркомфина внешняя задолженность СССР составляла 420,3 млн руб. [13, с. 201—204]; на 1 октября 1927 г. — 663 млн руб.; на 1 апреля 1928 г. — 781,9 млн руб. [там же, с. 205—206]. Такие огромные долги платить было нечем.

Немаловажным источником поступления средств для финансирования объектов индустрии явились государственные займы. В 1927 г. был выпущен 6 %-й государственный заем индустриализации народного хозяйства СССР на сумму 200 млн руб. в виде облигаций по 5 и 25 рублей сроком на 10 лет [24, с. 28].

В сентябре 1927 г. на заседании Ярославской губернской комиссии по реализации государственного займа было предложено принять самые решительные меры к выполнению этой задачи [29, ф. 1, оп. 27, д. 2594, л. 431]. Для этого на каждом предприятии «по инициативе трудящихся» были созданы комиссии содействия по реализации займа — комсоды, которые проводили среди рабочих и всего населения разъяснительную работу по распространению облигаций [там же, д. 2609, л. 18].

План реализации займа индустриализации 1927 г. в размере 1 млн 700 тыс. руб. в Ярославской губернии не был выполнен, так как он, по заявлению заведующего губфинотделом В. Ваничека, «был завышен, по крайней мере, на 300 тыс. руб.» [там же, д. 2972, л. 116].

Несмотря на это, план по реализации первого займа был увеличен до 1 млн 900 тыс. руб. [там же, д. 2966, л. 16]. В результате общая сумма займа 1927 г. в Ярославской губернии составила всего 948 860 руб. [там же].

В июле 1928 г. был выпущен второй заем индустриализации на сумму 550 млн руб. [24, с. 31]. Ярославский губком ВКП(б) поставил перед трудящимися Ярославской губернии задачу — до 1 ноября 1928 г. реализовать заем на сумму 4 млн 100 тыс. руб. [26].

При проведении кампании по реализации второго займа индустриализации облигации распространялись среди населения, а рабочим предлагалось вложить сумму месячного заработка [29, ф. 1, оп. 27, д. 2732, л. 8], на что в большинстве случаев они подписывались [там же, л. 107]. Проводилась широкая разъяснительная работа о значении займов в цехах, общежитиях, клубах, красных уголках [там же, д. 2835, л. 249], в избах-читальнях и домах крестьянина; везде ставили госзаймовские пьесы и показывали фильмы о госзайме [там же, д. 2966, л. 46], на видных местах вывешивались листовки о госзайме, их раздавали всем на улицах, в кинотеатрах и других учреждениях [там же, д. 2609, л. 182].

18 июля 1929 г. в Ярославской губернии, как и по всей стране, был проведен день индустриализации с отчислением однодневного заработка в пользу индустриального строительства [там же, ф. 265, оп. 1, д. 12, л. 22]. В 1928—1929 гг. в Ярославской губернии финансовые накопления, расходование в том числе на строительство заводов комбината [14, с. 10—13, 20, 50], составили почти 25 млн руб.

Несмотря на все меры по экономии и накоплению финансовых средств, внешний долг страны не уменьшался, в апреле 1931 г. СССР был вынужден взять у германских банков новый большой кредит, и задолженность в конце 1931 г. составила 1,4 млрд рублей [там же, с. 207—208].

В стране были проведены широкие кампании по реализации 3-го и 4-го займов индустриализации [29, ф. 1, оп. 27, д. 2835, л. 421].

На резино-асбестовом комбинате многотиражные газеты «На стройке» и «Резиногигант» в то время (1930—1933) широко освещали ход реализации займов и призывали рабочих участвовать в них. Заголовки статей газет в колонке «Промфинфронт» ярко отражали эти события: «Отдадим двухнедельный заработок на индустриализацию» [10, 1930, 16 июля], «6 и 16 августа 1930 г. проведем на всех предприятиях день индустриализации» [там же, 1930, 7 авг.], «Участвуйте в субботниках индустриализации» [там же, 1930, 24 авг.], «К тиражу 3-го решающего займа ни одного рабочего без облигаций займа» [там же, 1931, 19 сент.; 23 сент.; 27 сент.; 3 окт.; 9 окт.], «Дадим свой месячный заработок займы государству» [19, 1933, 17 мая], «Доведем подписку до месячного фонда зарплаты» [там же, 19 мая].

Облигации займа должны были почти принудительно взять все отделы и цеха заводов, все рабочие — для каждого подразделения был свой жесткий план. Печатные органы постоянно отмечали передовиков и отстающих на финансовом фронте: «Товарищ Гильберг — лучший финударник, за 3 дня собрал дополнительно подписку на заем на 2170 рублей», «98 человек на механическом заводе не охвачены подпиской на заем» [там же, 1 февр.], «Конфекционный цех должен подтянуться и развернуть дополнительную подписку на заем, на кордном — 50 новых займодержателей» [10, 1933, 3 февр.]. Для подписки на заем на свиноферму комбината выезжала агитбригада, так как на 1 января 1933 г. подписка на заем составляла 8000 руб. при месячном фонде зарплаты в 9000 руб. [19, 1933, 4 янв.]. Прошла подписка среди рабочих крольчатника комбината и машинно-тракторной станции; в инструментальном цехе лучший финударник Исаев охватил займом 18 человек из 80 [10, 1933, 2 янв.]. Среди рабочих организовывали дополнительную подписку: так, работница строительства ТЭЦ, получая в месяц 60 руб., подписалась на 150 руб. и выплатила эти деньги, призывая других рабочих взять дополнительную подписку и досрочно ее выплатить [там же, 1933, 7 янв.]. Для более широкого охвата населения займами в продовольственных магазинах устанавливали финпосты [там же, 2 янв.] (неподписавшиеся на заем могли остаться без продуктов).

Для экономии финансовых средств на комбинате боролись за хозрасчет, снижение себестоимости, повышение производительности труда, за экономию стройматериалов [10, 1931, 3 окт.], против их растраты [там же, 1933, 9 февр.], против перерасходования фонда зарплаты [там же, 8 янв.], против прогулов [там же, 1931, 27 сент.], лодырей и рвачей, за бережное отношение к труду [там же, 1933, 9 янв.]. При всех возможных действиях по режиму экономии и получению денег в виде займов их не хватало на погашение кредитов, полученных Резинотрестом.

Для оплаты внешнего долга по кредитам стране потребовалось золото. 1 ноября 1931 г. на заседании Политбюро И. В. Сталиным был сделан доклад «О золоте», по которому Политбюро уполномочило вновь созданные комиссии по золоту принять все меры для увеличения золотых ресурсов страны, так как имевшиеся тогда золотовалютные ресурсы в 213 млн руб. не покрывали и трети внешнего долга СССР [21, ф. 17, оп. 162, д. 11, л. 33].

Для развития золотодобывающей промышленности было необходимо импортное оборудование, а следовательно, золото; замкнутый круг не давал выхода из сложившейся ситуации.

Главным источником пополнения золотовалютных средств стало организованное в 1930 г. Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами — Торгсин, правила которого были утверждены Наркомфином СССР [22, ф. 4433, оп. 1, д. 3, л. 3—4].

В 1931 г. Политбюро поручило Нарковнешторгу СССР организовать в магазинах Торгсина скупку золотых вещей от населения в обмен на товары и определять методы расчета с покупателями [21, ф. 17, оп. 162, д. 11, л. 44], после чего вышло постановление № 1123 СНК СССР от 10 ноября 1931 г. «О предоставлении Всесоюзному объединению Торгсин права производства операций по покупке драгоценных металлов» [2, ф. 5446, оп. 12, д. 698, л. 8; 22, ф. 4433, оп. 1, д. 8, л. 48; д. 4, л. 110].

По всей стране открылось множество торгсиновских контор, деятельность которых определяла Комиссия Политбюро [2, ф. 5446, оп. 2, д. 305, л. 10—11]. Магазины открывались поблизости к железной дороге, организации «Заготзерно» и нефтескладу: крупа, мука и керосин были самыми востребованными товарами. Главным условием открытия магазина был потенциальный запас золота у населения, который определялся по тому, насколько богатыми были в прошлом местное купечество и дворянство [12].

По этим условиям к лету 1932 г. на территории Ивановской промышленной области, куда входила Ярославская область, открылась Ивановская контора (Иваново-Вознесенск), которой подчинялись универсальные магазины по скупке золота у населения. Торгсиновские магазины появились в Ярославле [27, ф. Р-344, оп. 1, д. 22, л. 1—2], Рыбинске [там же, д. 5, л. 3], Данилове [там же, ф. Р-2058; ф. Р-51], Ростове [28, ф. Р-1157]. В них принималось любое золото за исключением церковного [22, ф. 4433, оп. 1, л. 92], затем оно переплавлялось в слитки [там же, л. 54] и отправлялось в Европу, главным образом в Германию, для продажи на мировом рынке [11]. Вырученной валютой рассчитывались с долгами.

В первые месяцы работы торгсиновских магазинов в стране были получены колоссальные доходы: за первый квартал 1932 г. — более 75 млн руб. [22, ф. 4433, оп. 1, д. 21, л. 9] по сравнению с 7 млн руб. за 1931 г. при обслуживании иностранных туристов и моряков [там же, д. 133, л. 18, 141—143].

В стране развернулась широкая кампания с разъяснением задач и важности работы Торгсина. Правительственные постановления обязывали местное руководство оказывать содействие Торгсину. Появились официальные агенты Торгсина, которые скупали золото в глухих деревнях и сдавали в торгсиновские магазины [там же, д. 33, л. 25; д. 41, л. 20].

В августе 1932 г. Политбюро приняло директиву «предоставлять Торгсину имеющиеся на внутреннем рынке товары в неограниченном количестве», производить отгрузку товаров для Торгсина «вне всяких очередей» [21, ф. 17, оп. 162, д. 13, л. 61]. Политбюро утверждало цены на товары [там же, д. 11, л. 49; д. 12, л. 34]. В случае затруднений руководство Торгсина напрямую обращалось в Политбюро, чтобы «надавить» на тех, кто мешал его работе. У Торгсина появилась своя «особая инспекция», свой печатный орган «Торгсиновец» и многое другое [22, ф. 4433, оп. 1, д. 158, л. 25—27].

В голодный 1932 г. в обмен на продукты люди принесли в Торгсин почти 21 тонну чистого золота — более половины промышленной добычи золота в тот год [там же, ф. 8153, оп. 1, д. 53, л. 16; д. 53, л. 16]. На 1933 г. план Торгсину был увеличен вдвое [там же, ф. 4433, оп. 1, д. 66, л. 190; д. 92, л. 171].

За долги, сделанные в начале индустриализации 1928—1931 гг., в период 1931—1934 гг. в германские банки из СССР было вывезено около 260 тонн чистого золота, из которых почти 90 тонн обеспечил Торгсин [13].

Это золото пошло на погашение германских кредитов, предназначенных и для строительства резино-асбестового комбината, где перевозка и монтаж импортного оборудования, оплата работы иностранных специалистов, зарубежные командировки для обучения будущих специалистов и прочие расходы по покупке импортного сырья (натуральный каучук из Сингапура, хлопковая нить из Египта) осуществлялись благодаря золотовалютным ресурсам. В 1935 г. все торгсиновские конторы Ярославля, Рыбинска, Ростова и Данилова были закрыты.

Таким образом, основным финансовым источником строительства промышленных объектов СССР в период индустриализации, в том числе заводов Ярославского резино-асбестового комбината, явились иностранные кредиты на нужды индустриализации, выплаченные золотом населения в голодные годы в обмен на продукты первой необходимости в торгсиновских магазинах. Другим важным источником доходов было получение денег с рабочих и населения в виде займов. Дополнением ко всему была строгая экономия имеющихся средств.

Библиографический список

1. Государственный архив Ивановской области.
2. Государственный архив Российской Федерации.
3. Государственный архив Ярославской области.
4. Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам : сборник документов : в 4 т. М. : Госполитиздат, 1957. Т. 1. 878 с.
5. *Доценко В.* Резиновый гигант. Иваново : ОГИЗ РСФСР, Ивановское отделение, 1931. 25 с.
6. История России, XX век / отв. ред. А. Н. Сахаров. М. : АСТ, 1999. 608 с.
7. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК : в 16 т. М. : Политиздат, 1970. Т. 3, 1924—1927. 551 с.
8. Краткие материалы о работе Ярославского губернского исполнительного комитета за два года (1926/27 и 1927/28 гг.). Ярославль, 1928. 103 с.
9. Материалы к XXII Ярославской губернской партконференции. Ярославль, 1928. 84 с.
10. На стройке : еженедельная газета парткома, стройкома и ФЗК химиков по постройке Ярославского резино-асбестового комбината.
11. *Осокина Е. А.* Доллары для индустриализации // Родина. 2004. № 3. С. 76—81.
12. *Осокина Е. А.* Золотая лихорадка по-советски // Родина. 2007. № 9. С. 111—118.
13. *Осокина Е. А.* Золото для индустриализации: «ТОРГСИН». М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 592 с.
14. Отчет о работе Ярославского губернского комитета партии за февраль — май месяцы 1929 г. Ярославль, 1929.
15. Отчет о работе Ярославского губернского исполнительного комитета, 1926—1928 гг. Ярославль, 1929.
16. Отчет Ярославского губернского комитета ВКП(б) за декабрь 1925 — декабрь 1926 г. Ярославль, 1926.

17. Отчет Ярославской губернской контрольной комиссии и РКИ за январь — декабрь 1927 г. Ярославль, 1927.
18. Очерки истории Ярославской организации КПСС. Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд-во, 1967. 560 с.
19. Резиногигант : еженедельная газета парткома Ярославского резино-асбестового комбината.
20. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917—1967 гг.) : в 5 т. М. : Политиздат, 1967. Т. 1. 558 с.
21. Российский государственный архив социально-политической истории.
22. Российский государственный архив экономики.
23. *Сталин И. В.* Сочинения : в 17 т. М. : ОГИЗ, 1948. Т. 8. 488 с.
24. *Теребов В. Н.* Каталог облигаций и обязательств внутренних государственных и целевых займов РСФСР и СССР, 1922—1991. Саранск : Красный Октябрь, 1996. 48 с.
25. Торгово-промышленная газета : орган ВСНХ СССР и РСФСР. 1929. 10 июля.
26. *Феофанов О. Е.* Первые займы индустриализации как источник накопления капитала : (по материалам Ярославской области) // Ярославский педагогический вестник. 2009. № 2 (59). С. 249—251.
27. Филиал Государственного казенного учреждения Ярославской области «Государственный архив Ярославской области» в г. Рыбинске.
28. Филиал Государственного казенного учреждения Ярославской области «Государственный архив Ярославской области» в г. Ростове.
29. Центр документации новейшей истории Государственного архива Ярославской области.
30. *Швальбе К. А.* В борьбе за мировой гигант : (о строительстве резино-асбестового комбината). Иваново-Вознесенск : Партиздат, 1932. 32 с.
31. Ярославский шинный завод : путеводитель по 75-летней истории / сост. Ю. С. Коваленко. Ярославль : Акад. развития, 2007. 221 с.

ББК 63.3(2)522-201

А. С. Тюрин

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НИЖЕГОРОДСКОЙ ПАЛАТЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИМУЩЕСТВ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ДОХОДОВ БЮДЖЕТА В СЕРЕДИНЕ XIX в.

Приведены результаты исследования деятельности Нижегородской палаты государственных имуществ по обеспечению доходов бюджета от использования данных имуществ на территории Нижегородской губернии в период 1840—1860 гг. Рассмотрены особенности контрактов на передачу в аренду казенных и мирских оброчных статей. На основании материалов исследования сделан вывод о том, что в середине XIX в. система планирования и учета доходов от управления государственными имуществами была значительно забюрократизирована, в связи с чем не обеспечивала заметного роста доходов бюджета. В то же время контрактная система передачи в аренду государственного имущества и размещения заказов на выполнение работ и оказание услуг для государственных нужд была сформирована и, несмотря на некоторую громоздкость и косность, достаточно успешно функционировала.

© Тюрин А. С., 2017

Ключевые слова: Нижегородская палата государственных имуществ, государственные крестьяне, казенные оброчные статьи, мирские оброчные статьи, торги, контракты, арендное содержание, платежи в бюджет.

The results of the author's research of Nizhny Novgorod Chamber of State Property activities to ensure revenues from the use of state property on the territory of the Nizhny Novgorod region in the period 1840—1860 years are provided. Based on the research materials the conclusion is made that in the middle of the XIX c. contract transmission system for rent of state property and the placement of state orders for the execution of works and services for state needs has been formed and, despite some awkwardness and inertness, functioned quite successfully.

Key words: Nizhny Novgorod Chamber of State Properties, state peasants, state-owned quitrent article, quitrent mundane articles, auctions, contracts, rental content, payments to the budget.

Министерство государственных имуществ было создано в 1837 г. путем выделения из состава Министерства финансов Департамента государственных имуществ [8, т. 12, № 10834]. Для решения задач, закрепленных за Министерством государственных имуществ, требовалось сформировать его подразделения в губерниях. Проект таких учреждений был утвержден уже через четыре месяца после образования министерства [8, т. 13, № 11189], а Нижегородская палата государственных имуществ создана 1 июля 1839 г. на основании Указа императора от 20 марта 1839 г. [8, т. 14, № 12144].

За палатами государственных имуществ были закреплены две основные обязанности: попечительство над государственными крестьянами и управление государственными имуществами [там же, разд. 2, п. 123]. Доходы от данного управления относились к неналоговым доходам бюджета.

Целью работы является изучение деятельности Нижегородской палаты государственных имуществ по обеспечению поступлений доходов в бюджет от передачи в арендное содержание казенных и мирских оброчных статей, по планированию и ведению учета, а также выявление особенностей и типовых условий контрактов, заключаемых по итогам торгов.

Статья подготовлена на основе архивных материалов Центрального архива Нижегородской области. Научных работ, посвященных исследованию указанных аспектов деятельности Нижегородской палаты государственных имуществ не выявлено.

Некоторые вопросы управления государственными имуществами на территории Нижегородской губернии затрагивались либо в рамках публикаций по более узким темам, либо в рамках краеведческих исследований, посвященных развитию кустарных промыслов [3, 6, 10, 13, 14], управлению государственными крестьянами [2] и казенными лесами [11], взаимоотношениям органов государственного управления и самоуправления в Нижегородской губернии [9]. В ряде работ рассматриваются отдельные социальные, экономические и правовые проблемы Нижнего Новгорода и Нижегородской губернии [1, 4, 5]. Кроме того, большинство таких публикаций затрагивают иной исторический период, когда уже произошло преобразование губернских палат государственных имуществ в губернские управления (после 1866 г.). Таким образом, деятельность Нижегородской палаты государственных имуществ по обеспечению доходов бюджета от управления казенными имуществами до настоящего времени осталась неисследованной.

Каждая палата государственных имуществ имела в своем составе два отделения — хозяйственное и лесное. Хозяйственное отделение занималось

доходами от казенных и мирских статей (сдача в содержание казенных земель, мельниц, почтовых станций и т. д.), лесное отделение — доходами от казенных лесов, в том числе продажей билетов на сплав леса по рекам.

Работа по планированию доходов на будущий год начиналась в феврале. Ежегодно в марте министерство направляло в палаты государственных имуществ так называемые «отношения» о предоставлении сметы о доходах с казенных и мирских статей. Пример такого «отношения» сохранился в Центральном архиве Нижегородской области [12, оп. 209 (1862 г.), д. 10, л. 1].

Палаты государственных имуществ собирали с окружных управлений информацию и направляли в министерство сводные сведения о планируемых доходах от оброчных статей. Сведения следовало предоставлять до 1 мая (на 1860 г. — до 1 мая 1859 г., на 1863 г. — до 1 мая 1862 г. и т. д.). После свода отчетов всех палат Министерство государственных имуществ утверждало «Расписание окладов доходов по ведомству, назначенных по Высочайше утвержденной росписи доходов» на конкретный год, которое доводилось до каждой палаты государственных имуществ в разрезе параграфов и конкретных статей доходов и сборов. Пример такой росписи также сохранился в архиве [там же, л. 20—22].

Окружные управления составляли подробные ведомости казенных земель, находившихся в пользовании государственных крестьян, по уездам и предоставляли сведения «об экономическом состоянии оброчных статей» [12, оп. 209 (1861 г.), д. 13], которые потом использовались палатой государственных имуществ для подготовки сводных сведений. Такие ведомости содержали информацию о «дачах», состоявших в ведении государственных крестьян, селениях, к которым они относились (с указанием количества «душ»), наличии документов на «дачи», количестве удобной земли и лесов. Также прикладывались ведомости «копий с планшетных листов» (имеющийся в наличии у местных властей картографический материал).

На казенные и мирские оброчные статьи чиновники окружных управлений составляли отдельные ведомости, в которых указывались местоположение оброчной статьи, ее размер и свойства (пашня, сенокос и т. д.), лицо, которому она передана в содержание, год и срок передачи, а также сумма ежегодного платежа. Например: «...у крестьянина села Татинца Николая Егорова с 1 января 1856 года на 6 лет с платежом в год оброка по 86 рублей»; «...у крестьянина д. Комарихи Терентия Анисимова с 1 января 1853 года на 12 лет с платежом в год оброка 5 рублей» [12, оп. 209 (1859 г.), д. 96, л. 19].

В ведомостях окружных управлений, включавших в себя несколько уездов, обязательно указывался уезд, к которому отнесена та или иная статья. Например, ведомость о казенных оброчных статьях Васильского округа содержит сведения о семи «земляных статьях», четырех рыбных ловлях, одном постоялом дворе «в казенной Ивановской даче в 20 верстах от г. Макарьева», а также сенокосных и пахотных полянах [там же, л. 11—13]. Ведомость о мирских оброчных статьях Васильского округа включает информацию о земляных статьях, пристанях, хлебопекарных амбарах, мукомольных мельницах, рыбных ловлях, базарах и ярмарках [там же, л. 14—20]. Из ведомости следует, что в Васильском округе у государственных крестьян было развито мукомольное производство (отмечены 40 «однопоставных» и «двупоставных» мукомольных мельниц), рыболовство (это неудивительно, поскольку на территории округа протекает Волга и впадающие в нее Ветлуга и Сура), а также многочисленные базары и ярмарки. В примечаниях к этой статье указывалось,

например, что «в селе Спасском базар каждую неделю по вторникам и две ярмарки, принадлежащие крестьянам сел Спасского, Ватраса, Елховки и деревень Тубанаевки и Турбенки».

Лесное отделение собирало сведения о «дачах» у лесничеств Нижегородской губернии. Каждое лесничество вело учет лесным «дачами» на своей территории и предоставляло информацию в составе годового отчета. Указывались наименование и площадь дачи, ее состояние (казенная, неразмежеванная, казенных крестьян, общего владения — казенных и помещичьих крестьян), объем леса, отпущенного из «дачи» в течение года за плату и безденежно, состояние охраны и т. д. С примерами таких ведомостей можно ознакомиться в архиве [12, оп. 209 (1861 г.), д. 15].

Чиновники палаты также вели подробный учет казенным «дачами», которые палата государственных имуществ сдавала в содержание или передавала в аренду. Например, в «Реестре казенных дач по Нижегородской губернии за 1862—1864 годы» данные по «дачами» приводятся в разрезе уездов и волостей с указанием площади по генеральному размежеванию, времени проведения съемки «дачи» на план и количества планшетов [12, оп. 209 (1862 г.), д. 24]. Сводные данные можно представить в следующем виде:

Уезд	Количество дач
Ардатовский	17
Арзамасский	32
Балахнинский	29
Васильский	21
Горбатовский	32
Княгининский	28
Лукояновский	36
Макарьевский	38
Нижегородский	35
Семеновский	20
Сергачский	29
<i>Итого</i>	<i>317</i>

На основе таких обобщенных данных, а также с учетом поступления доходов за предыдущие три года осуществлялось планирование доходов по каждому отделению. Следует отметить, что сметы доходов лесного и хозяйственного отделений заметно отличались.

Лесное отделение палаты государственных имуществ составляло ведомость об ожидаемых доходах с лесных оброчных статей, указывая номера статей по окладной книге (например, Волчихинская, Личадеевская и т. д.) с привязкой к населенным пунктам, а также вероятный доход в будущем году. Например, общая сумма ожидаемых доходов в 1863 г. от лесных оброчных статей составляла 4652 руб. 46 ³/₄ коп. [там же, д. 12]. Ведомость готовилась служащими бухгалтерского стола лесного отделения палаты государственных имуществ, подписывалась губернским лесничим и отправлялась в Лесной департамент Министерства государственных имуществ.

Хозяйственное отделение заполняло ведомость по форме, утвержденной Вторым департаментом, причем особо отмечалось, что «сумма доходов должна равняться общей сумме доходов, назначенной по смете, в разделении же по родам их в ведомости этой надобности не представляется», т. е. информация в министерство подавалась в обобщенном виде [там же, д. 10, л. 2].

В 1863 г. в Нижегородской губернии доходы (в руб.) с оброчных статей планировались в следующем размере [там же, л. 8]:

от казенных статей	3 703,49 $\frac{1}{4}$
коннозаводских статей	2 756,50
мирских статей	11 052,88
<i>Итого</i>	<i>17 512,87 $\frac{1}{4}$</i>

Отмечу, что в приведенных цифрах отсутствуют доходы от Нижегородской ярмарки, поскольку в требовании к составлению ведомости было указано, что доход от Нижегородской ярмарки следует показывать в смете доходов казенных оброчных статей отдельной строкой. И это вполне объяснимо: самый крупный доход от казенных имуществ в Нижегородской губернии поступал от использования имущества Нижегородской ярмарки.

В Центральном архиве Нижегородской области сохранилась переписка между Нижегородской палатой государственных имуществ и Нижегородской ярмарочной конторой по вопросу предоставления сведений «о поступлении дохода с Ярмарки на 1863 год по окладу ярмарочных помещений и прочих ярмарочных статей дохода» и о действительных поступлениях в 1859, 1860 и 1861 гг. [там же, л. 15].

Из ответа ярмарочной конторы следует, что доходы (в руб.) от Нижегородской ярмарки в 1859—1861 гг. составили [там же, л. 16]:

1859	176 455,75
1860	180 679,80
1861	182 387,65

В 1863 г. ожидалось поступление 184 тыс. руб. В июне 1862 г. ярмарочная контора представила уточненный помесечный прогноз доходов на 1863 г., по которому общая сумма выросла до 185 тыс. руб., а основные поступления ожидалось в июне, августе и сентябре [там же, л. 18]. Из приведенных сведений видно, что доход от Нижегородской ярмарки более чем в 10 раз превышал годовые доходы от иных оброчных статей.

Какие же оброчные статьи в середине XIX в. находились в ведении Нижегородской палаты государственных имуществ?

Казенные статьи состояли из тех государственных имуществ, которые были переданы в аренду и содержание; доход от них поступал в казну. По сохранившимся документам можно привести перечень таких статей и планируемый доход (в руб.) [там же, л. 11]:

Поступления:	
с земель, кроме запаханых	1 050,90
запаханных земель	13,00
ярмарочного оклада	23,68
рыбных ловель	118,35
мельниц	2 478,55 $\frac{1}{4}$
водных толчей	9,49
трактира	7,82
поташного завода	1,70
<i>Итого</i>	<i>3 703,49 $\frac{1}{4}$</i>

Мирские статьи состояли из сдаваемых в содержание имуществ, принадлежащих обществам государственных крестьян; доход от них в равных

частях поступал в казну и в мирской капитал. Разнообразие мирских статей можно представить в следующем виде:

Поступления	Планируемый доход в год, руб.
с земель	654,68½
мельниц	4 982,57½
рыбных ловель	2 450,87
ярмарок и базаров	1 583,57
кирпичных заводов	14,25
крахмальных, паточных, дегтярных и других заведений	51,22
трактирных и харчевных заведений	209,53
хлебопекарных изб	129,80
рейнских погребов	40,00
перевозов	600,95
пристаней	176,58
амбаров и мест под амбарами	184,50
домов	8,00
толчей	11,38
<i>Итого</i>	<i>11 052,88</i>

В Нижегородской губернии отдельно выделялись доходы, поступающие с казенных коннозаводских земель. Несмотря на то что с конца 1856 г. Управление государственного коннозаводства было выделено из состава министерства в отдельный Комитет государственного коннозаводства, палата государственных имуществ продолжала учитывать доходы от сдачи в содержание казенных имуществ, находившихся в ведении указанного комитета:

Поступления	Планируемый доход в год, руб.
с земель	1 664,00
лавок	142,50
базаров	950,00
<i>Итого</i>	<i>2 756,50</i>

Следует отметить, что в существующей структуре управления учет доходов от тех или иных однотипных статей мог быть закреплен как за хозяйственным, так и за лесным отделением. Например, передача в содержание крестьянам сенокосной земли на территории лесничества относилась к лесному отделению, а аналогичной казенной земли вне лесничеств — к хозяйственному отделению. Такая же ситуация была с перевозами, пристанями и рыбными ловлями, сдаваемыми в содержание.

В палате государственных имуществ был налажен учет сумм, поступавших от казенных имуществ и израсходованных на нужды управления. Вместе с тем описание каждой операции с казенными суммами было не формализованным, очень подробным, переходящим на иные страницы, в результате чего оценить общее состояние доходов и расходов было затруднительно, а проверка такого отчета представляла собой непростую задачу [12, оп. 209 (1855 г.), д. 41а]. Кроме текущих платежей, учитывались недоимки прошлых лет, пени на них и пени на просрочку текущих платежей. Неудивительно, что сводные отчеты содержали ошибки, которые выявлялись при их проверке в министерстве. Например, в мае 1862 г. из бухгалтерского стола седьмого отделения Лесного департамента в Нижегородскую палату государственных имуществ поступило письмо о выявлении расхождений сумм в отчете о лес-

ных доходах за 1861 г. с требованием немедленной доставки сведений о действительных доходах за этот год [12, оп. 209 (1862 г.), д. 17].

Сводные отчеты о поступивших от казенных имуществ суммах направлялись в министерство по подведомственности: хозяйственным отделением — в Первый департамент, лесным отделением — в Лесной департамент. После проверки отчетов палат государственных имуществ министерство включало эти сведения в сводный отчет министерства.

Основной формой передачи оброчных статей в аренду были торги.

Проведение торгов на оброчные статьи имеет давнюю историю. Требование их проведения содержится в указах императора Петра I (например: «Оброчные статьи отдавать с торгов тому, кто больше даст» [7, т. 6, № 1816]; «Оброчные статьи отдавать с торгов охочим людям с добрыми поруками на год, на два и на три» [там же, № 2222]). Один из первых крупных документов, заключавших в себе порядок проведения торгов, — Регламент Камер-коллегии [7, т. 8, № 5789] — был утвержден императрицей Анной Иоанновной в 1731 г.; впоследствии в нормативных документах XVIII в. (например, наставлениях казенным палатам 1776 г.) и начала XIX в. также встречались указания на проведение тех или иных торгов.

В правление императора Николая I было утверждено Положение об обязательствах, заключаемых с торгов между казною и частными людьми по подрядам, поставкам, по содержанию оброчных статей и продаже казенных движимых имуществ [8, т. 5, № 4007]. В документе отмечено, что все ранее принятые предписания по проведению торгов должны применяться в части, не противоречащей Положению, а все, что «с настоящим Положением несогласное, само собою отныне впредь отменяется» [там же, § 183]. Соответственно палаты государственных имуществ при отдаче в содержание оброчных статей руководствовались именно этим документом. В Положении были предусмотрены объявления о проведении торгов, в том числе в печати [там же, § 37—40], установлены залог для участников торгов [там же, § 43], равный 1/3 годовой суммы платежа, способ проведения торгов [там же, гл. 4] и другие правила, с некоторыми изменениями сохранившиеся до наших времен.

Торги организовывались по принципу прямого английского аукциона. (Продавец назначает начальную цену, далее покупатели вступают в конкурентную борьбу, устанавливая цену выше начальной. Участники имеют возможность пересматривать свои предложения в зависимости от предложений соперников. Побеждает тот, кто на момент окончания аукционной борьбы предложил наивысшую цену.) К особенностям торгов следует отнести проведение переторжки, которая назначалась через три дня после торгов и была призвана дать возможность конкурентам сделать более выгодное для казны предложение. Последняя цена, назначенная на переторжке, признавалась окончательной ценой контракта.

Мирские статьи выставлялись на торги в уездных городах или волостных правлениях после обязательного согласования с палатами государственных имуществ. На казенные статьи до 1852 г. торги проводились в палатах государственных имуществ, потом было разрешено организовывать торги в уездных городах и волостных правлениях, чтобы упростить доступ государственных крестьян к участию в них. Согласно п. 2 Высочайше утвержденного мнения Государственного совета после одобрения «палатами, в пределах предоставленной им власти, производившихся в уездных городах или волостных правлениях торгов на казенные статьи контракты на оныя,

по составленным палатами проектам» следовало заключать окружным начальникам в уездных городах [8, т. 27, № 25922].

Правительство было заинтересовано в увеличении доходов от казенных и оброчных статей, но при этом очень жестко регламентировало деятельность палат по проведению торгов на данные статьи. Например, для лесного отделения циркуляром министра государственных имуществ от 6 марта 1839 г. № 542 палатам государственных имуществ было предписано: «Таксы и вообще все предположения о назначении цены на продажу казенного леса и лесных изделий должны быть представляемы... на утверждение министерства непременно к 1 июля под опасением за противное строгого взыскания» [12, оп. 209 (1847 г.), д. 23, л. 31]. При этом для назначения такс на леса следовало руководствоваться «Высочайше утвержденными 12.11.1810 ценами на строевые деревья по губерниям» (в т. ч. Нижегородской) [там же, л. 32—36], «Высочайше утвержденными 12.11.1810 ценами на дрова» и другими аналогичными документами [там же, д. 24, л. 20—32]. В циркуляре Лесного департамента Министерства государственных имуществ от 18 марта 1847 г. № 643 всем палатам сообщалось, что выявлены нарушения при продаже леса и что лес может продаваться «выше назначенных такс не иначе как с торгов, производимых в присутственных местах», а также разъяснялось, что продажа леса на торгах должна устанавливаться палатами заранее и из тех «дач», «в коих она постоянно производится успешно и где, следовательно, можно надеяться чрез соревнование покупателей возвысить доход» [там же, д. 23, л. 48]. Торги должны были проводиться до 1 октября, начальную цену следовало определять на основе утвержденных такс.

Соответственно палаты государственных имуществ рассылали лесничим копии циркуляров и предписаний по проведению торгов и увеличению доходов. Лесничим предписывалось «употребить все... меры к возвышению лесных доходов». В Центральном архиве Нижегородской области сохранились копии таких писем [там же, д. 24, л. 52—56].

Несмотря на административные меры, предпринимаемые министерством, передача лесных оброчных статей не приносила того финансового эффекта, на который рассчитывали центральные власти. В циркуляре Лесного департамента Министерства государственных имуществ от 13 мая 1859 г. № 13605 констатируется, что лесные оброчные статьи остаются в хозяйственном управлении и «доходы не растут, а уменьшаются», вследствие чего вновь поднимался вопрос об отдаче лесных оброчных статей в срочное содержание с торгов [12, оп. 209 (1859 г.), д. 58, л. 2].

Помимо применения административного «кнута», министерство пыталось увеличить доходы от сдачи в содержание оброчных статей с помощью финансового «пряника» для чиновников, ответственных за проведение торгов. Например, Лесной департамент Министерства государственных имуществ своим циркуляром от 26 июля 1847 г. № 2914 извещал Нижегородскую палату государственных имуществ о премиях «за съемку на план и таксацию» лесных дач [12, оп. 209 (1847 г.), д. 24, л. 80]. Чиновникам предусматривались премии, если они «сверх обязанностей по службе» проводили съемку и таксацию лесных дач или участков от 1000 до 2000 десятин. При этом палаты государственных имуществ должны были самостоятельно определять, какой доход может быть получен от новых дач, и предоставлять сведения о них в министерство.

Другой пример поощрения лиц, ответственных за проведение торгов на крестьянские оброчные статьи, содержится в циркуляре министерства от 17 июля 1859 г., которым палаты государственных имуществ извещались о том, что «если при отдаче с торгов крестьянских оброчных статей в содержание цены на них будут возвышены вдвое против прежнего, то 20 процентов единовременно из суммы возвышения за один год распределяется по приговору общества и с утверждением палат государственных имуществ между членами волостного правления и прочими должностными лицами, содействовавшими возвышению цены» [12, оп. 209 (1859 г.), д. 59, л. 5]. Так, если годовой платеж за оброчную статью в ходе торгов вырастал с 10 до 20 руб. в год, то на разовое премирование должностных лиц разрешалось потратить 2 руб.

Следует отметить, что по Положению 1830 г. в случае, если сумма контракта не превышала 10 руб., палаты могли заключать договоры самостоятельно, если сумма контракта составляла от 10 до 25 тыс. руб., то договоры заключались по утверждении гражданских губернаторов. При сумме контракта свыше 25 тыс. руб. дело представлялось на разрешение министра, а свыше 50 тыс. руб. — на утверждение Сената. В договорах по содержанию оброчных статей обязательно определялись суммы, сроки и место, где должен производиться платеж, сроки передачи в аренду, местоположение оброчной статьи и т. д. Подлинники договоров хранились в том органе власти, который его заключил, а скрепленная копия отдавалась частному лицу. Согласно § 107 Положения «договоры, с казною заключенные, должны быть хранимы столь твердо, как бы они были за собственноручным подписанием Императорского Величества» [8, т. 5, № 4007].

В Центральном архиве Нижегородской области сохранились копии двух типов контрактов на отдачу в арендное содержание казенных и мирских оброчных статей, которые заключались в середине XIX в. между арендаторами и ведомством государственных имуществ Нижегородской губернии. Это контракты на арендное содержание земли и арендное содержание промыслов (мельниц, рыбных ловель, перевозов и береговых мест); все они, за исключение одного, имеют 12-летний срок действия.

Для контрактов на арендное содержание пахотной земли характерно указание того, каким образом должна производиться обработка земли, чтобы не ухудшались ее свойства (например: «...хлебопашество в обычном порядке, не истощая землю обременением одного и того же поля два года подряд озимым или яровым хлебом» [12, оп. 209 (1859 г.), д. 96, л. 5—6] или «...хлебопашество земли производить по трехпольному севообороту, не обременяя одно и то же поле два года подряд озимым или яровым хлебом» [там же, л. 7—10]), запись об обязанности съемщика в последний год контракта подготовить паровое поле для следующего съемщика, а также о разрешении озимый хлеб, посаженный на участке в последний год контракта, «снять в следующем году по истечении срока, даже если статья будет отдана иному съемщику». На случай потребности казны в арендованном участке отмечалось, что «участок может быть отобран не иначе как по снятии посеянного хлеба с учинением при том расчета в оброчных деньгах» [там же].

В этих контрактах отсутствовала какая-либо единая система платежей. В одном случае указано, что «оброчные деньги съемщик обязан вносить... за настоящий год при заключении контракта, а в иные годы — в январе месяце непременно и безнедоимочно», в другом случае требовалось платить «вперед

за каждую треть года без недоимок», в третьем случае — «пополугодно вперед в январе и июле месяце». Предусматривались и санкции за неисправность платежей (расторжение контракта и взыскание убытков казны с залога или имени съемщика).

Съемщикам сенокосных земель предоставлялись права хозяйственного распоряжения ими «с обязательством по истечении срока содержания сдать статью, кому будет приказано, в том же числе десятин, которое принято по контракту» [там же, л. 3]. Возведенные на такой земле «хозяйственные заведения» по окончании контракта арендаторы должны были снести под угрозой штрафа «за насильственное завладение чужими землями». В контракте на содержание казенной сенокосной поляны было указано, что арендатор обязан содержать сенокосную поляну, окашивать траву на сено, а в случае неурожая травы было разрешено «распахать поляну и засеять хлебом» [там же, л. 42].

Сохранились два типа контрактов на содержание мельниц: на их содержание и на постройку и содержание (фактически — концессионное соглашение).

Контракты на содержание мельниц являют собой двусторонние договоры на отдачу в арендное содержание мирских оброчных статей, одной стороной которых выступает арендатор, а другой — волостное правление, представляющее интересы государственных крестьян той волости, где расположено арендуемое имущество. Отметим, что сдавалось в содержание именно общее имущество государственных крестьян, что находило отражение в контракте (например: контракт на содержание «однопоставной мукомольной мельницы, безымянной на речке Чувакиной, принадлежащей всем черемисам Еманганской волости» [там же, л. 34—35]).

Платежи за пользование мирской оброчной статьей вносились раз в полугодие в волостное правление: в январе — на составление «мирского капитала», в июле — для зачисления в государственные подати «за крестьян, которые участвуют в этой мельнице бездоимочно». Платежи в денежном выражении были невелики для арендатора, однако в контрактах указывалось условие того, что ремонт и содержание мельницы арендатор осуществляет за свой счет, а также условия льготного помола крестьянского хлеба. Например: «Помол производить крестьянам, участвовавшим в той мельнице, с посторонними лицами без очереди. За помол с первых денег не брать, а пользоваться с каждого мешка пятипудового веса 5 фунтами муки» [там же, л. 32—33].

Контракты на постройку и содержание мельниц заключались в окружных управлениях, а не в волостных правлениях, поскольку речь шла о создании новой оброчной статьи и сумма контракта превышала 10 руб. Например, контракт от 12 мая 1856 г. между Васильским окружным управлением и мещанином Алексеем Ивановым предусматривал строительство водяной мукомольной мельницы «о двух постав» ценой в 300 руб. серебром в течение двух лет и пользование ею 12 лет со дня начала действия, «даже хотя одним жерновом, с платежом оброка по шести рублей серебром в год» [там же, л. 24—25]. В документе отмечено, что если в течение двух лет мельница построена не будет, то контракт расторгается, а «возведенные строения и заготовленные материалы должны поступить в пользу общества», которое тогда все это передаст кому-либо другому. На этой мельнице Иванов был обязан обмалывать хлеб крестьян тех селений, в «дачах» которых она расположена, «во всякое время года, когда будет действовать мельница, со взиманием платежа по 1 копейке серебром с пуда (хлеба. — *А. Т.*), и то только собственного их,

а не перекупного». На время действия контракта за мельницей закреплялся участок в три десятины, где арендатор мог брать землю для засыпки плотины.

Другие единичные контракты (на содержание береговых мест, рыбных ловель, перевоза через р. Пьяну) не позволяют выделить каких-то существенных особенностей в порядке и сроках платежей, а также нестандартных обременений арендаторов со стороны властей. Например, контрактом от 18 февраля 1859 г. на оброчное содержание берегового места на Суре съемщику было «дозволено для склада судовых припасов построить амбары по своему усмотрению и сколько заблагорассудится без всякого с чьей-либо стороны препятствия», а плату за сохранение в амбарах судовых припасов съемщик должен был «брать с судопромышленников по общему между ними согласию» [там же, л. 36—38]. Контракт от 29 декабря 1857 г. на содержание рыбных ловель на Суре определял, что «в снятых водах лов рыбы можно производить всякими орудиями, кроме запрещенных законом» [там же, л. 38—39].

Для обеспечения функционирования путей сообщения Нижегородская палата государственных имуществ вела дела по передаче в арендное содержание перевозов, почтовых и этапных станций [12, оп. 209 (1862 г.), д. 21]. Однако здесь одной из главных проблем было нежелание крестьян брать станции в аренду. Среди основных причин крестьяне называли отсутствие у них капиталов (донесение за № 110 чиновника особых поручений Мицкевича управляющему палатой государственных имуществ [12, оп. 209 (1861 г.), д. 22, л. 5] и приговоры крестьянских сходов) и «способных для того лошадей, а также сбруй и повозок», отдаленность станций от мест проживания, они указывали, что их традиционное занятие — хлебопашество (приговоры сельских сходов крестьян Лукояновского округа [там же, л. 8—70]) и т. д. В то же время была востребована аренда перевозов, не связанных с затратами на содержание лошадей и сопутствующими расходами. Например, за трехлетнее содержание в аренде перевоза через Волгу на территории современного Сормовского района (1846—1849 гг.) мещанин Нижнего Новгорода Порошин заплатил 250 руб. [там же, д. 38, зап. 458].

На контрактной основе выполнялись работы и для нужд палаты государственных имуществ. Например, в деле о ремонте дома, занятого данной палатой, содержатся сведения о том, что в апреле 1861 г. были проведены «торги с узаконенною через три дня переторжкою на отдачу исправления и ремонта занимаемого палатой каменного дома со всеми прилежащими к нему надворными строениями и флигелем» [там же, д. 31]. Первоначальные работы оценивались в 7 445 руб. 43¼ коп. серебром; торги выиграл крестьянин Щуров, согласившийся выполнить работы за сумму 6 894 руб.

Работы принимались по акту, который служил основанием для выплаты подрядчику денег из казначейства. Акт свидетельства выполненных работ в октябре 1861 г. подписывали советник Нижегородской палаты государственных имуществ Щавинский, гражданский инженер Кочановский и губернский архитектор Килевейн. В акте указано, что «работы проведены согласно утвержденной смете, с надлежащей прочностью и чистотою, с употреблением материалов хорошего качества...» [там же, л. 6].

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

1. В середине XIX в. система планирования и учета доходов от управления государственными имуществами была значительно забюрократизирована, в связи с чем не обеспечивала заметного роста доходов бюджета.

2. Контрактная система передачи в аренду государственного имущества и размещения заказов на выполнение работ и оказание услуг для государственных нужд была сформирована и, несмотря на некоторую громоздкость и косность, достаточно успешно функционировала.

3. Передача в арендное содержание государственных имуществ осуществлялась не только в фискальных целях, она обеспечивала функционирование путей сообщения, а также развитие промыслов и торговли.

Библиографический список

1. *Выборнов А. Ю.* Нижегородская ярмарка в системе международных торговых связей России в XIX — начале XX века : дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2004. 259 с.
2. *Кадыкова Г. Н.* Государственные марийские крестьяне Среднего Поволжья в конце XVIII — первой половине XIX века : дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2006. 281 с.
3. *Карташова М. В.* Кустарно-промышленная политика и ее реализация в последней трети XIX в. : (на материалах Нижегородской губернии) : дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2008. 318 с.
4. *Киселева А. В.* Основные этапы и особенности реализации судебной реформы 1864 г. : на материалах Нижегородской губернии : дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2006. 217 с.
5. *Кудрявцев М. С.* Нижний Новгород: город и ярмарка : социально-культурные аспекты взаимодействия, 1861—1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2006. 202 с.
6. *Мокрунцов С. А.* Модернизация кустарных промыслов в Нижегородской губернии во 2-й половине XIX века : дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 215 с.
7. Полное собрание законов Российской империи : собрание первое : 1645—1825 гг. : в 48 т. СПб. : Тип. 2-го отд-ния собст. Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. 6. 815 с.; Т. 8. 1014 с.
8. Полное собрание законов Российской империи : собрание второе : 1825—1881 гг. : в 55 т. СПб. : Тип. 2-го отд-ния собст. Е. И. В. канцелярии, 1830—1885. Т. 5. 822 с. ; Т. 12, отд-ние 2. 794 с. ; Т. 13. 1067 с. ; Т. 14. 1185 с. ; Т. 27. 801 с.
9. *Пудалов Б. М.* Из истории взаимоотношений органов государственного управления и самоуправления в Нижегородской губернии // Проблемы социального управления: методология, теория, практика : материалы Всероссийской научной конференции. Н. Новгород : Изд-во Волго-Вят. акад. гос. службы, 1998. С. 105—106.
10. *Селезнев Ф. А.* Нижегородские народные промыслы. Н. Новгород : Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2011. 195 с.
11. *Филонов А. А.* Лесное хозяйство Марийского края во второй половине XIX — начале XX в. : дис. ... канд. ист. наук. Йошкар-Ола, 2013. 240 с.
12. Центральный архив Нижегородской области. Ф. 55.
13. *Чиркунов И. В.* Политика губернского земства по отношению к кустарным промыслам Нижегородской губернии в конце XIX в. : (на основе материала работы «Нижегородская губерния по исследованиям губернского земства») // История и археология : материалы II Международной научной конференции, г. Пермь, май 2014 г. Пермь : Меркурий, 2014. С. 77—79.
14. *Чиркунов И. В.* Становление и развитие кустарных промыслов в России : (на примере Нижегородской губернии) // Молодой ученый. 2014. № 4. С. 775—778.

ББК 63.442.14(2)-415

А. В. Уткин, Е. Л. Костылёва

РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКИЕ ГЛИНЯНЫЕ ДИСКИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ

Рассматриваются глиняные диски, найденные на стоянках Центральной России Языково I, Варос I, Ивановское VII, Щербинино I, Сахтыш II, IIА и VIII. Диски относятся к первой стадии развития раннеолитической верхневолжской культуры (первая половина V тыс. до н. э.). На основании формы и орнаментации диски трактуются как изображение Солнца.

Ключевые слова: Центральная Россия, ранний неолит, верхневолжская культура, глиняные диски, символ Солнца, Языково I, Варос I, Ивановское VII, Щербинино I, Сахтыш II, IIА, VIII.

The article discusses clay disks found at the sites of Central Russia Yazykovo I, Varos I, Ivanovskoye VII, Shcherbinino I, Sakhtysh II, IIА and VIII. Discs are the first stage of development of the early Neolithic Upper Volga culture (the first half of the V millennium BC). On the basis of the disks shape and ornamentation they are interpreted as the image of the Sun.

Key words: Central Russia, early Neolithic, Upper Volga culture, clay discs, a symbol of the Sun, Yazykovo I, Varos I, Ivanovskoye VII, Shcherbinino I, Sakhtysh II, IIА, VIII.

Около 7000 лет назад в лесах Восточной Европы мезолитические охотники/собиратели начали массовое изготовление керамической посуды. Этот момент российские археологи считают началом лесного неолита. На территории Центральной России самой ранней его стадией является археологическая культура, получившая в литературе название верхневолжской [3].

Находки, свидетельствующие о духовной культуре верхневолжского населения, очень скудны и малочисленны. Однако среди них выделяется особая категория артефактов — керамические диски.

Всего известно девять дисков. Они найдены в культурных слоях семи древних поселений (по одному экземпляру на стоянках Языково I, Варос I, Ивановское VII, Щербинино I, Сахтыш II, IIА и три — на стоянке Сахтыш VIII) [2, 5—9]. Таким образом, сахтышские стоянки дали более половины известных в центре Русской равнины дисков. Семь дисков, в том числе четыре с Сахтыша II и VIII (рис. 1, 3), были введены в научный оборот в разных контекстах ранее. Диск со стоянки Языково-I не опубликован.

Фрагмент диска со стоянки Сахтыш IIА публикуется в данной статье впервые (рис. 2)¹.

© Уткин А. В., Костылёва Е. Л., 2017

¹ Раскопки Д. А. Крайнова и Е. Л. Костылёвой в 1988 г. Диск найден в кв. 37 в предматериковом слое на глубине 50 см. Хранится в Археологическом музее ИВГУ.

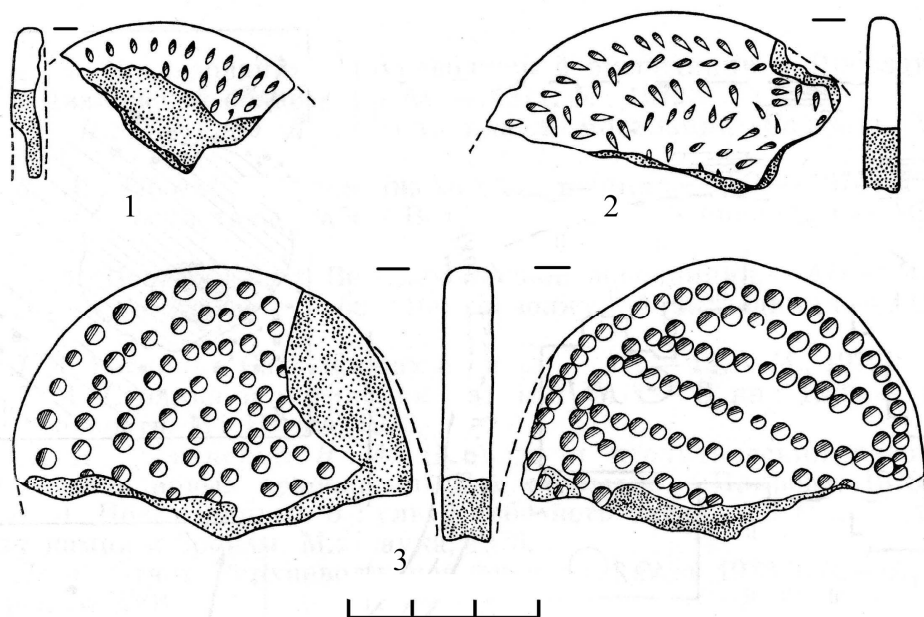

Рис. 1. Стоянки Сахтыш VIII (1, 2) и Сахтыш II (3). Глиняные диски с накольчатым орнаментом (рис. Е. Л. Костылёвой, А. В. Уткина) [2]

Рис. 2. Стоянка Сахтыш IIА.
Глиняный диск
с накольчатым орнаментом
(фото Е. Л. Костылёвой)

Диски изготовлены из хорошо промешанной глины, имеют сильный обжиг. От восьми артефактов сохранились только обломки, но их размеры и орнаментация хорошо реконструируются. Толщина дисков — от 5 до 12 мм, диаметр — 60—80 мм. На шести дисках чаще одна из поверхностей украшена неглубокими ямками/наколами, которые обычно расположены или концентрическими кругами, или по спирали; на диске с Сахтыша II одна сторона украшена спиральным орнаментом из неглубоких ямок, а другая — параллельными линиями из ямок в круговом ямочном же обрамлении (рис. 1: 3). Поверхности двух дисков орнаментированы параллельными рядами коротких оттисков зубчатого штампа.

Единственный целый диск толщиной 10 мм и диаметром 75 мм уникален². На нем в круге из мелких ямок такими же ямками изображена голова

² Раскопки Д. А. Крайнова стоянки Сахтыш VIII в 1973 г. Диск был найден в кв. 9 в предматериковом слое на глубине 40—50 см от современной поверхности. Впоследствии был передан автором раскопок на хранение в Государственный Эрмитаж. Заметим, что недалеко от находки диска в кв. 5, 6, 9 находилось захоронение, отнесенное нами к льяловской культуре [2]. Однако нельзя исключить и связь погребенного с более ранним временем.

оленя (или рогатой важенки северного оленя) в профиль (рис. 3)³. На краю диска имеется сквозное отверстие. Если за него подвесить диск, то морда оленя из круга будет «смотреть» сверху вниз.

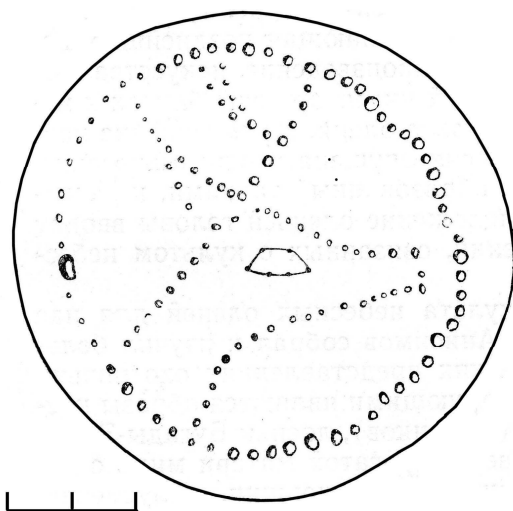

Рис. 3. Стоянка Сахтыш VIII.
Глиняный диск с изображением головы оленя
(рис. Е. Н. Ерофеевой) [7]

принципам орнамента аналогичны верхневолжской посуде ранней стадии развития, которая датируется первой половиной V тыс. до н. э. (по традиционной хронологии без учета калибровки радиоуглеродных дат). В частности, на свежем сколе боковой части диска со стоянки Сахтыш ПА хорошо видны примеси к глиняному тесту сосуда в виде очень мелкой раковины, которая обычно встречается в озерных сапропелях и которая характерна для состава глиняного теста ранних верхневолжских сосудов. С внешней стороны дисков эта примесь к тесту прослеживается в виде небольших плоских пустот, образовавшихся в результате выщелачивания раковины. На внешних поверхностях дисков имеются также небольшие включения песка. Основным элементом орнамента ранней верхневолжской керамики — подовальные или округлые наколы, редко — отпечатки мелкозубчатого штампа, характерные и для дисков.

Кроме вышеупомянутых находок со стоянок центральной части России фрагменты четырех подобных дисков были обнаружены и на восточном берегу Онежского озера, на стоянке Черная речка, в комплексах с ранней ямочной керамикой. По предположению автора раскопок, они могли использоваться в качестве амулетов [4].

Таким образом, находки своеобразных керамических дисков фиксируют устойчивый интерес раннеолитических охотников/собирателей к Солнцу, свет и тепло которого имели огромное значение для древнего человека в холодных и сырых лесах Севера.

³ Интересно наблюдение палеозоолога из ИИМК РАН Н. М. Ермоловой, которая в устной беседе с авторами настоящей статьи предположила, что «рисовала» на диске женщина, так как в изображении допущены некоторые неточности, которые не смог бы сделать мужчина-охотник.

Академик Б. А. Рыбаков полагал, что это изображение является одним из древнейших свидетельств существования у раннеолитического населения культа небесных оленей, хорошо известного у современных северных народов по этнографическим данным [7].

Можно также предположить, что подобные диски связаны с солярной символикой. Об этом свидетельствуют их форма и орнамент в виде концентрических кругов или спирали — символических изображений непрерывного движения Солнца.

Все глиняные диски по технологии изготовления и

Библиографический список

1. Костылёва Е. Л. Раннеэолитический верхневолжский комплекс стоянки Сахтыш VIII // Советская археология. 1986. № 4. С. 138—151.
2. Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья : планиграфические и хронологические структуры. М. : ТАУС, 2010. 300 с.
3. Крайнов Д. А., Хотинский Н. А. Верхневолжская раннеэолитическая культура // Советская археология. 1977. № 3. С. 42—68.
4. Лобанова Н. В. Культура ямочно-гребенчатой керамики // Археология Карелии. Петрозаводск, 1996. С. 81—104.
5. Мезолитические и энеолитические культуры Верхнего Поволжья : по материалам стоянки Ивановское VII / М. Г. Жилин, Е. Л. Костылёва, А. В. Уткин, А. В. Энговатова. М., 2002. 245 с.
6. Ошибкина С. В., Крайнов Д. А., Зимица М. П. Искусство каменного века : (лесная зона Восточной Европы). М. : Наука, 1992. 136 с.
7. Рыбаков Б. А. Новые данные о культе небесного оленя // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М. : Наука, 1976. С. 57—63.
8. Сидоров В. В. Многослойные стоянки Верхневолжского бассейна: Варос и Языково // Многослойные стоянки Верхнего Поволжья. М., 1992. С. 4—113.
9. Уткин А. В. Стоянка Щербинино I на Малой Нерли // Археология Верхнего Поволжья. Н. Новгород, 1991. Вып. 1. С. 73—84.

ПАМЯТИ КОЛЛЕГИ

Н. Р. КОРОВИН — УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ, ЧЕЛОВЕК

В этом году исполнилось пять лет, как ушел из жизни наш коллега, замечательный человек, профессор, доктор исторических наук Николай Романович Коровин.

С Николаем Романовичем меня связывали долгие годы совместной работы на одной кафедре исторического факультета. Мы познакомились в сентябре 1980 г., когда он перешел в Ивановский государственный университет из Тюменского. С тех пор работали рука об руку до осени 2012 г., когда Николай Романович ушел с работы по состоянию здоровья.

Мой коллега относился к тому поколению советских людей, взросление и возмужание которых пришлось на тяжелые 1930—1940-е гг. Родился он 10 декабря 1935 г. в семье простого крестьянина, колхозника села Сторожевое Усманского района Воронежской (ныне Липецкой) области. Сторожевое — старинное село, возникшее в 1651 г. вблизи Татарского вала Белгородской засечной полосы. Оно существует до настоящего времени, в нем проживают более 1200 человек.

После начала Великой Отечественной войны село оказалось в прифронтовой полосе, так как линия фронта проходила в нескольких десятках километров, а областной центр, Воронеж, был несколько месяцев оккупирован фашистами. Многие жители села были мобилизованы в армию. В их числе были отец Николая Романовича и его старший брат, которые не вернулись с фронта.

На большом мемориальном комплексе, возведенном в селе и посвященном односельчанам, павшим в Великой Отечественной войне, значатся фамилии десятков земляков Николая Романовича. В их числе — его отец и старший брат.

После обучения в Сторожевской семилетней школе Николай Романович поступил в Усманское педагогическое училище, по окончании которого в 1954 г. в течение года работал учителем в сельской школе.

Затем последовала служба в рядах Советской армии (до осени 1957 г.), которую Николай Романович проходил сначала в должности рядового, а затем сержанта. По ее окончании был аттестован как офицер запаса и получил звание капитана.

Демобилизовавшись из армии в 1957 г., Николай Романович работал учителем в Сторожевской средней школе, преподавал историю, рисование и даже математику. Забегая вперед, должен сказать, что преподавательская работа в школе выработала у Николая Романовича такие качества, как ответственность и организованность. А также прекрасный каллиграфический почерк.

Н. Р. Коровин зарекомендовал себя как грамотный преподаватель и хороший организатор. Поэтому в 1963 г. районное руководство назначило двадцативосьмилетнего педагога директором Поддубровской средней школы Усманского района Липецкой области. Работу администратора Николай Романович совмещал с преподаванием истории, обществознания. Одновременно

учился на заочном отделении исторического факультета Воронежского государственного университета, который закончил в 1965 г.

Он часто вспоминал о своих годах директорства. О том, как ему приходилось заниматься строительством нового здания школы, законченного в 1965 г. О строительстве жилого дома для учителей. О тех трудностях и невзгодах, которые выпадали на долю директора сельской школы.

Учеба на историческом факультете Воронежского университета подтолкнула Николая Романовича к мысли заняться научными изысканиями, и в 1966 г. он поступил в заочную аспирантуру Воронежского государственного педагогического института по специальности «История СССР». Его научным руководителем стала доцент В. Н. Елисеева, возглавлявшая кафедру истории. Под ее руководством Николай Романович занялся изучением истории рабочего класса СССР в 1930-е гг. В 1978 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Рабочий класс Центрально-Черноземного района в годы второй пятилетки. 1933—1938 гг.».

В 1972 г. Николай Романович оставил среднюю школу и перешел на работу в вуз. С 1972 по 1977 г. работал ассистентом кафедры истории КПСС Тюменского инженерно-строительного института, а с 1977 по 1980 г. — старшим преподавателем кафедры истории СССР Тюменского государственного университета. В университете Николай Романович читал общий курс по истории СССР периода империализма, историографии истории СССР, спецкурс «Рабочий класс и индустриальное развитие СССР (1926—1937)», руководил музейной и архивной практиками, курсовыми и дипломными работами.

Принимал активное участие в общественной жизни вуза и факультета: был заместителем секретаря партбюро факультета, руководил методологическим семинаром преподавателей кафедр исторического факультета, являлся куратором студенческой группы.

В 1980 г. Н. Р. Коровин переехал в Иваново и по конкурсу был избран доцентом кафедры истории советского общества. Говоря о годах работы в Ивановском государственном университете, надо отметить, что для него это был очень плодотворный и успешный во всех отношениях период. В вуз пришел сложившийся ученый и педагог, имевший богатый опыт работы во всех звеньях системы образования.

Николай Романович активно продолжал разрабатывать тему истории рабочего класса 1930-х гг. В годы перестройки, когда была снята жесткая цензура и стали доступны многие ранее засекреченные архивные фонды, он исследовал новые аспекты интересующей его темы. В частности, писал статьи о ссыльнопоселенцах, заключенных ГУЛАГа как специфических отрядах рабочего класса СССР в 1930-х гг.

Активная научная работа позволила ему завершить работу над докторской диссертацией по теме «Рабочий класс России в 30-е годы XX века», которую он успешно защитил в 1996 г. в Московском государственном университете. Научным консультантом был известный ученый, профессор МГУ В. М. Селунская. Хотелось бы отметить, что защита докторской диссертации — это всегда важная веха в жизни ученого. К такого рода работе предъявляются очень жесткие требования. Она должна охватывать значительный исторический период, большой географический регион, опираться на очень широкий круг исторических источников, выходить на уровень глубоких обобщений, являться научным прорывом на данном научном направлении. Соискатель должен иметь большое количество публикаций, в том числе

в центральных изданиях. Защита докторской диссертации Н. Р. Коровиным в таком авторитетном учебном заведении, как МГУ, свидетельствовала о том, что его работа отвечала вышеуказанным требованиям.

После защиты диссертации он не остановился на достигнутом и продолжал научные изыскания. Каждый год публиковал статьи, тезисы; участвовал в научных конференциях; издавал учебные пособия, методические указания по читаемым курсам. За пять лет после защиты докторской диссертации Николай Романович подготовил 15 публикаций общим объемом 13 печатных листов. В том числе в издательстве ИвГУ в 2001 г. у него вышло учебное пособие «Индустриализация СССР в 1930-е годы» объемом 6 печатных листов. Всего к моменту ухода из университета он был автором более ста публикаций общим объемом около 150 печатных листов.

Активно занимаясь научной работой, Николай Романович щедро делился опытом и знаниями со своими учениками-дипломниками и аспирантами. Под его руководством четыре аспиранта защитили кандидатские диссертации, а В. С. Околотин и А. А. Федотов еще и докторские.

Центральное место в вузовской деятельности занимала учебная работа. С 1980 по 2012 г. он вел курсы: «Историография отечественной истории», «Новейшая история России (1917—2000 гг.)», спецкурсы «Рабочий класс и индустриальное развитие СССР в 1926—1937 годах», «Трудовая и общественно-политическая активность рабочего класса в Центральной России в 1926—1937 годах» и ряд других. Руководил курсовыми, дипломными работами, вел педагогическую практику.

Николай Романович активно работал в ученом совете исторического факультета, долгое время возглавлял факультетскую методическую комиссию. После защиты докторской диссертации он стал членом Диссертационного совета по направлению 07.00.02 — Отечественная история. Часто выступал в качестве рецензента и оппонента по кандидатским и докторским диссертациям. Хотелось бы отметить, что все его выступления носили глубокий, продуманный и, главное, доброжелательный характер. Он не был сторонником жесткой критики, всегда умел найти что-то положительное. В случае возникновения спора во время защиты выступал в качестве примиряющего начала, умел находить компромиссные решения.

Хотелось бы сказать о Николае Романовиче как о педагоге и человеке. Мне не пришлось быть ни его учеником, ни студентом, ни аспирантом. Но в течение длительного времени мы работали на одной кафедре, на одном факультете. Мне приходилось бывать на открытых лекциях ученого, слушать оценки его деятельности студентов. Выступления Николая Романовича всегда отличались честностью, методической последовательностью.

Я также обращал внимание на то, как тщательно работал он в качестве научного руководителя курсовых и дипломных работ. Если возникала необходимость «вытянуть» какого-то слабого студента с защитой дипломной работы, то я как заведующий кафедрой поручал это именно Николаю Романовичу. Он очень деликатно, тактично работал с таким студентом и доводил его до защиты.

Несколько слов о своих взаимоотношениях с Николаем Романовичем как с подчиненным. В 1990 г., после безвременной кончины профессора А. В. Смирнова, я был назначен заведующим кафедрой. Среди преподавателей, как правило, много людей с непростыми характерами: эгоцентризмом, гипертрофированным чувством критицизма, собственным мнением по каждому вопросу, даже далекому от их профессиональных интересов, и т. д.

Когда на смену авторитетному заведующему приходит молодой ученый, то очень часто возникают различного рода конфликтные ситуации, идет длительный процесс «притирки» коллектива и нового руководителя. Конечно, здесь многое зависит от его опыта, знаний, умений, выдержки. Но с другой стороны, важны такт и понимание коллег по кафедре. Я должен с благодарностью отметить, что Николай Романович спокойно отнесся к моему назначению. Как с человеком и профессионалом-управленцем с ним было работать легко и просто. Он дисциплинированно выполнял все указания и просьбы, точно и в срок готовил разного рода бумаги (планы, отчеты, программы, паспорта компетенции и т. д.).

С его стороны я никогда не замечал пренебрежительного отношения или высокомерия ко мне или другим коллегам. И когда возникала необходимость выполнить какое-либо поручение, я часто обращался к Николаю Романовичу, и он выполнял его настолько, насколько это было ему по силам. Со своей стороны я всегда старался откликнуться на его просьбы, помогал в решении тех или иных материальных и производственных проблем.

Много повидавший, имевший большой жизненный и служебный опыт, Николай Романович стремился не ввязываться в разного рода склоки, которые подчас возникали в вузовской среде. Он с пониманием и, я бы сказал, с всепрощением относился к человеческим слабостям, ошибкам в работе.

Вместе с тем он не был «засушенным вузовским сухарем». Всегда с удовольствием принимал участие в корпоративных вечеринках, междусобойчиках, юбилеях, днях рождения, свадьбах коллег. Мог выпить рюмку-другую, повеселиться, потанцевать, сделать комплимент дамам. Они всегда благоволили к Николаю Романовичу, считали его галантным кавалером и хорошим танцором. Такие черты характера Николая Романовича вызывали симпатии у всего коллектива.

Но я должен сказать, что в его жизни не все было так просто. Я знал, что у него бывали серьезные материальные затруднения (особенно в бурные 1990-е гг.), проблемы со здоровьем дочери. Да и сам Николай Романович не отличался богатырским здоровьем, и в минуты наших откровенных разговоров он жаловался на свои недуги и болезни. Я часто видел его болезненное состояние, старался как-то помочь, хотя, наверное, это не всегда получалось.

Николай Романович с большим достоинством переживал тяготы и невзгоды своей жизни. Понимал необходимость своего ухода из вуза в связи с ухудшением состояния здоровья. Мы неоднократно обсуждали с ним эту проблему.

Известие о его кончине просто ошеломило нас всех. Не стало замечательного педагога, ученого, прекрасного человека, много лет проработавшего с нами бок о бок. Осталось глубокое сожаление о том, что при жизни мы, его коллеги, не сказали ему важных слов благодарности, не проявили достаточно уважения и любви. Но он навсегда останется в нашей памяти.

*А. А. Корников,
декан исторического факультета*

Сведения об авторах

АРТЕМЬЕВА бакалавр 4-го года обучения
Полина Андреевна направления «Международные отношения»,
Ивановский государственный университет.
polina_artemeva_96@mail.ru

БАЛДИН доктор исторических наук, профессор,
Кирилл Евгеньевич заведующий кафедрой истории России,
Ивановский государственный университет.
kebaldin@mail.ru

ЕВСЕЕВ доктор исторических наук,
Владимир Александрович профессор кафедры всеобщей истории
и международных отношений,
Ивановский государственный университет.
yevseyev@mail.ru

ИЛЬИН доктор исторических наук, профессор
Юрий Александрович кафедры новейшей отечественной истории,
Ивановский государственный университет.
Ilyin37@mail.ru

КИРЮХИН кандидат исторических наук,
Дмитрий Вячеславович доцент кафедры иностранных языков,
Нижегородская государственная
сельскохозяйственная академия.
bagerlock@gmail.com

КОСТЫЛЁВА кандидат исторических наук,
Елена Леонидовна доцент кафедры истории России,
Ивановский государственный университет.
elkos-ty-le-va@mail.ru

МАСЛЕННИКОВА учитель английского языка,
Марина Николаевна Старовичугская средняя общеобразовательная
школа им. Г. В. Писарева.
maslennikova_1988@mail.ru

СЕЛЬСКАЯ аспирантка кафедры истории и философии,
Валентина Андреевна Ярославский государственный медицинский
университет.
walentis59@mail.ru

ТОЧЕНОВ кандидат исторических наук, доцент кафедры
Сергей Валерьевич новейшей отечественной истории,
Ивановский государственный университет.
stochenov@rambler.ru

ТЮРИН аспирант кафедры истории государства
Андрей Сергеевич и права, Нижегородский институт управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ.
andreynnr@yandex.ru

УТКИН документовед исторического факультета,
Александр Витальевич Ивановский государственный университет.
(4932) 32-61-88

ЧЕРНОПЕРОВ доктор исторических наук, профессор,
Василий Львович заведующий кафедрой всеобщей истории
и международных отношений,
Ивановский государственный университет.
vlchernoperov@rambler.ru

ЮДИН кандидат исторических наук,
Кирилл Александрович доцент кафедры истории России,
Ивановский государственный университет.
kirill-yudin.hist@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ «ВЕСТНИКА ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **УДК** (для естественных и технических специальностей), **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В каждом пункте библиографического списка, составленного в алфавитном порядке (сначала произведения на русском языке, затем на иностранном), приводится одна работа. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность. Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, редактирование и сокращение текстов статей.

8. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ПРАВИЛА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ

1. Статьи авторов, являющихся преподавателями, сотрудниками или обучающимися ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании письменного решения (рекомендации) кафедры или научного подразделения ИвГУ и рецензии доктора наук, не являющегося научным руководителем (консультантом), руководителем или сотрудником кафедры или подразделения, где работает автор.

2. Статьи авторов, не работающих и не обучающихся в ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании рекомендации их вуза или научного учреждения и рецензии доктора наук, работающего в ИвГУ.

3. Поступившие статьи проходят далее рецензирование одного из членов редколлегии соответствующей серии (выпуска), являющегося специалистом в данной области.

4. Статья принимается к публикации при наличии двух положительных рецензий и положительного решения редколлегии серии (выпуска). Порядок и очередность публикации статьи определяются в зависимости от объема публикуемых материалов и тематики выпуска.

5. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной (электронной) форме. Авторы имеют право на доработку статьи или ее замену другим материалом.

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**Серия «Гуманитарные науки»
2017. Вып. 4 (17). История**

Над выпуском работали:

директор издательства *Л. В. Михеева*
редакторы *О. В. Батова, О. В. Боронина, В. А. Киселева*
технический редактор *И. С. Сибирева*
компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 20.12.2016 г.

Формат 70 × 108¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 8,4. Уч.-изд. л. 7,2. Тираж 100 экз. Заказ № 241. Цена свободная

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41 E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

